Сверхчеловѣкъ надъ бездной.

Александръ Закржевскій.

Сверхчеловѣкъ надъ бездной.

Сверхчеловѣкъ надъ бездной.
Религія подвига (Левъ Толстой).
Мистика жизни и смерти
(Ж. Роденбахъ и Б. Зайцевъ).
Психологія самоубійства.

КІЕВЪ,
Типографія А. М. Пономарева п. у. И. И. Врублевскаго, Крещатикъ 58—2. Тел. 660.
1911.

Я—только Богъ. Но я и малъ и слабъ.
Причины создалъ я.
Въ путяхъ моихъ причинъ я вѣчный рабъ
И плѣнникъ бытія.

Ѳедоръ Сологубъ.

Все болитъ у древа жизни людской.

Константинъ Леонтьевъ.

Сверхчеловѣкъ надъ бездной.

„Какъ стыжусь я своего восхожденія и спотыканія! Какъ смѣюсь я надъ усиленнымъ дыханьемъ своимъ! Какъ ненавижу я летающихъ! Какъ усталъ я на высотѣ“...

„Объявилось ученіе, и рядомъ съ нимъ шла вѣра въ него: „Все пусто, все равно, все ужъ было!„...

(„*Нитцше. Такъ говорилъ Заратустра*“).

I.

„Жизнь—это многообразная тайна“—говорятъ мистики. Можетъ быть они и правы. Но имъ присуще умиленіе, вызываемое тайной, кислосладкое благодушіе, восторженный идеализмъ. а между тѣмъ, если вдуматься, то станетъ понятно, что эта тайна внушаетъ ужасъ, дикій, слѣпой, всеразрушающій ужасъ, потому что въ ней нѣтъ разрѣшенія, нѣтъ смысла, нѣтъ начала и конца, потому-что въ ней есть глубина, такая глубина, что морозъ пробѣгаетъ по тѣлу, когда заглянешь въ нее! И глубину окружаетъ, какъ дымка, особенная, непонятная кошмарность, кошмарность смутныхъ видѣній, загадокъ, несообразностей, терзаній, надрывовъ, кошмарность, что ложится на грудь человѣка и душитъ безпощадно, душитъ жестоко,—и вотъ вся жизнь, всѣ дни, всѣ минуты—какъ адъ, какъ необъятный, залитый кровью и слезами безысходный адъ!.. Созерцаніе глубины, проникновеніе въ нее создаетъ неизбѣжно трагедію, и она испепеляетъ существованіе мученика глубинъ, она дѣлаетъ его несчастнымъ, жалкимъ, она среди дыма и копоти пошлости кажется зловѣщимъ заревомъ, отъ котораго бѣгутъ, кото-

раго страшатся!.. Есть избранные, которые берутъ на себя непосильный трудъ—построить спасеніе надъ глубиной, или надъ пошлостью, воздвигнуть высокую башню тамъ, подъ небесами, въ голубыхъ даляхъ вѣчности, тамъ гдѣ можно спрятаться отъ кошмара, отъ ада, отъ грязи, взойти на горы, на крутизны, на самыя верхнія ступени и тамъ, задыхаясь отъ головокруженія, съ гордостью, съ презрѣньемъ издѣваться надъ бездной и единой волей, единымъ устремленіемъ заколдовать ужасъ, забыться, превзойти все, стать выше жизни, выше человѣка!.. Тамъ, по ихъ мнѣнію, возможно новое строительство, тамъ возможно созданіе новой жизни, тамъ человѣческій разумъ, какъ орелъ, прорѣзываетъ воздухъ вершинъ стихійными взмахами крыльевъ! Міръ задыхается въ душной гнили вѣковъ,—міръ умираетъ, всѣ безсильны, всѣ мертвы, всѣ слабы, отовсюду грозитъ вырожденіе, измельчанье, кретинизмъ, сонная одурь мѣщанства,—нужно человѣку сжечь все это въ горнилѣ своего безумнаго замысла и развѣять по воздуху прахомъ, нужно вознестись въ вышину и стать сверхчеловѣкомъ, нужно возсоздать на высокой башнѣ жизнь единой воли!.. Блаженны дерзающіе на этотъ подвигъ, ихъ мало, ихъ съ каждымъ днемъ все меньше, они исчезаютъ на башняхъ, укрывшись отъ глубины, и только круговоротъ вѣчности повторяетъ среди развалинъ, среди мрака, среди удушья временъ ихъ истерзанный, гордый и вдохновенный образъ.

Среди нихъ образъ Фридриха Нитцше, можетъ быть, самый величественный, самый благородный!.. Вотъ человѣкъ, чья жизнь была однимъ распятіемъ на крестѣ сверхчеловѣчества, вотъ геній, чья работа, чье творчество было всецѣло отдано бѣгству отъ жизни, той жизни, что ужасаетъ глубиной и пошлостью! Онъ написалъ свою божественную, свою вѣчную книгу для всѣхъ и ни для кого, которая, увы, успѣла уже сдѣлаться достояніемъ многихъ, которую загадила, опошлила та толпа, которую онъ такъ ненавидѣлъ и проклиналъ, изъ среды которой родились эти безчисленные Смердяковы, покрывающіе пятнами гря-

зи имя великаго философа! Повторяютъ общія мѣста о сверхчеловѣкѣ Нитцше, но мало кому захотѣлось прослѣдить и увидѣть внутреннюю сторону этого сверхчеловѣка, его подоплеку, его генезисъ, увидѣть отъ чего исходитъ это творчество, къ чему приводитъ, есть ли это творческое строительство, или просто надрывъ, экстазъ молитвеннаго устремленья отъ глубины въ надеждѣ спастись, не есть ли оно *только* бѣгство отъ трагедіи, только заколдовываніе ея ужасовъ и безднъ, только безумное опьяненіе изнуреннаго непосильнымъ страданьемъ человѣка!? Книга Заратустры, книга огненная и палящая, сколько глубинъ неожиданныхъ, ускользающихъ, страшныхъ просвѣчиваетъ сквозь нее!.. Тамъ видно лицо человѣка, бѣгущаго отъ трагедіи и отъ того, что окружаетъ трагедію палящимъ нарывомъ—міровой пошлости, тамъ это лицо бьется, корчится, замираетъ въ мукѣ, тамъ по временамъ слышится вопль придушенный и страшный—вопль о спасеніи, о пощадѣ, вопль испуга, вопль пресыщенья величайшею болью въ мірѣ! Отъ жизни бѣжалъ Заратустра, отъ кошмарной глубины жизни, отъ того ада, что таится въ бездонныхъ колодцахъ души, и вотъ его, бѣгущаго, преслѣдуютъ видѣнья, душитъ жажда возврата, душитъ смертельное дыханье оставленныхъ долинъ, но голосъ гордости, голосъ желаннаго подвига зоветъ на вершины, все выше, выше, гдѣ нѣтъ ни одного человѣческаго лица, гдѣ все человѣческое должно быть преодолѣно, гдѣ царитъ лишь единая воля... Книга Заратустры, книга, похожая на рану въ сердцѣ человѣка, сколько въ ней крови, густой, запекшейся, насыщеннной крикомъ крови! Вся жизнь изошла кровью во имя величайшаго подвига, кто пойметъ это, тотъ увидитъ на лицѣ Заратустры сквозь ясность величія, сквозь трепетъ вдохновенія частыя, глубокія, темныя морщины, увидитъ дрожь, увидитъ жалкую улыбку слабости, увидитъ горечь! Ибо все это сдѣлано для того, чтобы заглушить бездну души, чтобы убить въ себѣ червя глубины, что точитъ душу смертельной тоской,—ибо отъ гибели бѣжала душа и на-

шла на вершинахъ другую гибель, скрытую отъ всѣхъ, запечатанную семью печатями и названную сверхчеловѣкомъ!

Подвигъ! Подвигъ, ведущій на вершины, какъ красиво это звучитъ и какою цѣною покупается эта красота!.. И для чего и во имя чего создается подвигъ? Не для того ли, чтобы спасти себя отъ тоски пресыщенья глубиной? Кто знаетъ? Кто скажетъ?

Книгу Заратустры привыкли разсматривать какъ попытку творчества новыхъ цѣнностей по ту сторону добра и зла. То, что привыкли называть пошлымъ словомъ „нитцшеанство“ пристало къ ней какъ комокъ засохшей грязи! Но кто заглянулъ въ глубину души Заратустры? Кто научился понимать сокровенность его словъ, кто проникъ въ ту область, гдѣ зарождается мысль о подвигѣ, гдѣ расправляются крылья орла, гдѣ гаснетъ разсудокъ подъ вліяніемъ сверхчеловѣческаго опьяненія? Въ этомъ отношеніи крайне любопытенъ фактъ въ душевномъ процессѣ Нитцше, фактъ бѣгства его отъ философіи Шопенгауэра... Вѣрный ученикъ оказался обвинителемъ, ему казалось, что шопенгауэровскій пессимизмъ легко преодолѣть теоріей о восхожденіи на башню по ту сторону добра и зла... Когда говоритъ Нитцше о Шопенгауэрѣ, въ его словахъ много недоговоренности, много заглушаемаго чувства... Нитцше многіе годы сливался съ его философіей, онъ находилъ въ ней много родственнаго. И то, что было родственно—было не что иное, какъ именно этотъ такъ называемый пессимизмъ, та глубокая безпомощность отъ сознанія неизмѣримости глубины, тотъ ужасъ, то оцѣпененіе, что называется трагедіей и отнимаетъ послѣднія силы и дѣлаетъ всякую попытку борьбы ненужной и жалкой... Нитцше заглянулъ въ эту бездну всей душой, Нитцше понялъ ужасъ, но не захотѣлъ примириться съ нимъ, побоялся ослѣпнуть отъ него, подобно своему учителю. Онъ пошелъ по дорогѣ, висящей надъ бездной, ему казалось, что отъ трагедіи легко спастись. Онъ создалъ образъ Заратустры въ своемъ сердцѣ, какъ бы желая

спрятаться за него отъ того ужаса, къ которому привело его разрушеніе, не оставившее камня на камнѣ, превратившее міръ въ развалины! Его очаровали слова Заратустры: *„Кто поднимается на высочайшія горы, тотъ смѣется надъ всякой трагедіей и надъ всякой печалью!“*... Какія многообѣщающія слова, какъ легко становится отъ нихъ! Какъ много они говорятъ тому, кто усталъ отъ тяжелаго креста, кого ослѣпилъ ужасъ! Онъ задохнулся въ чаду, силы его уходятъ, жизнь его стала безкровная, его душитъ липкій кошмаръ, сердце его разрывается на части, въ длинныя ночи, когда тишина рождаетъ безуміе— ему хочется бѣжать, бѣжать куда бы то ни было, только-бы не видѣть никого, не слышать, не чувствовать, не сознавать!.. *Но куда уйти?* Развѣ есть на землѣ такое мѣсто, куда бы можно спрятаться отъ жизни! На этотъ кровавый, мучительный вопросъ отвѣчаетъ сама жизнь: „его нѣтъ, такого мѣста, ибо я вездѣ. Я вездѣ, я всюду, я найду тебя въ глубочайшихъ колодцахъ, въ неприступныхъ замкахъ, въ непроходимыхъ чащахъ, я наброшусь на тебя, какъ голодная пантера, и острыми, холодными зубами стану терзать твое горло, острыми, холодными зубами тоски!“ Что дѣлать одинокому и отчаявшемуся ввиду этого? Остается одно—взбираться на высочайшія горы...

Но чего стоилъ Ницше этотъ путь на вершины, этотъ скорбный, непосильный, головокружительный путь! Объ этомъ можно и не разсказывать, кому это нужно знать! Важно одно: человѣкъ очутился на высочайшихъ горахъ. Правда, взглянуть въ лицо этого побѣдителя жизни страшно, это не лицо, а маска, одна застывшая проказа боли... Но кому до этого дѣло? И кто знаетъ, что творится въ душѣ этого мученика подвига, перешедшаго черезъ все ужасное, все непобѣдимое, все трагическое въ мірѣ! Можетъ быть эта душа надорвалась въ борьбѣ, можетъ быть въ ней, вмѣсто прославляемой радости, царитъ пустота и паническій страхъ! Можетъ быть голова кружится, глядя внизъ на оставленную землю и цѣпенѣетъ разумъ отъ сознанія, что идти уже дальше некуда!.. Все

это, по словамъ самого Заратустры, „истины, о которыхъ умалчиваютъ, истины ядовитыя!“... Никто не хочетъ знать этихъ ядовитыхъ истинъ, а между тѣмъ, изъ нихъ складывается вся подземная жизнь души... Сколько ужаса заключается въ этомъ самомъ восхожденіи на гору, какая горькая печаль въ этихъ словахъ сверхчеловѣка: „Ты идешь своимъ путемъ величія: теперь лучшей поддержкой тебѣ должно быть сознаніе, что позади тебя нѣтъ больше пути!.. И если у тебя не будетъ больше ни одной лѣстницы, ты долженъ будешь научиться взбираться на свою собственную голову: какъ же иначе хотѣлъ бы ты подняться выше?“... Простая истина этихъ словъ говоритъ: какое геройство, какая храбрость въ преслѣдованіи цѣли! Другая истина, о которой умалчиваютъ, истина ядовитая, говоритъ, что во всемъ этомъ много слѣпого отчаянья, судорожнаго, проклинающаго бѣгства отъ жизни, ибо велико должно быть отвращенье человѣка къ міру, если онъ готовъ взобраться на свою собственную голову!... Нитцше хотѣлъ искупить трагедію разрушенія міра созданіемъ новыхъ цѣнностей, новыхъ скрижалей, онъ противопоставилъ всему Заратустру и его слова. Но Заратустра глубокій психологъ, но плохой пророкъ. Все, что онъ говоритъ ученикамъ—пахнетъ мертвечиной жизни, риторично, плоско, не внушаетъ довѣрія, похоже на декламаціонныя упражненія, зато все, что говоритъ онъ, оставаясь одинъ, къ самому себѣ, поражаетъ глубиной и силой!.. Заратустра носитъ маску передъ учениками и лицо его скрыто, и лицо его блѣдно и старо отъ ужаса... На днѣ души его лежитъ страхъ и печаль земли, но онъ *долженъ* казаться героемъ и побѣдителемъ, потому что Нитцше хочется сдѣлать свою философію жизнерадостной, пляшущей и танцующей, и этимъ досадить своему отвергнутому учителю!.. Что долженъ былъ испытать Нитцше, Нитцше изнемогающій отъ болѣзни, Нитцше изнуренный жизнью до безумія передъ такой задачей! Что долженъ былъ пережить Заратустра, танцуя передъ учениками въ то время, когда ноги его дрожали отъ усталости и подъ

маской шевелилось въ темной судорогѣ надорвавшееся въ страданьи лицо?.. Но все это нужно, все это необходимо, ибо нужна бодрость и легкость тому, кто взбирается на высочайшія горы, чтобы смѣяться надъ всякой трагедіей и всякой печалью!

Кто думаетъ постоянно о сверхчеловѣкѣ и опьяняется его смутнымъ образомъ, тому значитъ въ достаточной мѣрѣ надоѣла земля... Нитцше больше чѣмъ кто-либо ненавидѣлъ землю, созданную людьми, маленькими и ничтожными людьми пошлости... И кто знаетъ, что побудило его взбираться на вершины—погоня за сверхчеловѣческимъ образомъ, или людское стадо? Самъ онъ говоритъ: „Жизнь есть источникъ радости, но всюду, гдѣ пьетъ толпа, всѣ родники бываютъ отравлены... Нѣкогда спрашивалъ я и почти давился вопросомъ своимъ: какъ? неужели для жизни нужна толпа? Нужны отравленные источники, зловонные огни, грязные сны и черви въ хлѣбѣ жизни? Не ненависть, но отвращенье пожирало жадно жизнь мою! Ахъ, даже духъ часто бывалъ мнѣ въ тягость, когда замѣчалъ я, что и толпа бываетъ одухотворена!.. И отъ господствующихъ отвернулся я, когда увидѣлъ, что они теперь называютъ господствомъ: хлопотать и торговаться изъ за власти—съ толпой!“... И еще больше, чѣмъ толпа мучили душу Нитцше люди повседневности, люди сѣрыхъ будней, люди, создающіе мертвящую тоску, называемую жизнью!.. И какова была эта мука, можно судить по слѣдующимъ словамъ Заратустры: „Посмотрите же на этихъ лишнихъ людей! Они крадутъ произведенія изобрѣтателей и сокровища мудрецовъ: культурой называютъ они кражу свою и все обращается у нихъ въ болѣзнь и несчастье. Посмотрите же на этихъ лишнихъ людей! Они всегда больны, они изливаютъ желчь свою и называютъ это газетой. Они проглатываютъ другъ друга и не могутъ переварить. Посмотрите на этихъ лишнихъ людей. Они пріобрѣтаютъ богатства и дѣлаются отъ этого бѣднѣе. Они, безсильные, хотятъ власти и прежде всего рычага власти, много денегъ... Посмотрите.

какъ лѣзутъ они, эти проворныя обезьяны! Онѣ лѣзуть другъ на друга и поэтому срываются въ грязь и въ пропасть... Братья мои, развѣ хотите вы задохнуться въ чаду ихъ ртовъ и желаній! Скорѣе разбейте окна и прыгайте вонъ!"... И потомъ онъ говоритъ: „Развѣ не само отвращенье мое создало мнѣ крылья и силы, угадавшія источникъ!? Поистинѣ, я долженъ былъ взлетѣть на самую высь, чтобы вновь обрѣсти источникъ радости!"... „Не надо тревожить болото: Надо жить на горахъ. Съ блаженствомъ вдыхаю я опять свободу горъ! *Наконецъ носъ мой избавился отъ запаха всякаго человѣческаго существа!*".. И здѣсь Заратустра правъ больше, чѣмъ когда либо! Ибо тамъ, гдѣ кончается человѣкъ и его зловонный запахъ, начинается счастье и радость... Ибо тамъ, гдѣ все пусто, все темно, все дико—начинается міръ одиночества, міръ единой власти, единой свободы. И если нужно взбираться на горы, то только ради избавленія отъ человѣческаго запаха!

Пока горы еще не особенно высоки, дѣло обстоитъ еще сносно. Можно побродить по ущельямъ, еще видны оставленныя долины, обвитыя тяжелой дымкой безумныхъ сновъ, еще слышно, какъ дышетъ земля, земля презираемая и все же такая родная, еще радуетъ запахъ жизни, запахъ тошный и одурманивающій тамъ внизу, но здѣсь кажущійся пріятнымъ... Но вотъ, горы дѣлаются крутыми, тропинки узкими и непроходимыми, пропасти бездонными, воздухъ холоденъ и остръ, вокругъ снѣга, ледяное царство, тяжелый гнетъ тишины: становится жутко. И когда кружится голова отъ утомительнаго взбиранія по опаснымъ, иногда немыслимымъ для прохожденія тропинкамъ,—неудержимо тянетъ внизъ, и силы становятся все слабѣе!.. Для того чтобы преодолѣть все это и взобраться на самую верхушку, нужно быть сильнымъ и здоровымъ! Нитцше никогда не былъ сильнымъ и здоровымъ, иначе онъ не былъ бы такъ настойчивъ въ сочиненіи панегириковъ въ честь сильныхъ! Сильные всегда или глупы, или ограничены, имъ взобраться на вершины ни-

чего не стоитъ, но они не знаютъ того ужаса, который является результатомъ анализа всѣхъ вещей, тамъ, въ долинахъ, гдѣ Нитцше отъ безплоднаго исканія, отъ непосильнаго безумія сталъ безнадежно больнымъ! Отказаться отъ трагедіи и подняться надъ жизнью, не значитъ ли это стать чуть чуть ограниченнымъ, не значитъ ли это залѣчивать раны?.. Но вѣдь для выздоравливающихъ нуженъ полный покой, тишина, отсутствіе труда, а на взбираніе на горы!.. И человѣкъ, нервы котораго истерзаны жизненной драмой, долженъ немного поглупѣть и вмѣстѣ съ физическимъ здоровьемъ пріобрѣсти умѣніе разсуждать по верхамъ! Только такимъ образомъ излѣчиваются люди... Нитцше былъ слишкомъ геніаленъ, чтобы прибѣгнуть къ такому средству для отысканія покоя... *Нитцше поднялся на вершины больнымъ и усталымъ*, да, больнымъ и усталымъ отъ трагедіи, пусть знаютъ и помнятъ это всѣ Смердяковы, всѣ сильные и здоровые, нагло повторяющіе мѣста изъ великой книги, пачкая грязью дорогое и истерзанное лицо, повисшее надъ міромъ, какъ нѣмой укоръ... И скоро сказалась эта усталость. Вотъ въ книгѣ Заратустры, книгѣ бодрой и закаляющей духъ, появляется признаніе,—довольно таки компромитирующее въ глазахъ учениковъ ихъ учителя. Благо ученики не поняли, впрочемъ на то они и ученики! На этотъ разъ ядовитая истина, о которой надлежало умолчать, обнаружилась во всеуслышаніе въ слѣдующихъ словахъ Заратустры. „Когда я наверху, я нахожу себя всегда одинокимъ. Никто не говоритъ со мною, холодъ одиночества заставляетъ меня дрожать. Чего же хочу я на высотѣ? Мое презрѣніе и мое желаніе растутъ одновременно; чѣмъ выше поднимаюсь я, тѣмъ больше презираю я того, кто поднимается. Чего же хочетъ онъ на высотѣ? *Какъ стыжусь я своего восхожденія и спотыканія. Какъ смѣюсь я надъ усиленнымъ дыханіемъ своимъ! Какъ ненавижу я летающаго! Какъ усталъ я на высотѣ!*“

Какъ откровенно прорвалась великая усталость среди горъ!.. Не избѣжать ея видно нигдѣ... Она настигаетъ

путника всюду, она не даетъ забыться... Что весь міръ, что всѣ подвиги, всѣ громкія слова передъ тою безпомощностью, передъ тѣмъ слѣпымъ, жгучимъ отчаяніемъ, которое надрываетъ душу, перешедшую черезъ океанъ боли?.. Эта усталость, разслабляющая, извращающая духъ, побудила Нитцше подняться на горы, онъ думалъ спастись отъ нея преодолѣніемъ человѣческаго! Но невозможно зараженному смертельною болѣзнью измѣниться даже на самыхъ высочайшихъ горахъ, и хотя изъ „яда этой истины Заратустра приготовилъ себѣ бальзамъ свой", все-же слишкомъ больно отъ нея, слишкомъ тяжело закрываться отъ нея броней изъ здоровыхъ, честныхъ, благородныхъ словъ. Это не поможетъ, все равно на днѣ души вѣчно будетъ томиться и рваться наружу замученная совѣсть, все равно отравленная душа на вершинахъ вѣчно будетъ разсыпаться въ прахъ! Нитцше предчувствовалъ это состояніе, онъ зналъ, что не выдержитъ въ роли пророка и сверхчеловѣка, онъ зналъ, что безумный подвигъ истощитъ скоро его силы. Тогда онъ сказалъ устами Заратустры къ самому себѣ: „Когда-нибудь ты не увидишь больше высоты своей, а все жизненное твое будетъ слишкомъ близко къ тебѣ; все возвышенное твое будетъ даже пугать тебя, какъ призракъ. Когда-нибудь ты воскликнешь: „все—ложь!"..

И пришла эта страшная минута, пришла, не заставила ждать. Какъ символъ трагедіи, прозвучалъ среди горъ—одинокій, тяжкій, истомленный голосъ прорицателя, голосъ заглушенной совѣсти, голосъ безмолвнаго отчаянья. И такъ говорилъ этотъ страшный голосъ въ темную ночь надъ сердцемъ Заратустры, превращеннымъ въ прахъ: „И я видѣлъ, наступило великое уныніе среди людей. Лучшіе устали отъ дѣлъ своихъ. Объявилось ученіе, и рядомъ съ нимъ шла вѣра въ него: „Все пусто, все равно, все ужъ было"! И эхо вторило съ холмовъ: „Все пусто, все равно, все ужъ было!". Правда, собрали мы жатву: по почему же сгнили и почернѣли наши плоды? Что упало съ злого мѣсяца въ послѣднюю ночь? Напрасенъ былъ

всякій трудъ, въ отраву обратилось вино наше, дурной глазъ спалилъ наши поля и наши сердца. Всѣ мы изсохли; и если-бъ огонь упалъ на насъ, мы бы разсыпались, какъ пепелъ, но даже огонь утомили мы. Всѣ источники изсякли, и даже море отступило назадъ. Земля хочетъ треснуть, но бездна не хочетъ поглотить насъ! „Ахъ, есть ли еще море, гдѣ бы можно было утонуть“,—такъ раздается жалоба наша надъ плоскими болотами. Поистинѣ, мы слишкомъ устали, чтобъ умереть; и мы еще бодрствуемъ и продолжаемъ жить въ склепахъ“... Послѣ этого,—говоритъ Нитцше,—Заратустра сталъ похожъ на тѣхъ, о комъ говоритъ прорицатель. „Поистинѣ,—сказалъ онъ ученикамъ своимъ,—еще немного и наступятъ эти долгія сумерки. Ахъ, какъ спасу я отъ нихъ свѣтъ свой?“ И тогда упалъ на душу Заратустры липкій кошмаръ, отъ котораго онъ закричалъ отъ ужаса, какъ никогда не кричалъ.

Можно послѣ этого всевозможными способами увѣрять учениковъ въ своей бодрости и всячески осмѣивать прорицателя, но ядовитая истина уже укусила сердце, и страшная боль разрываетъ его, ослѣпляя мозгъ... Близится великій полдень и къ нему протягиваетъ Заратустра руки свои, но въ глубинѣ души копошится инстинктивное отвращенье къ солнцу и нѣжная истерзанность души снова просится въ темныя дали, къ родной тишинѣ... Но зачѣмъ открывать подземелья духа передъ псами и свиньями, передъ голодной стаей учениковъ, жаждущихъ доказательствъ, требующихъ прямолинейной логичности и любящихъ бодрый видъ? И Заратустра, корчась подъ маской, цинично заявляетъ: „Ну, что-жъ, это придетъ въ свое время; но позаботьтесь, ученики мои, чтобъ былъ у насъ хорошій обѣдъ, и поскорѣй!“... Такъ нужно всегда поступать богатырямъ духа—немного иронiи, небрежность по отношенію къ самому ужасному и всегда бодрый видъ. Пусть толпа смотритъ и любуется, пусть захлебывается отъ удовольствія стая учениковъ, слѣдя за прыжками своего учителя среди пропастей. Кому какое дѣло, какою

цѣной покупается эта бодрость? Объ этомъ, къ счастью, никогда не спрашиваютъ. Самый великій богатырь, если онъ желаетъ сохранить свой престижъ, долженъ быть немножко паяцемъ передъ толпой.

Можетъ быть не было въ мірѣ человѣка, испытавшаго столько ужаса, какъ Нитцше. Съ безпощадностью героя онъ разрушилъ весь старый міръ, онъ не оставилъ въ немъ камня на камнѣ, онъ обратилъ въ прахъ всѣ человѣческія основы,—и, когда рухнуло все, когда провалилась земля,—очутился лицомъ къ лицу съ темнымъ хаосомъ! Поистинѣ, не было человѣка несчастнѣе и безпомощнѣе въ мірѣ... Какую пустоту, какое безграничное утомленіе долженъ былъ онъ чувствовать, стоя такъ, среди развалинъ, среди дыма истлѣвающихъ фундаментовъ, лишенный всякой надежды, всякой опоры, всякой почвы! И какая черная тоска, должно быть, царила въ его душѣ. Но онъ еще хотѣлъ созидать, онъ не удовольствовался разрушеніемъ, онъ вознесъ на крыльяхъ своего безсилья черную маску Заратустры и заставилъ его взбираться на самыя высочайшія вершины, на башни, на крутыя тропинки, повисшія надъ пропастью, даже—на собственную свою голову, только для того, чтобы показать нѣчто положительное среди этого мрака и безсилья... Въ своемъ ослѣпленіи Нитцше забылъ одно: для того, чтобы строить, нужно имѣть фундаментъ, нужно имѣть подъ ногами почву. Всякая постройка утверждается на какомъ-нибудь крѣпкомъ императивномъ камнѣ и по сводамъ догматовъ ведетъ къ самому высшему и завершительному догмату начатаго зданія... Но онъ отказался отъ всякой почвы, отъ всякаго фундамента, онъ отравилъ свой мозгъ ядомъ величайшей истины, что весь міръ стоитъ на ложномъ основаніи и потому онъ—сама олицетворенная ложь! Какъ безумецъ Геростратъ, онъ сжегъ храмъ, называемый храмомъ лжи и въ пеплѣ его, упавшемъ на душу, почувствовалъ палящую, сжигающую, вызывающую судороги и слезы, безумную, неизлѣчимую тоску!.. Что изъ того, что онъ заставилъ Заратустру произносить дѣт-

скій лепетъ о сверхчеловѣкѣ? Вѣдь онъ зналъ, хорошо, прекрасно зналъ, что сверхчеловѣкъ немыслимъ, ибо человѣческое убито, а изъ трупа нельзя сдѣлать ничего живого! Онъ самъ замучилъ и убилъ человѣка, а потомъ вдругъ захотѣлъ, чтобы мертвецъ снова воскресъ и сталъ сверхчеловѣкомъ!.. Только безумецъ можетъ вѣрить, что возможно творчество изъ ничего... Нитцше свою трагедію, трагедію абсолютнаго всеразрушенія углублялъ съ годами, онъ расширялъ свое дѣйство безумно, яростно, онъ проклиналъ и осмѣивалъ больше, чѣмъ можетъ проклинать и осмѣивать человѣкъ. Ему хотѣлось взять въ кулакъ всю жизнь и сдавить ее съ такою страшною силою, чтобы отъ нея осталась только мокрота!.. *Нитцше умертвилъ весь міръ*... Онъ былъ твердо увѣренъ, что это поймутъ немногіе—и такъ и случилось. Онъ родилъ немногихъ, одинокихъ, проклинающихъ, что довершаютъ работу, начатую имъ. Они жгутъ, разрушаютъ всѣ капища, всѣ храмы, они расшатываютъ послѣдніе своды, они убиваютъ зародыши жизни съ тоскливымъ остервенѣніемъ, съ глухимъ рыданіемъ, съ ужасающей злобой и ненавистью, вся ихъ жизнь превратилась въ жестокую молитву о томъ, чтобы погасло солнце, чтобы исчезъ его палящій, кошмарный ядъ!.. Они знаютъ то, чего никто не знаетъ и не хочетъ знать! Они знаютъ, что все погибло, все кончилось, все рушилось навсегда и не можетъ воскреснуть, хотя часто грѣшатъ они желаніемъ воскресенья, часто падаютъ, часто измѣняютъ себѣ!.. Они знаютъ красоту, которая, кромѣ нихъ, непонятна никому. Они знаютъ красоту осенняго заката, когда тихо срываются съ деревьевъ и падаютъ на мокрую землю увядшіе листья, когда все прозрачно, все тихо, все успокоено и отдано смерти, когда душу устало и нѣжно обвиваетъ холодный саванъ безстрастья! Они знаютъ непонятную красоту муки, муки радостной и жестокой до слезъ, до безумія, муки, заставляющей восторженно и страстно цѣловать руки, наносящія рану... Они знаютъ красоту того послѣдняго часа когда цѣлуетъ помертвѣв-

шія губы тишина, когда съ влажныхъ долинъ, съ обнаженныхъ деревьевъ, съ зловѣщихъ снѣжныхъ вершинъ слетаетъ на тяжкихъ крыльяхъ безстрастный вздохъ: „Все—пусто. Все—равно. Все—ужъ было!“... Нитцше хотѣлъ быть героемъ. Но не по своей винѣ... Нитцше пережилъ слишкомъ невыносимый ужасъ, ужасъ, который не подъ силу даже самымъ великимъ героямъ, ужасъ сознанія гибели міра. *Ему стало страшно и онъ захотѣлъ искупить дѣло рукъ своихъ вѣрой въ сверхчеловѣка.* Онъ забылъ, что для того, кто разрушаетъ, вѣра—ничто, что тотъ, кто усталъ отъ смерти, не долженъ вѣрить, не смѣетъ вѣрить ни во что. Онъ забылъ, что его болѣзнь называется безвѣріемъ.

Нитцше погибъ на вершинахъ, погибъ безвозвратно. Стать сверхчеловѣкомъ ему помѣшала безпочвенность, отсутствіе догмы, за которую можно было ухватиться рукой. Онъ разрушилъ *все* до основанія и самъ погибъ среди развалинъ. Онъ зналъ сокровенность словъ Заратустры: „Счастье духа въ томъ, чтобы посвященнымъ быть и помазаннымъ быть слезами на закланіе“... Онъ зналъ красоту гибели и это помогло ему снести ужасъ вершинъ. Ибо развѣ гибель не есть величайшій подвигъ? Но гибель его была болѣе, чѣмъ жестока: въ своей гибели онъ издѣвался надъ самимъ собой, онъ понялъ, что все ложь и все призракъ, онъ понялъ, что умираетъ міръ и что этой смерти не въ силахъ искупить самый отважный сверхчеловѣкъ... Онъ и не могъ иначе поступить, у него не было за что ухватиться руками, у него остался только хаосъ и безуміе—двѣ вещи, изъ которыхъ онъ приготовилъ себѣ ядъ...

Но вотъ передъ нами другой прототипъ сверхчеловѣка, другой богатырь, рѣшившійся взойти на снѣжныя вершины горъ и тамъ воздвигнуть храмъ новой жизни—Ибсеновскій „Брандъ“... Онъ былъ совершенно иначе созданъ, чѣмъ Нитцше. Онъ былъ прежде всего крѣпокъ и силенъ духомъ, онъ вышелъ изъ среды народа, ему чужды и далеки были анализъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и ядовитая работа

разрушенія, онъ не зналъ, что такое гибель самого себя. Крѣпкій, какъ дубъ, могучій и бодрый, какъ воздухъ родныхъ сѣверныхъ скалъ,—Брандъ, казалось созданъ для того, чтобы побѣждать, чтобы закалять духъ въ борьбѣ, чтобъ вести за собой народъ!.. Двѣ сили спасли его отъ преждевременной гибели—*идея и долгъ*. Этотъ имѣлъ почву, обладалъ необходимымъ оружіемъ для борьбы—христіанскими догматами, ему, казалось, легче побѣдить, легче строить, легче взбираться на вершины... Онъ изъ тѣхъ, которые глядятъ въ одну точку, и кромѣ нея ничего не хотятъ видѣть, онъ изъ тѣхъ счастливыхъ, которые увѣровали въ одну истину, увѣровали до глубины души, до мозга костей, кромѣ этой истины для нихъ ничего не существуетъ, они живутъ ею, они ее ѣдятъ, пьютъ, это ихъ насущный хлѣбъ—и съ какимъ страхомъ, съ какою дрожью оберегаютъ они его отъ порчи! Безусловно,—имъ можно только позавидовать, все, что есть въ мірѣ прочнаго и положительнаго создано ими, они сильны своею односторонностью, своей глухотой и слѣпотой по отношенію ко всему, что не касается ихъ идеи, этого идола, въ жертву которому они приносятъ всѣ силы, всю жизнь, всѣ сокровища своей души!.. Они рабы, совершающіе постройку, они являются вьючными животными, на которыхъ переносится вся тяжесть земли,—вся сила заключается въ ихъ ограниченности... Цѣльнымъ и совершеннымъ долженъ стать человѣкъ, въ своей чистотѣ и святости онъ долженъ возвыситься до Бога и стать сверхчеловѣкомъ—вотъ основная посылка міровоззрѣнія Бранда. Сразу же бросается въ глаза полнѣйшее отсутствіе пониманія человѣка и наивный эгоцентризмъ. Человѣкъ, по Бранду, это—только средство, только форма, только жертва, только матерьялъ, изъ котораго онъ, Брандъ, можетъ комбинировать мишень въ пользу своей идеи, человѣкъ долженъ отречься отъ самого себя, забыть свои потребности, свой сложный, внутренній міръ—и принести все это въ жертву идеѣ и долгу... То есть, другими словами, онъ изъ человѣка, долженъ стать ничѣмъ, онъ долженъ

позабыть о себѣ и знать, что на свѣтѣ существуетъ только пасторъ Брандъ, онъ долженъ исполнять всѣ его приказанія, всѣ его прихоти, онъ долженъ стать игрушкою въ рукахъ Бранда, и чѣмъ больше онъ будетъ повиноваться, тѣмъ больше отъ него потребуется жертвъ... Какъ видно, христіанской любви здѣсь мало, здѣсь нѣтъ даже состраданья, все это замѣняетъ какая то настойчивая жестокость, какая то безудержная тиранніа!.. Для Бранда не важно, *кто* такой человѣкъ, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, ему важно, чтобы тотъ поскорѣе забылъ себя и слѣпо отдался въ его руки, а онъ ужъ сдѣлаетъ изъ него все, что ему будетъ угодно, во имя своей идеи и своего долга!.. Хотя Брандъ пасторъ, цѣлитель душъ, отецъ духовный,—онъ видитъ только одного себя, онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше цѣльности и духовнаго закала, чтобы изловчиться въ самомъ опасномъ и небываломъ подвигѣ, чтобы взойти на такую вершину, на которую еще никто не всходилъ и тамъ водрузить знамя своей идеи и оттуда бросить человѣчеству вызовъ, бросить кличъ, можетъ быть страшную угрозу, можетъ быть благословеніе, худшее однако всякаго проклятья! Богъ Бранда—Богъ страшный, Богъ карающій и жестокій, *Deus caritatis,* Богъ, который способенъ замучить въ тоскѣ и страхѣ весь міръ. Брандъ опьяненъ мрачной силой своего Бога, отъ этого онъ самъ сталъ мраченъ и жестокъ до невозможности, его орудіе—пытка преданныхъ ему душъ во имя долга, его девизъ, его основной законъ, его надежда заключается въ словахъ, *„все, или ничего!“*... Все, или ничего должно отдать Богу темному и карающему, взойдя на вершины. Брандъ отдалъ Ему любовь къ матери, во имя Его онъ убилъ родное дитя и любимую жену, онъ отрекся отъ богатства, отъ почестей, даже отъ храма, который воздвигнулъ на вершинахъ, онъ вырвалъ изъ груди и принесъ Ему въ жертву свое окровавленное сердце,—и все это во имя того, чтобы стать самымъ величайшимъ изъ сверх-

человѣковъ, чтобы избавиться отъ гнетущей тоски сѣрыхъ будней, чтобы не быть такимъ, какъ всѣ!

Такъ какъ одному и передъ самимъ собой все это продѣлывать безполезно, то Брандъ взялъ себѣ въ свидѣтели темную толпу своей паствы; и отъ нея потребовалъ онъ того же самого подвига, онъ повелъ ихъ на вершины, но, конечно, при первомъ же голосѣ желудка, они возвратились назадъ, оставивъ его одного и предварительно побивъ камнями...

Конечно, никакого подвига Бранду не удалось свершить, ибо все, что онъ сдѣлалъ,—было напрасной и лишнею жертвою, онъ понялъ это, онъ даже сталъ укорять за это своего Бога, но себѣ онъ въ этомъ не захотѣлъ или побоялся признаться, побоялся оттого, что ему страшно было въ послѣднюю минуту остаться одному съ тоской и страхомъ, въ смѣшномъ положеніи!

Жизнь Бранда внушаетъ тоскливое удивленье, утомительное... Утомляетъ его прямолинейность, именно та цѣльность, съ которою онъ такъ носится... Утомляетъ однообразіе его жертвъ и требованіе жертвъ, его настойчивость тамъ, гдѣ она безполезна, его пуританская преданность долгу... Но все это для него имѣетъ, однако, громадную цѣнность.

Ибо все это помогло ему сдѣлаться сверхчеловѣкомъ если не въ своихъ глазахъ, то въ глазахъ народа, иначе онъ не былъ бы побитъ камнями... Однако, онъ все таки недоволенъ. Ибо ничего не измѣнилось оттого, что онъ сталъ сверхчеловѣкомъ и принесъ всю жизнь свою въ жертву. *Всѣ* и *все* остались на своихъ мѣстахъ, все,—какъ было, только его душа искалѣчена въ борьбѣ и усталая до безпомощности, такъ что теперь не жалко разстаться и съ нею... Въ сѣверныхъ горахъ бушуетъ вѣтеръ, снѣжные обвалы съ громомъ, съ трескомъ обрушиваются внизъ, въ ущельяхъ пронзительно завываетъ вѣтеръ, всюду пусто, голо, одиноко... Брандъ знаетъ, что все кончено (въ душѣ своей, тамъ, гдѣ наглухо заперты всѣ двери, тамъ онъ сознаетъ еще, что все ложно), но себя

сохранить онъ долженъ и обязанъ до послѣдней минуты, остаться „цѣльнымъ“, и мужественнымъ долженъ онъ въ смертный свой часъ!.. И кто поручится, что и для сверхчеловѣковъ не существуетъ тоски, той губительной тоски, что въ низинахъ является обычнымъ напиткомъ, отравляющимъ жизнь? Только для такихъ, какъ Брандъ, тоска служитъ вдохновеніемъ, она заставляетъ ихъ приносить жертвы и одерживать побѣды... Жизнь Бранда—какая это хмурая, холодная, тоскливая жизнь!.. Въ его домѣ царитъ тишина, царитъ смерть, страшная, жестокая смерть жены и ребенка, въ большихъ, темныхъ комнатахъ струятся ледяные токи вѣтра, и только слышно, какъ дрожатъ стекла отъ зловѣщихъ вьюгъ, и отъ самой фигуры Бранда—прямой, сухой и неподвижной, какъ его долгъ,—идетъ этотъ холодъ, заморозившій жизнь двоихъ существъ! Брандъ черствъ, суровъ и даже грубъ, не даромъ же онъ дитя народа, Брандъ вполнѣ здоровъ и силенъ, его душа не расшатана до болѣзненнаго визіонерства, онъ не знаетъ, что такое тишина, онъ не слышитъ голоса прорицателя, говорящаго сквозь рядъ временъ острый ужасъ тайнъ! Такіе люди созданы для побѣдъ... Но отчего же такъ вялъ, такъ однообразенъ, такъ скученъ Брандъ въ своемъ стремленіи вверхъ по прямой линіи, не сворачивая съ нея ни на шагъ? Какъ человѣкъ, Брандъ почти немыслимъ. Это—абстракція, ходячая формула. Такой человѣкъ, если-бы онъ былъ живой, внушалъ бы одинъ ужасъ своею неподвижностью, своей мертвой преданностью догмѣ. Такой человѣкъ—одна воплощенная идея. Но не оттого ли идея прошла невредимо сквозь жизнь, что она мертва? Поставьте на ея мѣсто живого человѣка и онъ, подобно Нитцше, не выдержитъ и половины пути, и падетъ, сраженный! Ибо Нитцше зналъ, что всѣ идеи—ложь, что онѣ уже отслужили повинность, что, вмѣсто нихъ, существуетъ безформенный хаосъ, изъ котораго нельзя ничего создать, да и не нужно создавать... Нитцше понялъ, что *нельзя* и некуда идти—и погибъ. Брандъ

утверждалъ, что—можно, но оба пришли къ одному и тому же—къ гибели...

„Кто поднимается на высочайшія горы, тотъ смѣется надъ всякой печалью и всякой трагедіей“...

Въ этихъ словахъ Нитцше много внутренней правды, много откровенія. Вотъ, что его манило постоянно—освобожденіе отъ боли, отъ боли, исковеркавшей всю жизнь, холодъ безстрастья, спокойствіе вершинъ... Ему хотѣлось взлетѣть... Его соблазняла возможность такого полета надъ жизнью, который бы самъ собою преодолѣлъ жизнь... Ему хотѣлось побѣдить человѣка... Но какою цѣной! Цѣной отреченья отъ всего, что человѣческое. Цѣной убійства жизни. Съ вершинъ слетѣлъ онъ, раненный въ самое серце словами прорицателя, отъ его полета осталась только смертельная боль... Брандъ хотѣлъ купить вершины цѣною жертвъ, онъ проявилъ неслыханнѣйшее напряженіе воли, онъ буквально отрекся отъ всего, только во имя того, чтобы стоять высоко надъ жизнью, глядѣть внизъ и смѣяться надъ страданьемъ людскимъ... Что же нашелъ онъ на этихъ вершинахъ?—холодъ и ледяную тоску замерзанія. Онъ вознесся, это наступило! Онъ совершилъ страшный подвигъ, почти небывалый, почти убійственный, почти немыслимый, но покоя не нашла его душа... Онъ увидѣлъ безсмысленность жертвы, онъ увидѣлъ предъ собой гибель и пустоту, пустоту вокругъ. Съ страхомъ, съ мольбой онъ жалуется на свой крестъ, ибо увидѣлъ онъ, что крестъ измучилъ, вымоталъ всю душу, а покоя, сознанія выполненнаго долга не далъ!

Горе мнѣ! о, горе мнѣ,
Я на гибель осужденъ!..
Не мои-ль моленья онъ
Отстранялъ тамъ, въ тишинѣ
Храма, гнѣвною рукою,
И не все ли дорогое
У меня взялъ на землѣ,
И велѣлъ брести во мглѣ,
Преградивъ мнѣ всѣ пути—
Къ солнцу, къ счастью,—и нести

До конца повелѣвая
Крестъ мой долга и борьбы,
Онъ подъ бременемъ судьбы
Далъ упасть, изнемогая!
...Агнесъ! Альфъ! Я васъ принесъ
Въ жертву... Жизнь и счастье... Все...
Отдалъ все... Я крестъ понесъ
И страданіе мое
Волей радостною взялъ...
Все напрасно!

Брандъ думалъ распадающійся міръ спасти отъ гибели, но вотъ, на вершинахъ—гибель взяла его самого. Неизбѣжность, страшная неизбѣжность Рока: рыцари вершинъ оставляютъ низины изъ боязни передъ трагедіей и избираютъ подвигъ. Но не есть ли подвигъ та же самая трагедія и та же гибель, что и внизу?.. Кто станетъ спорить?

Желаніе подвига, полета, вознесенія. О, какъ оно опьяняетъ духъ избранныхъ и томящихся по высшей правдѣ! Какъ оно неизбѣжно для тѣхъ, кто побоялся заглянуть въ пропасть глубины, кто желаетъ цѣльности и спасенія отъ ужаса въ низинахъ! Какъ оно соблазняетъ страдающихъ и больныхъ отъ страданія и боящихся умереть преждевременно!.. Имъ надоѣло ходить, вѣчно ходить подъ ярмомъ, вѣчно видѣть тьму и холодъ, сжимающій душу острыми когтями, имъ страстно, до боли хочется увидѣть солнце, хотя бы цѣною величайшаго креста, и тамъ, на горахъ, гдѣ воздухъ чистъ и прозраченъ, гдѣ все ликуетъ, гдѣ все свободно, гдѣ нѣтъ больше преградъ, нѣтъ стѣнъ,—вздохнуть широко, полной грудью, зарыдать отъ счастья, и всему прошлому сказать навѣки „прощай“... Отчего же они такъ печальны, такъ измучены, когда наступаетъ этотъ желанный часъ? Отчего они не радуются, не поютъ, не ликуютъ, вѣдь они побѣдили, они стали выше жизни?.. Гибели боятся они? Но „счастіе духа въ томъ, чтобы посвященнымъ быть и помазаннымъ быть слезами на закланіе!“... Ужасъ побѣдившихъ!.. Ужасъ конца, ужасъ пресыщенья! Съ тоскою глядятъ они на пройденный путь—и имъ становится страшно, онъ весь

облитъ потомъ ихъ и кровью. Здѣсь они оставили свою молодость, свою любовь, свои силы, все, что было имъ дорого и близко, здѣсь они убили запросы своего внутренняго міра,—на вершины пришли не они, а ихъ тѣнь, ободранный ихъ скелетъ, никуда не годный трупъ!..

Отвращенье побѣдившихъ!.. Отвращенье къ собственному изможденному тѣлу, къ своимъ морщинамъ и сѣдинамъ, къ своему безсилью, оставшемуся отъ титанической силы!.. Отвращенье къ своему тоскливому, холодному спокойствію, къ своей усталости, разслабленности и старческому преутомленію!

И какая тьма вокругъ!.. Тьма уже непобѣдимая, уже вѣчная, какъ вѣченъ этотъ снѣгъ на верхушкахъ холодныхъ, неподвижныхъ, неумолимыхъ горъ!..

И какое страданье въ душѣ!.. Страданье, которое уже не горитъ, а истлѣваетъ, страданье гаснущаго духа, уничтоженнаго духа въ борьбѣ, страданье отъ сознанія грядущаго, вѣчнаго, безысходнаго сна, сна на вершинахъ!

Таковъ конецъ героевъ! Такова судьба строителей и рыцарей вершинъ...

Жизнь требуетъ подвига—это правда, правда жестокая. Это правда для тѣхъ, которые изо всѣхъ силъ стараются оправдать жизнь, найти въ ней хоть какой-нибудь смыслъ! Они не желаютъ принять ее такой, какая она есть, ибо она слишкомъ для нихъ ужасна, слишкомъ тосклива, слишкомъ пугаетъ глубиной! Они желаютъ убить эту глубину, которая грозитъ водоворотомъ, избавиться отъ нея, такъ трусливы они въ своей душѣ!.. Они знаютъ, что жизнь сама по себѣ безсмысленна, и вотъ вся ихъ энергія, всѣ силы, вся хитрость направлены къ тому, чтобы навязать жизни выдуманный ими смыслъ и ради него пойти на гибель... Они знаютъ, что въ жизни счастья нѣтъ, но ихъ душа, привыкшая къ обману, жаждетъ счастья, какъ голодный волкъ. И вотъ они создаютъ себѣ счастье подвига, счастье отреченья отъ всего, счастье гибели, ибо знаютъ, что только *такое* счастье не обманетъ, не превратитъ душу въ кровавое зарево боли, какъ дѣ-

лаетъ всякое счастье земли!.. Бѣдные рыцари вершинъ! Сколько ненужнаго бремени берутъ они на свои плечи и все ради чего? Ради желанія спастись, ради желанія цѣльности и духовнаго освобожденья!.. И можетъ ли быть большая печаль, чѣмъ печаль ихъ судьбы?.. *И страшно подумать, что человѣкъ, желающій быть героемъ, долженъ исковеркать сначала свою жизнь, обречь себя на гибель, и потомъ назвать все это счастьемъ!..*

И можетъ ли земля выдержать на себѣ ту жестокость, которую она готовитъ всякому посвященному въ рыцари вершинъ? Какъ дико, какъ ужасно, какъ преступно: для того, чтобы побѣдить и спасти свою душу, для того, что бы свершить подвигъ, человѣкъ долженъ забыть о томъ, что онъ человѣкъ, онъ долженъ убить въ себѣ всякую искру, всякую радость, онъ долженъ отречься отъ всего любимаго и родного. онъ долженъ закалить свою волю до полнѣйшаго безстрастья, онъ долженъ принести въ жертву всю свою душу, всю жизнь, и если этого будетъ мало, принести въ жертву свою послѣднюю печаль, свои послѣднія кровавыя слезы и свой несчастный трупъ!..

Такова воля земли... Страшная, пьяная тоской, безформенная и непонятная до ужаса земля выпиваетъ кровь человѣка и требуетъ жертвъ!

Всюду льется кровь, раздаются мольбы и вздохи, и жестокость души придумываетъ все новыя и новыя формы побѣдъ, взлетовъ и подвиговъ.

Бѣдный человѣческій разумъ безъ устали работаетъ надъ изобрѣтеніемъ возможностей обмануть страданіе!

И никто не слышитъ, какъ въ темную ночь, въ тишинѣ, среди могилъ п удушья тоски чей-то голосъ говоритъ безстрастно и глухо:

„Все пусто. Все равно. Все ужъ было!“.

II.

Восходить на вершины куда легче, чѣмъ находиться въ подвалахъ... Человѣкъ становится бодрѣе отъ горнаго

воздуха, ему легче дышать, предъ нимъ рисуются самыя заманчивыя перспективы... И, хотя, онъ въ концѣ-концовъ наглядно убѣждается въ ненужности всего этого, а главное—въ ненужности самого себя, все же ему пріятно играть въ жизни роль сверхчеловѣка—и со стороны красиво, и въ глубинѣ души удовольствіе... Но есть, кромѣ этихъ, любящихъ ранги и отличія, другіе—похороненные въ склепахъ, заключенные въ подвалахъ, есть одинокіе и молящіеся всю жизнь, молящіеся подъ гнетомъ креста, молящіеся и проклинающіе все и всѣхъ въ молитвахъ своихъ... Есть отчаявшіеся и потерявшіе всякую надежду, есть надломленные и больные, есть погибающіе,—тѣ, которыхъ никто не видитъ, которые не паясничаютъ передъ толпой и не испрашиваютъ у нея знаковъ отличія за свои подвиги, а пребываютъ въ молчаніи, похожемъ на кошмаръ и все сильнѣе, все глубже закапываются въ сырую яму подполья, изнемогая, дрожа, цѣпенѣя отъ каждаго человѣческаго взгляда, который кажется позорною проказой, несмываемъ, жгучимъ, болящимъ пятномъ! Эти дѣлаются сверхчеловѣками поневолѣ, ихъ жизнь это горящій динамитъ, готовый каждую минуту взорваться, ихъ душа—это раненный звѣрь, что мечется въ клѣткѣ и въ концѣ-концовъ разрываетъ желѣзные прутья безмѣрнымъ напряженіемъ лапъ, ихъ мысль—это молнія, разсѣкающая тьму и наводящая ужасъ и смятеніе на всѣхъ! Они живутъ глубоко, глубоко, тамъ, гдѣ царитъ молчанье и мракъ, они живутъ въ пещерахъ и темныхъ гробахъ, они живутъ молчаливо и трудно! Но они-то и опасны... Ибо человѣкъ, взявшій крестъ, человѣкъ, раненный въ душу непосильнымъ ударомъ, человѣкъ одинокій и погребенный въ своемъ одиночествѣ можетъ думать глубоко, можетъ придумать месть ужасную, месть, сжигающую міръ, изобрѣсти подвигъ небывалый, подвигъ, убивающій побѣдителя великою болью!.. Не бѣда, если все это покажется и безполезнымъ, и ненужнымъ, можетъ быть даже и смѣшнымъ: о томъ, что все безполезно и ненужно всѣ знаютъ, однакоже не перестаютъ жить! Иные живутъ для

того, чтобы увидѣть, до какой степени можетъ простираться безполезность, иные для того, чтобы заглушить огнемъ души эту безполезность! Сверхчеловѣки принадлежатъ къ послѣднимъ, они прекрасно знаютъ, что надрываться и кричать незачѣмъ, но это то послѣднее обстоятельство и побуждаетъ ихъ кричать что есть мочи, до потери голоса, пусть хоть это послужитъ имъ утѣшеніемъ!

Раскольниковъ зарылся въ самое затхлое, самое мрачное подполье. *У него комната была похожа на гробъ.* Достоевскій нарочно подчеркиваетъ это обстоятельство. Да оно и понятно. Вѣдь только въ гробу разлагается жизнь, а жизнь Раскольникова была разлагающаяся. Онъ горѣлъ до потери сознанія, горѣлъ въ тѣ ночи—въ тѣ свинцовыя, неподвижныя, гнетущія ночи, когда все потухло, все спитъ, и только одна его душа пылала, обливаясь кровью, и только одна его мысль билась, рвалась и металась, дѣлая отчаянныя усилія вырваться изъ зачарованнаго круга великой безнадежности!.. Но за горѣніемъ наступаетъ усталость, но сожженная душа разсыпается въ пепелъ, но отъ того, кто сжегъ себя на кострѣ,—пахнетъ трупомъ! Недаромъ комната была похожа на гробъ! Въ этомъ есть что то зловѣщее, что то говорящее безъ словъ о тайнѣ, похороненной въ глубинѣ души. И какая мрачная эта комната, какая неуютная, какая гнетущая! И каждый, кто входитъ,—становится сѣрымъ, сѣрымъ, какъ этотъ пепелъ отъ пожара, какъ эти дни, убивающіе, отравляющіе, выворачивающіе душу своимъ унылымъ темпомъ, тѣ дни, что рождаютъ самоубійцъ и преступниковъ! Кто вложилъ въ истлѣвающій мозгъ сознаніе этихъ ужасныхъ дней! Пробуждаешься, открываешь глаза—и та боль, что затихла во снѣ—уже *ноетъ*, и что можетъ быть хуже ея, ноющей боли! Она сверлитъ, она жалитъ, она наполняетъ сердце чадной, неизлѣчимой, безнадежной тоской, она сосетъ по каплѣ кровь, она сплющиваетъ голову желѣзными объятіями страха!.. Каждый предметъ кажется созданнымъ нарочно для того, чтобы угнетать, чтобы мучить, чтобы вызывать тошноту! А эти лица, что

появляются за окномъ и исчезаютъ,—они какъ укусы тарантуловъ въ прозрачную нѣжность души, они, какъ неподвижныя маски призраковъ, они неживыя, они наводятъ уныніе своею ненужностью! О, если бы ихъ не было! Если бы исчезъ этотъ мокрый, свинцовый туманъ, въ которомъ тонутъ дома, лица, души, о еслибы намъ показали хоть одинъ клочекъ синяго неба! Нечѣмъ дышать! Нельзя свободно дышать!.. Всюду плѣсенъ, тоска... Въ комнатѣ, похожей на гробъ, можно сойти съ ума... Сѣрыя стѣны маячатъ въ мозгу... О, еслибы уснуть, никогда не просыпаться, не думать, не жить! О, если бы можно было потушить свое сердце—пожаръ, свое сердце—рыдающій ужасъ сѣрой тоски! Всюду тихо... Кто-то стучитъ,—словно заколачиваютъ крышку гроба, словно падаютъ на нее удары земли!.. Сѣрыя стѣны маячатъ въ мозгу...

Развѣ хватитъ у кого силъ хоронить себя!.. Развѣ можно жить въ гробу и не сознавать неминуемой гибели?.. Раскольниковъ сквозь эту гибель увидѣлъ безумную мечту, которая показалась ему спасеніемъ, онъ понялъ, что жить незачѣмъ, что нужно побѣдить страхъ жизни небывалымъ, немыслимымъ подвигомъ, ему стало понятно, что тотъ, кто пережилъ ужасъ смерти, кто переросъ границы міра въ своемъ пожарѣ, кто научился страдать отъ тоски,—имѣетъ право сказать „все позволено!“ и съ безумной отвагой ухватиться за рычагъ, управляющій міромъ!.. Въ комнаткѣ, истлѣвающей отъ надрыва гробовой тоски, пылающими молніями сверкая во мракѣ ночи,—мечется и бьется усталая отъ кошмарной безсонницы мысль.—Въ мірѣ были герои, они создавали и творили жизнь, они придавали ей тѣ или иныя формы... Но не было еще такого героя, который бы своимъ подвигомъ превзошелъ ихъ всѣхъ, который бы разрушилъ всѣ преграды, всѣ мосты, всѣ пути, который бы погасилъ солнце единой волей и весь свѣтъ, всѣхъ людей погрузилъ въ тьму... Но не было преступника, который бы не побоялся своего преступленія, а напротивъ—увидѣлъ въ немъ свое единственное, свое нерушимое право! Не было

того, кто превзошелъ бы человѣческое и овладѣлъ всѣмъ міромъ! И кому же, какъ не мнѣ—погребенному подъ великою тяжестью смертельной тоски,—быть этимъ героемъ?! И кому же, какъ не мнѣ—чье сердце—пожаръ, невиданный на землѣ,—взять землю въ свои руки и въ великомъ надрывѣ бросить ее въ бездну, со всего размаху, единой волей, чтобы всюду была тьма, чтобы всюду былъ среди тьмы только я, только я одинъ!!!

Только въ комнатѣ, похожей на гробъ, можетъ придти въ голову такая мысль. Это было еще тогда, когда о Нитцше не было среди людей понятія, это было въ крѣпостной, черненькой, дикой Россіи, въ глухую ночь, въ туманахъ, въ надрывѣ дикаго, безудержнаго бреда! Кто вложилъ въ душу Достоевскаго такой ужасъ, такую боль—такую безумную боль, которая нашла себѣ исходъ въ *такой* мысли, въ такомъ замыслѣ! Кто опьянилъ сердце Раскольникова ядомъ этого подвига? Да все та же русская, однообразная, нечеловѣческая тоска, что отравляетъ всю жизнь навсегда, все та же безнадежность, безнадежность отъ сознанія неминуемой гибели, которая рождается въ Петербургскихъ туманахъ, въ зловѣщемъ вихрѣ вѣтра, въ завываніи бури, въ холодныхъ до оледенѣлости, мокрыхъ хлопьяхъ снѣга!!! О, только мы одни знаемъ эту безнадежность, только мы одни пытаемся залѣчивать свою гніющую, свою адски жгучую рану такими помыслами и такими „идеями“, о которыхъ никто не знаетъ!..

Если спасать себя, такъ ужъ спасать не такъ, какъ всѣ, а какъ нибудь особенно пышно, особенно громко, особенно торжественно, чтобы всюду слышно было, что человѣкъ спасается, чтобы громъ шелъ по всей землѣ, чтобы всѣ сбѣжались и видѣли, какъ умѣютъ спасаться! Если побѣждать, такъ ужъ такъ, чтобы это была не побѣда, а что то слишкомъ геніальное, слишкомъ нечеловѣческое и для человѣковъ даже страшное,—можетъ быть хоть *форма* всего этого порадуетъ сердце надеждой, можетъ быть хоть эта блестящая внѣшность опьянитъ

на мгновенье замороженную въ страхѣ и ужасѣ душу! Вѣдь вотъ былъ Александръ Македонскій, былъ Наполеонъ—они дѣлали все, что хотѣли, и имъ никто не препятствовалъ, они навѣрное смогли бы завоевать весь міръ и потомъ согнуть его въ бараній рогъ!.. Отчего же мнѣ—думаетъ Раскольниковъ—не сдѣлаться на время Наполеономъ, чтобы доказать, что я не дражащая тварь, а сверхчеловѣкъ!.. Вся разница только въ томъ, что Наполеонъ не жилъ въ комнаткѣ, похожей на гробъ и не зналъ, что такое глубина глубинъ, а представлялъ изъ себя плотнаго, круглаго, жирненькаго, чувственнаго корсиканца, вышедшаго изъ жизни и попавшаго подъ власть случая! Наполеонъ—это сама жизнь, вотъ отчего онъ не думаетъ, не мечется, не рыдаетъ въ тоскѣ, *а работаетъ*, именно работаетъ, у него все кипитъ подъ руками, онъ какъ поваръ, онъ не задумывается, у него пощечина и убійство—одно и то же, у него лицо лоснящееся отъ жира, румяное и потому противное до тошноты, онъ просто хорошій офицеръ и не виноватъ, что міръ далъ въ простотѣ душевной ему кличку генія!.. Онъ, пожалуй, смогъ бы осуществить идею Раскольникова, но ничего не понялъ бы въ ней, ибо онъ изъ тѣхъ, что творятъ жизнь, чьи руки всегда запачканы грязью земли, чьи тѣла пахнутъ потомъ работы, двигающей міръ по рельсамъ безсмысленности и тоски. Такіе всегда создаютъ, всегда успѣваютъ, но никогда не знаютъ, зачѣмъ создавать и для чего успѣвать! Это—жирное мясо прогресса, его кровь, его сокъ. А тѣ, что прячутся по каморкамъ и падаютъ въ обморокъ отъ одной мысли объ убійствѣ какой нибудь старушонки,—тѣ всегда за бортомъ, хотя и считаются сверхчеловѣками! Что изъ того, что они отравлены глубиною глубинъ, что они утонченны, что каждая мысль ихъ геніальна, что каждое слово ихъ выстраданно и цѣнно, въ сущности,—для жизни они ненужны, недаромъ же стадо называетъ ихъ выродками! Они остаются въ каморкахъ, въ тоскѣ, въ изступленіи, въ страхѣ, они всегда гибнутъ, они всегда

послѣдніе, а жизнь создается круглыми, полными человѣчками, всегда энергичными, всегда подвижными и бодрыми, и всегда пошлыми и обыденными до тошноты!

Судьба сыграла съ Раскольниковымъ злую шутку. Она наглядно показала ему все ничтожество и ненужность его замысла. Сколько нужно было ему проболѣть и истерзаться, чтобы привести въ исполненіе свою мечту, вѣдь на это ушла вся жизнь, всѣ силы, весь огонь! Ему казалось, что, если это свершится, то онъ станетъ *надъ* жизнью, онъ сдѣлается побѣдителемъ! Но произошло самое ужасное, самое постыдное, самое неожиданное: вмѣсто властелина жизни, вмѣсто героя, Раскольниковъ оказался обыкновеннымъ преступникомъ съ отравленною совѣстью, и тотъ самый принципъ, который онъ намѣревался убить, убилъ его самого! Здѣсь заложено что то отъ тайны Достоевскаго, здѣсь кроется какая то скрытая, зловѣщая насмѣшка его надъ самимъ собою! Геніальнымъ людямъ, великимъ людямъ, людямъ исключительнымъ все позволено, они все могутъ, но оказывается, что убійство какой то старухи—процентщицы имъ не подъ силу, оно сводитъ ихъ съ ума, оно дѣлаетъ ихъ жалкими и безпомощными! Геніальные люди—это единственная красота въ мірѣ, но оказывается, что эта красота должна быть безполезной, должна спрятаться гдѣ нибудь глубоко отъ людскихъ глазъ и не давать знать о себѣ! Геніальные люди призваны въ жизнь для великихъ дѣлъ, но оказывается, что вся ихъ дѣятельность ограничивается красивыми фразами, а въ дѣйствительности они пальцемъ пошевелить не могутъ! Мало того, ихъ еще ждетъ наказаніе, если они осмѣлятся пошевелить пальцемъ, это наказаніе свыше ихъ силъ, оно дѣлаетъ ихъ безпомощными, покорными жертвами, превращаетъ ихъ въ простыхъ, мирненькихъ, благообразныхъ людей!.. Человѣкъ, осмѣлившійся сказать одинъ разъ въ жизни смѣлое и необычное слово, непремѣнно будетъ наказанъ за это, да еще какъ наказанъ: онъ сдѣлается ниже травы, тише воды, онъ будетъ говорить

„все хорошо, все мило, все прекрасно!“, онъ будетъ бить поклоны предъ міровыми императивами до синяковъ на лбу, а главное—его замучитъ усталость, безмѣрная усталость, доходящая до кретинизма и тупоумія, усталость, происходящая отъ того, что онъ осмѣлился сказать свое слово и не ограничился этимъ, но еще пошевелилъ пальцемъ!.. Раскольниковъ въ глубинѣ души навѣрное ожидалъ награды за свой подвигъ, но кончилось тѣмъ, что ему не только никакой награды не дали, но еще наказали! Можетъ ли быть что нибудь постыднѣе этого?

И кто поручится, что онъ вѣритъ въ то, что его подвигъ не есть ложь! Развѣ человѣкъ, живущій въ комнаткѣ, похожей на гробъ, наполненной призраками и кошмарами, не можетъ понять, что нѣтъ другой истины, кромѣ лжи, развѣ его болѣзнь—его постыдная и проклятая болѣзнь, сжигающая душу, не можетъ истерзать его помысломъ дикимъ, безобразнымъ, уродливо жестокимъ только во имя того, чтобы свободно вздохнуть, чтобы хоть разъ въ жизни почувствовать себя свободнымъ отъ тяжести и отъ страха, чтобы хоть въ грезахъ, въ припадочномъ безсиліи, въ экстазѣ безумія увидѣть чудо, о которомъ грезила измученная и израненная душа!

Раскольниковъ изъ тѣхъ немногихъ страдальцевъ, которые являются безвольными рабами своей болѣзни! Да, болѣзни! Люди называютъ это болѣзнью, ибо непонятенъ имъ глубокій, внутренній смыслъ всего этого, люди осуждаютъ это и боятся этого, какъ заразы. Но тѣ, что болѣютъ этимъ недугомъ, знаютъ другую тайну, и она—эта ихъ тайна, которою они живутъ,—поддерживаетъ ихъ жизнь, спасаетъ отъ гибели! Они всѣ измучены, всѣ надорвавшіеся, всѣ истерзанные до нѣжности непомѣрной и странной, нѣжности, похожей на музыку, на волшебную, рыдающую музыку! Имъ кажется, что они отдѣлены отъ прочихъ чертой, и что они могутъ совсѣмъ уйти отъ людей, совсѣмъ замкнуться, исчезнуть въ своемъ мірѣ и творить чудеса... Но не могутъ, но не

находятъ силы—они привязаны, они спутаны, они плѣнены стадомъ, запахомъ стада, они идутъ всегда позади его, на помочахъ у сильныхъ, а стадо идетъ впереди и прокладываетъ путь! Такъ было, такъ есть и будетъ всегда!— Вся красота Раскольникова именно въ его болѣзни, въ немъ есть что то внутреннее, что то запертое, что то глухо наростающее,—все остальное—только сверхчеловѣческія слова! Не даромъ же у него былъ такой странный романъ. Онъ былъ влюбленъ въ дочь своей хозяйки, калѣку—урода, влюбленъ именно потому, что она была уродъ. Онъ объ этомъ говоритъ съ особенною любовью: „Она больная такая дѣвочка была, продолжалъ онъ, какъ бы опять вдругъ задумываясь и потупившись,—совсѣмъ хворая; нищимъ любила подавать и о монастырѣ все мечтала, и разъ залилась слезами, когда мнѣ объ этомъ стала говорить; да... да... помню... очень помню! Дурнушка такая... собой. Право, не знаю, за что я къ ней тогда привязался, кажется за то, что всегда больная... Будь она еще хромая, аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ... (Онъ задумчиво улыбнулся). Такъ... какой-то бредъ весенній былъ!..“ . . . . . .

Кто изъ сильныхъ пойметъ очарованіе этого весенняго бреда?.. Нужно быть очень изнуреннымъ своимъ одиночествомъ, нужно глубоко погрузиться въ затхлый мракъ своей тюрьмы, чтобы найти радость въ этомъ бреду!.. Да, онъ *весенній*, онъ весь прозраченъ, въ немъ все тихо и въ томъ, что тихо, зарождается незримая тайна! И въ однообразные дни, плоскіе, угрюмые, страшные дни, когда все душитъ, все гложетъ, когда только черныя стѣны вокругъ, когда все пусто и никого нѣтъ и не будетъ, и заперта наглухо, навсегда дверь,—хочется до боли, до слезъ, до безумія увидѣть свою весну, свою сказку минувшихъ, погребенныхъ лѣтъ, хочется увидѣть въ глазахъ ея странныхъ тотъ клочекъ синяго неба, о которомъ напрасно тоскуетъ душа, хочется творить изъ ея надломленнаго, хрупкаго и такого больного и такого усталаго тѣла свою мелодію, мелодію опьяняющаго, про-

зрачнаго, напоеннаго ароматами весенняго воздуха, и кричать, терзаться въ извивахъ бреда отъ страстнаго порыва, порыва—безумія, порыва—молитвы, и ловить ея руки—сломанныя, бѣлыя лиліи въ темныхъ провалахъ рыданья, и шептать: „Ты—болѣзнь, ты—мука моя. Приди... Приди въ этотъ страшный, гибельный часъ!“...

Но нуженъ подвигъ для того, чтобы избавиться отъ болѣзни! Хоть и хороша она, но грозитъ въ лучшемъ случаѣ безуміемъ!.. Заявлю своеволіе—и я царь, я—богъ, я—побѣдитель вселенной! И тогда не будетъ этой надрывающей грудь тоски, этихъ сѣрыхъ стѣнъ, тогда все раздвинется, все уйдетъ куда то, всѣ стѣны, всѣ преграды, всѣ законы, тогда я встану во весь свой ростъ и люди поклонятся мнѣ, они скажутъ: „вотъ, первый, кто не побоялся нарушить законъ“... И тогда будетъ чудо! Нужно оздоровить свой духъ отвагой величія!.. Нужно превзойти самого себя, чтобы уничтожить свое сознаніе и свою измученность, не дающую жить и дышать мнѣ свободно!

Пожалуй, что такъ! Но отчего же такъ смертельно блѣденъ Раскольниковъ, когда говоритъ эти слова? Отчего храбрость его всегда кончается или лихорадкой, или обморокомъ? Гдѣ право сильнаго, по которому все позволено, все можно!? Отчего такъ слабъ онъ, такъ безпомощенъ? Вѣдь онъ—единственный, кто преступилъ очарованіе словъ и захотѣлъ перевернуть вверхъ дномъ живую жизнь! Вѣдь онъ знаетъ то, чего никто не знаетъ, вѣдь сдѣлай онъ это властно, спокойно, какъ дѣлалъ Наполеонъ,—и это стадо, что издѣвается надъ нимъ,—падетъ предъ нимъ на колѣни и возведетъ въ кумиры! Почему же онъ дрожитъ, какъ послѣдняя тварь и откуда эта мерзкая блѣдность въ минуту подвига? Неужели и въ этомъ случаѣ сильнѣе окажется Наполеонъ, Наполеонъ, единственная философія котораго—здоровенный кулакъ и пощечина! Пусть докажетъ Раскольниковъ, что жизнь можетъ быть прекрасна, можетъ быть свята и чиста, пусть покажетъ онъ, что жизнь создается не при помощи кулака

пошлости, а единой волей утонченнаго генія, очарованнаго весеннимъ бредомъ!.. Пусть заявитъ онъ, что имѣетъ дѣйствительную власть надъ всякою тварью, пусть повѣритъ онъ въ самого себя!

Но увы! Раскольниковъ не измѣнилъ себѣ, даже его бредъ не помогъ ему преодолѣть величайшую ложь жизни. И какъ похожъ онъ на того блѣднаго преступника, о которомъ разсказываетъ Заратустра: „Слушайте, судьи! Существуетъ еще другое безуміе: это *безуміе передъ дѣломъ*. Ахъ, вы недостаточно проникли въ эту душу! Такъ говоритъ судья, проливающій кровь: „ради чего совершилъ убійство этотъ преступникъ? Онъ хотѣлъ ограбить". Но я говорю вамъ: душа его хотѣла крови, а не грабежа: онъ жаждалъ счастья ножа! Но его бѣдный разумъ не понялъ этого безумія и убѣдилъ его: „Что за важность—кровь!—говорилъ онъ; не хочешь ли ты, по крайней мѣрѣ, совершить при этомъ грабежъ? Отмстить?". И онъ послушался своего бѣднаго разума: какъ свинецъ легла на него рѣчь его,—и вотъ, убивая, онъ ограбилъ. Онъ не хотѣлъ стыдиться своего безумія. И теперь опять свинецъ его вины лежитъ на немъ, и опять его бѣдный разумъ сталъ такимъ тупымъ, такимъ разслабленнымъ, такимъ тяжелымъ!". Вотъ, чѣмъ кончился подвигъ Раскольникова, единственнаго человѣка, пошедшаго противъ императивовъ жизни, онъ грезилъ о великой храбрости, а его сразилъ и уничтожилъ обыкновенный, узко-человѣческій животный страхъ!

Но неужели же все было напрасно? Неужели же онъ *только* убійца и больше ничего, а міръ стоитъ на томъ же мѣстѣ и будетъ стоять, неужели же все это только обманъ? Развѣ можно снести эту мысль Раскольникову спокойно, и куда уйти, къ кому пойти, чтобы исповѣдаться, чтобы оправдаться, чтобы доказать, что онъ имѣлъ право, что онъ мучился, что его опьянила мечта, которой нѣтъ цѣны въ этомъ мірѣ! И онъ идетъ къ Сонѣ, ему кажется, что *эта*,—впитавшая добровольно въ себя всю

грязь міра, *должна* понять его всей душой, ибо она такая же больная, такая же несчастная, какъ и онъ!..

Соня! Передъ такими только и исповѣдываться. Онѣ глядятъ въ душу скорбящимъ, свѣтлымъ взглядомъ, онѣ все прощаютъ, все понимаютъ, онѣ кроткія и тихія, онѣ позорною цѣной купили свою тихость. Ихъ можно обмануть подчасъ, надъ ними можно и поиздѣваться, довести до истерики, замучить, онѣ вѣдь на то и созданы! И смѣяться надъ ними хорошо, именно потому, что прощаютъ, прощаютъ всякій смѣхъ, всякое издѣвательство, всякую обиду... И завидно, глядя на нихъ... Завидно оттого, что онѣ умѣютъ быть спокойными, ласковыми, нѣжными въ то время, когда въ душѣ цѣлый адъ, и ненавидишь ихъ, и когда ненависть смѣняется любовью, то любовь эта хуже болѣзни, она всю душу, всѣ нервы превращаетъ въ безумное, безудержное, страстное распятье... Соня Мармеладова! Она является въ часъ гибели, въ часъ самоубійства, въ часъ адскаго, смертельнаго отвращенья ко всему на свѣтѣ, является, какъ бѣлое озареніе, какъ тихій свѣтъ, какъ чудо, и искушаетъ! Искушаетъ счастьемъ, перешедшемъ границы человѣческаго, счастьемъ великаго страданья, искушаетъ возможностью снова ожить, снова воскреснуть, снова съ послѣдней мукой, съ безсильнымъ стономъ, съ заглушеннымъ рыданьемъ прильнуть ко кресту! И какъ она смотритъ! Она отдаетъ всю душу, всѣ хрупкія свои, послѣднія силы, она этимъ взглядомъ хочетъ освѣтить весь мракъ, всю безысходность, весь кошмаръ, она этимъ взглядомъ свирѣльно нѣжнымъ, чарующе свѣтлымъ хочетъ разсказать о новомъ восторгѣ, невиданномъ въ мірѣ, разсказать безъ словъ, такъ, чтобы затрепетала душа, чтобы полились слезы, чтобы сладостной болью изошла вся жизнь! И какъ она дрожитъ при этомъ! Дрожитъ, какъ какой то очень нѣжный, очень слабый цвѣтокъ, дрожитъ и замираетъ, и протягиваетъ свои слабыя, измученныя руки, хочетъ взять все, не оставить ничего, хочетъ взять всю боль міра, всю скорбь его, всю грязь, всю тяжесть, хочетъ вознестись на такую ступень, гдѣ

боль есть радость, гдѣ обида—блаженство, гдѣ гибель—счастье. И словно видишь необъяснимую тайну, глядя въ эти глаза... И какіе мы маленькіе передъ нею, какіе ничтожные, и не ясно ли намъ, что она—такая хрупкая, такая дрожащая,—выше насъ, выше жизни, выше всего! Ибо она поняла смыслъ жизни, единственный смыслъ, котораго мы не знаемъ!

Какъ разсказать ей все, чтобъ поняла? Какъ разсказать, чтобъ хоть она не оставила безъ пониманія расшатавшуюся душу? Какъ разсказать, чтобъ простила—и этимъ прощеніемъ сняла страхъ съ души, страхъ животный, панической, страхъ отъ сознанія своего безсилія, своего ничтожества передъ тѣми законами, которые собирался разрушить и которые побѣдили, которые торжествуютъ и будутъ торжествовать вѣчно!

„Я теперь знаю, Соня, что кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе! Такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ! Только слѣпой не разглядитъ.

...Я догадался тогда, Соня, что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть! У меня тогда одна мысль выдумалась, въ первый разъ въ жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ! Никто! Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось. что какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто-за-просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту! Я... я захотѣлъ *осмѣлиться*, и убилъ... я только осмѣлиться захотѣлъ, Соня, вотъ вся причина!“...

Все это сказано голосомъ дрожащимъ, полнымъ жути! Раскольниковъ обезсилѣлъ отъ призраковъ, обезсилѣлъ отъ постоянныхъ угрызеній совѣсти, обезсилѣлъ отъ своей трусости, ему хочется теперь только забыться, ему

страшно подумать, что будетъ послѣ всего этого, что теперь дѣлать, какъ жить, куда уйти, куда спрятаться отъ жизни! Ему теперь страшно самого себя, въ немъ заговорило все человѣческое, все человѣческое въ видѣ кошмара навалилось на него и душитъ, всюду темно, темно и холодно, и среди этой тьмы только она одна не страшна, только она одна—хрупкая и печальная—кажется спасеніемъ. Да, она скажетъ, она отвѣтитъ, она одна *все* знаетъ. Господи, какъ дрожатъ ея холодныя руки, какая бездна въ глазахъ, какая сила въ глубинѣ ихъ, какая власть! Онъ весь въ этой власти, теперь все зависитъ только отъ нея, она укажетъ, она сниметъ тяжесть, она должна!

— Молчи!—говоритъ она.—Молчи! *Страданіе принять и искупить себя имъ, вотъ что надо!*

Міръ убилъ сверхчеловѣка! Тотъ самый міръ, разрушить который собирался онъ... Старая истина, старѣе всѣхъ, но отчего же такъ страшно сознавать ее? Отчего нельзя ни за какую цѣну съ нею примириться? Отчего она обезоруживаетъ, отнимаетъ послѣднюю волю, послѣднія силы, отчего ненавистнымъ становится самое имя „человѣкъ!“ Что въ перспективѣ? Отречься отъ всякой надежды, стать маленькимъ, меньше раба, пойти и поклониться тѣмъ самимъ, которые душу измучили, истомили, загрязнили, которые замучили весь міръ владычествомъ пошлости, уйти въ себя, молчать, даже тогда молчать, когда вся жизнь, вся мука, все отчаянье не даютъ молчать, молчать рабски, молчать униженно, молчать покорно, и потомъ такъ же рабски и покорно умереть! Вотъ смыслъ всего, въ этомъ вся міровая исторія, въ этомъ сущность всего! О, Соня—тихая, усталая, скорбящая Соня,—поистинѣ ты счастливѣе всѣхъ! Ты знаешь одну истину, съ которою можно въ этомъ мірѣ жить, ты купила право жизни и одна свободна, одна торжествуешь! Тебя ужъ не соблазнитъ и не переубѣдитъ никто! Ты успокоилась, навѣки успокоилась, тебѣ понятно стало, что все напрасно, все ничтожно, все похоронено, ты поняла, что нельзя

ничего дѣлать, не къ чему стремиться, да и не надо, что единственная привиллегія у человѣка, который хочетъ успокоиться—это терзаться и любить боль, все отдавать, все въ себѣ загрязнять, убивать, распинать, мучить, довести себя посредствомъ пытки и самобичеванія до такого состоянія, когда уже *все равно*, когда всякій можетъ плюнуть въ твою свѣтлую, чистую душу, и это тебѣ покажется счастьемъ, когда всякій можетъ обидѣть тебя до слезъ, до жгучаго стыда, до ужаса—и ты это назовешь радостью, когда всякій сможетъ убить въ тебѣ все человѣческое, все живое, послѣднее желаніе, послѣдній вздохъ,—и ты сочтешь это восторгомъ!.. Не за то цѣлую твои ноги въ придушенной тоскѣ, въ послѣдней, жестокой тоскѣ, что ты права (о томъ, что ты права, давно знаетъ весь міръ), а за то, что я завидую твоему покою, твоему счастью, за то, что я не могу быть такимъ, какъ ты, за то, что погибла, похоронена навѣки вся жизнь!..

Въ этихъ случаяхъ она всегда побѣждаетъ! Всегда! Всѣ громкія слова, всѣ мечты о подвигѣ, всякую смѣлую попытку быть не такимъ, какъ всѣ, все живое, все выступающее изъ узкихъ береговъ обыденщины,—она побѣждаетъ, побѣждаетъ этимъ взглядомъ манящимъ, скорбнымъ, этимъ лицомъ истерзаннымъ до блѣднаго изнеможенія, этими дрожащими, отдающимися, безнадежно безсильными руками! И горящей душѣ говоритъ „молчи! молчи! Неси крестъ и молчи!“... Что сдѣлала она съ самимъ Достоевскимъ! Она замучила его, она лишила его голоса проклятья, она заставила его отречься отъ безумныхъ замысловъ подполья, она вложила въ его душу глубокое уныніе и паническій страхъ, страхъ, заставившій его въ Пушкинской рѣчи сказать всему міру: „Молчи! Смирись! Покорись!... Молчи. Смирись. Нѣтъ никакой надежды. Нѣтъ ничего. Есть только крестъ“... Поистинѣ, велика ея сила. Поистинѣ она одна права въ цѣломъ мірѣ! И за это стоитъ поцѣловать ея ноги, —съ ужасомъ, со страхомъ, съ тоской!

Если вдуматься въ эту трагикомедію, называемую сверхчеловѣчествомъ, видишь, что въ ней одно только всегда неизмѣнно торжествуетъ и побѣждаетъ, это—*законы природы.* Можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе законовъ природы? Они правятъ міромъ, они издѣваются надъ душою человѣческою, они дѣлаютъ смѣшнымъ и жалкимъ всякое дерзаніе, всякое своеволіе, всякій подвигъ! Развѣ это обстоятельство не можетъ уничтожить всякую тѣнь сверхчеловѣка? Пусть явится человѣкъ, который бы побѣдилъ законы природы, и тогда мы увѣруемъ, что сверхчеловѣчество возможно! Но этого нѣтъ! Самый святой, благодаря этимъ законамъ,—дѣлается жалкимъ и ничтожнымъ, самый вдохновенный ввиду ихъ жалокъ и смѣшонъ, самый сильный по ихъ волѣ, по ихъ капризу превращается въ трупъ. Они даютъ человѣку возможность покричать и поломаться до поры до времени сколько душѣ будетъ угодно, а потомъ все таки придушатъ,—каждаго придушатъ, будь онъ самый главный сверхчеловѣкъ, — придушатъ неожиданно, врасплохъ, уничтожатъ всѣ планы, похоронятъ всѣ надежды, обезсилятъ самую сильную волю, сдѣлаютъ такъ, что просить о пощадѣ будетъ уже не у кого, да и всякая пощада потеряетъ смыслъ!!! Они въ любой моментъ могутъ показать, какъ малъ, какъ ничтоженъ человѣкъ на этой землѣ, какъ тщетны всѣ его надежды перерасти самого себя, какъ всѣ его устремленія, всѣ слова, всѣ напряженія воли,—кажутся попытками младенца, который желаетъ во что бы то ни стало сдѣлаться взрослымъ! Нитцше, какъ мы увидимъ послѣ,—лучше всѣхъ понялъ это, ему въ этомъ помогла идея вѣчнаго возвращенія...

Но что дѣлать тому, кто не можетъ, не хочетъ этого понять? Что дѣлать въ такомъ случаѣ какому нибудь Фальку, *) вообразившему, что онъ обладаетъ демонической силой разрушать законы природы!? Душу Фалька разорвалъ съ страшною силой самый жгучій, самый постыдный,

*) С. Пшибышевскій: „Homo Sapiens“.

самый неумолимый законъ природы,—*полъ!* И въ душѣ отъ этого разрыва получилась такая пропасть, такая тоска, боль, для которыхъ нѣхъ словъ, отъ которыхъ можно только кричать, которые можно заглушить только алкоголемъ! Фальку померещилось, что, какъ эта природа,—онъ можетъ разрушать и жечь огнемъ жизнь, а на самомъ дѣлѣ сама то эта природа всячески издѣвалась надъ нимъ, всячески его поносила и въ концѣ концовъ,—изуродовала до безобразія! Ему казалось, что то, что создаетъ полъ, что создаетъ жизнь,—женщину,—*онъ* призванъ побѣдить и уничтожить, а на самомъ дѣлѣ онъ только былъ ея жалкимъ рабомъ! Она взяла у него все — волю, красоту, смыслъ жизни, покой, она отравила каждую минуту его жизни такою мукой, такою кошмарной, такою безысходной, такою неумолимой, что онъ ослѣпъ отъ нея, весь міръ ушелъ отъ него, женщина стала для него этимъ міромъ, и какъ акула,—пожрала его, барахтающагося безсильно въ напрасной борьбѣ съ ея властью! Онъ сталъ жертвой своей похоти, онъ измучился до блѣдной усталости желаніемъ преодолѣть законъ, онъ принесъ самаго себя ему въ жертву и, погибъ!.. Фалькъ—это всецѣло созданіе женщины.

И какъ онъ ненавидитъ ее за это, съ какимъ проклятьемъ, съ какою болью мечется онъ въ ея цѣпяхъ, какъ онъ опозорилъ самое ея понятіе, какъ онъ загрязнилъ, опошлилъ все, что въ ней. Какое отвращенье заслонило міръ, отвращенье, высасывающее всѣ силы, отвращенье, вызывающее тошноту ко всему на свѣтѣ,—поистинѣ, только женщина можетъ вызвать такое отвращеніе!

— Слушай, Иза. Иногда я тебя ненавижу—я говорилъ тебѣ это часто. Я могу такъ ненавидѣть тебя, что теряю разсудокъ. Ненавижу потому, что долженъ тебя любить, потому, что всѣ мои мысли—лишь о тебѣ, къ тебѣ, потому что нѣтъ минуты, когда бы ты не стояла у меня передъ глазами... Я ненавижу тебя съ такимъ без-

покойствомъ. Я такъ хотѣлъ бы отъ тебя избавиться... знаешь, это страшное несчастье любить."...

Но куда уйти отъ нея? Куда бѣжать? Она повсюду, она въ каждомъ атомѣ жизни, она въ каждомъ мгновеньи, въ каждомъ звукѣ, она—сущность вселенной, альфа и омега, начало и конецъ. И нѣтъ худшаго позора, чѣмъ сознавать это. А Фалькъ сознаетъ это каждую минуту, онъ сходитъ съ ума, чтобы избавиться отъ этого сознанія, ему хочется сдѣлать что нибудь такое, чтобы не видѣть передъ глазами ее, ему хочется наброситься на нее и съ жадностью голоднаго звѣря выпить ее всю, отравить себя ею до такой степени, чтобы мигомъ разлетѣться въ прахъ... Но даже и для этого нѣтъ силъ, даже на это онъ неспособенъ. Его утонченность, его культурность, его вычурная нейрастенія сдѣлали то, что женщина играетъ имъ, какъ игрушкой, каждое ея движеніе вызываетъ въ немъ жуткій, паническій страхъ и озлобленное желаніе. Развитіе цивилизаціи, ея завершительная стадія принесла въ міръ это странное, трагикомическое и главное, непобѣдимое явленіе,—власть женщины надъ утонченною душой представителя цивилизаціи, власть кошмарную, злую, неизбѣжную. Постыднѣе всего, что эта власть чаще всего у пустыхъ, пошлыхъ, самыхъ обыкновенныхъ женщинъ... Фальку было понятно, что женщина это синонимъ пустоты и пошлости, однако же это не помѣшало ему быть ея рабомъ. Да еще какимъ рабомъ! Это рабство можетъ быть и заставило его проклинать самого себя и злополучную идею сверхчеловѣка.

— „Итакъ, слушайте, господинъ Черскій, и вытаращите получше ваши глаза, дабы понять, что я говорю. Развѣ то, что человѣкъ отличается отъ животнаго только обладаніемъ мозга и совѣсти, или точнѣе помойной ямой, въ которую природа сваливаетъ всѣ свои гадости,—развѣ это—не верхъ комизма? Подумайте, что за неслыханная подлость, что я, бѣдный человѣкъ, долженъ быть ей за это благодаренъ. Ко всѣмъ чертямъ сознаніе, совѣсть и тому подобные аппараты. Я не желаю быть человѣкомъ,

я въ тысячу разъ предпочитаю быть бациллой, потому что она, когда убиваетъ, то не чувствуетъ этого или по крайней мѣрѣ, не чувствуетъ ни мукъ, ни глупыхъ угрызеній совѣсти. Охъ, этотъ премудрый господинъ профессоръ—какъ же его зовутъ? Ага, Нитцше. Ха—ха. Нитцще. Бѣдный господинъ профессоръ хотѣлъ создать сверхчеловѣка, но это несчастное созданіе должно было бы уже на другой день издохнуть отъ избытка совѣсти и сознанія."...

Фалькъ гибнетъ, потому что не удалось ему побѣдить женщину! Ему казалось, что эта побѣда очень важна для жизни. Пожалуй, важности ея нельзя отрицать, но все дѣло то въ томъ, что бороться съ женщиной въ открытую неудобно. Здѣсь нуженъ какой-нибудь другой способъ, хотя бы самообманъ. Женщина любитъ обманъ, можетъ быть, вся ея сущность есть обманъ, поэтому и бороться съ нею слѣдуетъ при помощи обмана. Вѣдь вотъ какъ бы выигралъ Фалькъ, если бы зажмурилъ глаза и, стараясь не видѣть всей пошлости и пустоты женщины,—возвелъ бы ее на пьедесталъ, создалъ бы себѣ изъ нея кумиръ, закрылся бы отъ нея дымкой поэтическаго обготворенія, какъ въ этихъ случаяхъ поступаютъ поэты и идеалисты, и вообразилъ бы, что вмѣсто тѣла у нея какое-нибудь очень эфирное, очень нѣжное и очень прозрачное вещество. Можетъ быть, хоть это спасло бы его отъ ужаса, созданнаго природой. Кто знаетъ!

По слѣдамъ Фалька пошелъ другой мученикъ „идеи"—молодой ученый Отто Вейнингеръ. Этотъ былъ гораздо предпріимчивѣе Фалька. Ему казалось, что если ужъ разрушать женщину и законы природы, такъ ужъ разрушать что называется во всю, во всеоружіи знанія, для этого недостаточно ее проклинать и позорить, а нужно написать кирпичъ, который бы доказалъ, какъ дважды два четыре, что женщина ненужна и что можно ею и пренебречь. Намѣреніе, заслуживающее только похвалы, хотя опять таки—скучное. Ибо столько уже книгъ писалось о разрушеніи, но отъ этого, однако, ничто не только не ру-

шилось, а стало еще прочнѣе. Такъ и въ этомъ случаѣ, книга Вейнингера сдѣлала одно только то, что увеличила число феминистокъ и такъ называемыхъ эманципированныхъ женщинъ, т. е. какъ разъ то, противъ чего возставалъ Вейнингеръ и ради осмѣянія чего написалъ свой кирпичъ. Кирпичъ этотъ тяжелъ, сухъ и утомителенъ, какъ всѣ кирпичи, но въ немъ нужно читать между строкъ, тамъ мы прочтемъ, какъ страдала эта больная, озлобленная и такая прекрасная, такая чуткая и молящаяся душа, тамъ мы увидимъ лицо, погруженное въ одну роковую, недающую покоя мысль, тамъ мы замѣтимъ желаніе освободить міръ отъ грязи и кошмара пола!.. „Нужна Мадонна, все остальное только свинство“—развѣ эти слова Вейнингера не говорятъ, сколько безумнаго надрыва внесла въ эту жизнь женщина—вѣчная ложь, вѣчный ужасъ, вѣчная красота!... Развѣ не говорятъ они намъ, во имя чего была написана эта книга? Но Фалькъ и Вейнингеръ оба—безсильны передъ императивами природы. И оба погибли! Вейнингеръ погибъ особенно безсильно, написалъ кирпичъ и погибъ. Погибъ во всеоружіи знанія, въ цвѣтѣ молодости, 23 лѣтъ. Что это значитъ? Не что иное, какъ то, что кирпичъ кирпичемъ, а жизнь жизнью. И то, что возможно въ книгѣ, то въ жизни немыслимо да и безполезно. Вейнингеръ лишилъ себя жизни отъ сознанія, что женщина побѣдила и что все напрасно. Стоило же писать книгу, чтобы такъ кончить!

Гораздо лучше было сдѣлать это раньше всякихъ книгъ.

Каждый изъ сверхчеловѣковъ задыхается въ аду жизни и всѣ сильны на словахъ, но безсильны на дѣлѣ... Отчего? Отчего они всѣ пасуютъ передъ желѣзными законами природы? Отчего не хватаетъ у нихъ пороху отважиться на какой-нибудь безумный подвигъ, на такой подвигъ, отъ котораго бы поколебалась вся земля, который бы убилъ самую возможность жизни, ибо вѣдь всѣмъ имъ понятно, что все—ложь, все—безсмыслица и если уничтожать что-нибудь, такъ уничтожать съ корнемъ. Та-

кой сверхчеловѣкъ явился, онъ не побоялся ничего, онъ первый безъ словъ отважился на этотъ подвигъ. Это былъ профессоръ Хребтовъ изъ романа Н. Лопатина „Чума“ *). Романъ написанъ топорнымъ языкомъ, газетнымъ, пошлымъ, сѣрымъ, это не романъ, а просто хроникерскій протоколъ о совершившемся событіи, но самое то это событіе любопытно до крайности, поразительно и очень интересно. Профессоръ Хребтовъ былъ слишкомъ чувствительно обиженъ законами природы, больше чѣмъ кто-либо изъ смертныхъ. Природа совершила надъ нимъ гнусность, она сдѣлала его уродомъ. Она сдѣлала ему сверхчеловѣческій лобъ и лицо паука, безобразнаго, чернаго паука и весь онъ своею фигурой походилъ на что то хищное, лохматое, звѣриное. И какъ бы въ насмѣшку она наградила его при всемъ его уродствѣ, геніальнымъ умомъ, благодаря которому онъ въ скоромъ времени сдѣлался знаменитымъ ученымъ, удивившемъ весь міръ своими открытіями и между прочимъ,—изобрѣтеніемъ противочумной сыворотки. Выросшій въ чужой семьѣ, воспитанный на деньги благодѣтелей, съ дѣтства не зналъ онъ ничего, кромѣ побоевъ, людской ненависти, обидъ и насмѣшекъ, и съ каждымъ годомъ все это увеличивалось, и въ концѣ концовъ,—вокругъ Хребтова создался цѣлый адъ, выпившій изъ него послѣдніе соки человѣческихъ чувствъ и сдѣлавшій изъ него озлобленнаго, запуганнаго, забитаго и униженнаго человѣка. Онъ не слыхалъ отъ людей ни одного ласковаго, теплаго слова, онъ всюду видѣлъ только одну ненависть и презрѣніе, онъ не могъ найти себѣ мѣста среди жизни, ему—любящему жадно жизнь,—приходилось убивать ее въ себѣ, хоронить, скрывать, онъ долженъ былъ вѣчно быть на сторожѣ, вѣчно скрываться, чтобы не ощущать боли въ душѣ. Онъ зналъ только одиночество и четыре стѣны своей лабораторіи, это была граница его жизни, дальше онъ идти не могъ, ибо не имѣлъ на то права, ибо былъ оби-

*) Н. Лопатинъ. Чума. Романъ. Москва. 1908 г.

женъ законами природы. А между тѣмъ, онъ былъ геніаленъ и знаменитъ, имя его вызывало всюду подобострастный шумъ, предъ нимъ благоговѣли ученые, онъ былъ ихъ кумиромъ. Но развѣ все это можетъ замѣнить жизнь,—живую, повседневную жизнь—съ ея радостями, съ ея счастьемъ, съ ея любовью, которыхъ такъ жаждала душа Хребтова, заключенная въ тѣлѣ урода? Развѣ въ силахъ онъ переносить такую жестокую обиду, какъ лишеніе правъ человѣка? Вѣдь онъ душой, какъ всѣ люди, даже выше ихъ, онъ пришелъ въ жизнь, чтобы жить, какъ всѣ, и вдругъ потому только, что онъ уродъ—все вокругъ недоступно для него, все бѣжитъ отъ него и только холодъ одиночества, только удѣлъ проклятья остается для него незакрытымъ.

Онъ полюбилъ дѣвушку—молодую, красивую, полную жизни, въ этомъ онъ нисколько не виноватъ, въ этомъ виновата та же природа, продуктомъ которой онъ является. И какъ же посмѣялась надъ нимъ его любовь! Ошеломила его такою мукой, такимъ жгучимъ, неутолимымъ, звѣринымъ отчаяньемъ, которое даже ему—закаленному въ жизненной борьбѣ,—показалось невыносимымъ! Здѣсь законы природы дали ему почувствовать, что онъ не имѣетъ права любить, что онъ не человѣкъ, а уродъ и какъ таковый, долженъ отречься отъ самаго прекраснаго плода жизни! Кто изъ смертныхъ можетъ примириться съ этимъ! Хребтовъ не только не примирился, но задумалъ отмстить за причиненную имъ снова обиду, отмстить местью, невиданной въ мірѣ, отмстить такъ, чтобы этою местью вернуть всѣ потерянныя силы, изгладить ужасъ страданья, а главное,—поиздѣваться надъ законами природы, доказать имъ, что онъ можетъ, что онъ смѣетъ возвратить имъ сторицею за причиненное зло, что онъ можетъ пойти противъ нихъ, посмѣяться надъ ними и надъ ихъ созданьями, изуродовавшими его душу, превратившими для него всю эту жизнь въ тяжелый, невыносимый адъ! Онъ въ этомъ случаѣ не похожъ на Раскольникова, онъ не дрожитъ, не блѣднѣетъ,

не падаетъ въ обморокъ, онъ знаетъ, что одного человѣка убить мало для того, чтобы найти счастье мести! Онъ придумываетъ другое, онъ практиченъ, онъ предпріимчивъ вмѣстѣ, ибо тотъ, кого сдѣлали уродомъ, долженъ быть въ отмщеніи своемъ изобрѣтательнѣе всѣхъ, онъ знаетъ, навѣрное знаетъ, что все потеряно, что никакая этика, никакое добро уже не помогутъ, не спасутъ въ этомъ мірѣ, что даже каяться и исповѣдываться не передъ кѣмъ будетъ, тотъ, который потерялъ все,—становится необычайно смѣлъ, ему уже нечего терять, тотъ, у кого отняли право на любовь,—мститъ какъ разъяренный, раздразненный, бѣшеный звѣрь, тотъ, кого прогнали изъ жизни неизвѣстно почему, долженъ замучить, убить, истерзать эту безсмысленную, проклятую жизнь, истерзать такъ, чтобы она завыла, заметалась, зарыдала подъ его руками, чтобы все живое, все радостное, все прекрасное превратилось въ грязно кровавую кашу, чтобы весь міръ изошелъ кровью, чтобы не осталось отъ него ни слѣда! Онъ долженъ заявить, что не надо міра, если онъ—кровь, если онъ—насилье, если онъ—обида и боль, онъ долженъ создать изъ оскорбленной души своей такой пожаръ, такую адскую месть, такой вулканъ, такой безпощадный океанъ ненависти и проклятья, въ которомъ задохнулось бы все человѣческое, въ которомъ бы погибли, уничтожились, сгорѣли всѣ люди, въ которомъ возникла бы такая отрава, какой не видывалъ еще никто на землѣ!.. Все это долженъ онъ сдѣлать, какъ право имѣющій, ибо тотъ, кого обидѣли, кого ненавидятъ, кого унизили,—долженъ имѣть исключительное право, право на месть!

И Хребтовъ мститъ. Онъ приводитъ въ исполненіе свою безумную мысль—пустить на городъ чуму. Онъ самъ распространяетъ по городу чумныя бациллы, и вотъ, возникаетъ страшная эпидемія чумы, весь городъ въ нѣсколько мѣсяцевъ дѣлается очагомъ заразы, она распространяется съ страшною силой, она не оставляетъ никого здоровымъ, все гибнетъ вокругъ, люди озвѣрѣли,

имъ уже все нипочемъ, все равно—завтра или сегодня каждый долженъ погибнуть! И вотъ, начинается истинный пиръ во время чумы, пиръ зараженнаго стада, для котораго уже все потеряно и которое грабитъ, насилуетъ, пожираетъ, устраиваетъ безумныя оргіи въ послѣдній свой часъ. Начинаются безчисленные пожары, зарево которыхъ зловѣще освѣщаетъ черныя улицы, гдѣ копошится, истлѣвая, стеная, застигнутое ужасомъ звѣрье; стадо вырвалось на волю и начинается анархія, всякій лѣзетъ изъ кожи, чтобы быть первымъ, чтобы побольше накрасть, побольше наѣсться, побольше надругаться надъ другимъ, крики, вздохи, проклятья образуютъ одинъ сплошной, стоящій въ воздухѣ угрожающимъ смерчемъ—безконечный, разъяренный, голодный вой! Среди людей любопытныя превращенья: солидные отцы семействъ, важные сановники, благообразныя святоши дѣлаются развратниками, и вотъ статскій совѣтникъ, облапивъ дѣвочку въ темномъ углу, пытается овладѣть ею, возбужденно бормоча: Ну чего же глупая сопротивляться? Все равно вѣдь скоро умремъ! Ну, Настюшечка!". Отецъ, примѣрный семьянинъ, покушается на честь дочери. Гордая, неприступная женщина, у ногъ которой лежала вся золотая молодежь Москвы, бросается на шею своему выѣздному лакею.—Стадо бѣснуется, похожее на чертей въ аду, освѣщенное багровымъ заревомъ пожаровъ, стадо визжитъ, гогочетъ, вѣшаетъ, насилуетъ, поджигаетъ, убиваетъ, тамъ, гдѣ былъ покой—возмущенье, тамъ, гдѣ были великолѣпные дворцы, блестящіе магазины, аристократическія улицы,—теперь стоитъ одинъ кровавый, вспухшій, заслонившій собою все небо, весь міръ—ужасъ смерти.

Хребтовъ торжествуетъ! Его душу надрываетъ бѣшеная радость, радость мести! Возвышаясь надъ погибшимъ городомъ, онъ простираетъ надъ нимъ свои безобразныя, черныя руки, руки дьявола, и язвительная гримаса искривляетъ его ротъ!

Но нужно заявить толпѣ, кто сдѣлалъ все это! Надо, чтобъ знали, что это онъ, Хребтовъ, отмстилъ такъ

удачно за себя, за свое страданье, за свою непростительную обиду. И вотъ, онъ появляется среди этого ада и, взобравшись на возвышеніе,—кричитъ внизъ, захлебываясь отъ счастья собственныхъ словъ.

— Слушайте, вы, голодные, полуживые отъ страха, поклонники Бога, который смѣется надъ вашими страданьями! Я скажу вамъ такую правду, которой никто никогда не слышалъ и не будетъ слышать, потому что не было и не будетъ другого Хребтова.

Я пришелъ сюда, люди, чтобы бросить вамъ въ лицо свое презрѣніе, свою ненависть.

Я ненавижу васъ давно, ненавижу ваше грязное, глупое стадо. Ненавижу за то, что принадлежу къ вамъ, ненавижу за то, что не похожъ на васъ. И вотъ теперь, чтобы потѣшить свою ненависть, я скажу вамъ, откуда взялась чума. Мое мщеніе было бы не полно, если-бы я не сказалъ этого. Только, когда вы узнаете, кто поразилъ васъ бичемъ, я буду смѣяться, какъ слѣдуетъ.

— Это я, я создалъ въ городѣ чуму. Я, своею властью, предалъ васъ смерти и отчаянію. Я истребилъ вашихъ дѣтей, вашихъ родныхъ, вашихъ друзей. Я свелъ съ ума столькихъ людей. Я терзалъ и мучилъ всѣхъ васъ столько времени.

— Всѣ умершіе до сихъ поръ, убиты мною. Всѣ, кто умретъ до конца эпидеміи, будутъ убиты тоже мною. Я создалъ, воспиталъ отраву у себя и наполнилъ ею воздухъ, которымъ вы дышите.

— Теперь воля моя совершилась. Вы будете умирать и никто, никто, даже Богъ, которому вы поклоняетесь, не спасетъ васъ.

— Не забудьте разсказать вашимъ дѣтямъ, что это я, Хребтовъ, создалъ чуму въ Москвѣ".

Толпа разрываетъ Хребтова послѣ этихъ словъ на куски. Но зачѣмъ ему теперь жизнь, ему, достигшему цѣли? Теперь гибель выше всякой жизни. Такъ погибъ этотъ самый предпріимчивый, самый умный изъ всѣхъ сверхчеловѣковъ на землѣ!

Но развѣ въ этомъ была его сила? Развѣ проклятье можетъ уничтожить ту безсмыслицу, на которой держится міръ? Развѣ отъ этого сдѣлается кому нибудь легче? Развѣ поможетъ это человѣку забыть ужасъ настоящаго и гибель будущаго? Нѣтъ! Нѣтъ на свѣтѣ подвига, который бы заглушилъ вѣчную тоску души, нѣтъ проклятья, которое избавило бы отъ сознанія, что все вокругъ только ложь. Какъ научиться забывать, что живешь, что сдѣлать, чтобы не ощущать раны сердца, чтобы не чувствовать той боли, того страха, того отвращенья, что съ каждымъ днемъ, все усиливаясь,—грозитъ неизбѣжнымъ безумiемъ?.

Мы такъ изстрадались, такъ измучились, такъ устали, что нѣтъ у насъ уже никакой надежды, нѣтъ почвы, а если есть, то неустойчива, и это наводитъ унынiе и страхъ. Мы знаемъ одинъ подвигъ, подвигъ самоубiйства, только этотъ подвигъ можетъ разрушить весь міръ безъ слѣда, только онъ одинъ спасетъ нашу душу отъ вѣчной раны, называемой жизнью. Такъ разсуждаемъ мы.

Но вотъ, кто то вверху все потѣшается, безъ устали, безъ конца. Кто то насмѣшливый и спокойный кружитъ землю съ трупами и живыми, и одинъ лишь знаетъ, что жизнь и смерть двѣ одинаковыя безсмыслицы. Кто угадалъ, что ложно, и что истинно, кто понялъ *что* все это вокругъ! зачѣмъ и откуда; кто можетъ съ увѣренностью сказать *я знаю!* не слыша въ себѣ другого шепота, вѣчно заглушаемаго—*я лгу!* Кто увѣренъ въ себѣ? Кто счастливъ? Только глупецъ?

Все темно, все закрыто! Напрасно стучимся, напрасно надрываемъ силы, чтобы открыть единственную, желанную, спасительную дверь! Никто не откроетъ. Знаемъ, что не откроетъ, но боимся, страшно боимся сказать это вслухъ, боимся закричать, зарыдать въ отчаяньи, чтобы задрожала земля отъ нашего рыданья, чтобы мы могли почувствовать, что мы—живые, что мы умѣемъ страдать, что мы не только мертвые, привычные лжецы! Мы умѣемъ жить

только одной жалкой минутой! Мы говоримъ: „какъ прекрасна, какъ хороша жизнь!“ и торжествуемъ, это бываетъ когда мы здоровы, когда мы веселы. Но весь ужасъ въ томъ, что это только одно мгновенье, что тотъ, кто говоритъ эти слова, долженъ жестоко потомъ поплатиться за нихъ! Онъ увидитъ, чего они ему стоятъ, онъ увидитъ, что вслѣдъ за этимъ мгновеньемъ наступитъ отчаянье, наступитъ болѣзнь, пресыщенье, скука, апатія, ненависть, безсилье, онъ увидитъ, какъ кто-то неумолимый возьметъ, отниметъ у него силы, молодость, здоровье, счастье, все, онъ увидитъ, что съ каждымъ шагомъ въ глубину пропасть станетъ все темнѣй и бездоннѣй, а страхъ и тоска все ужаснѣе, онъ станетъ бояться глубины, станетъ избѣгать ея и сдѣлается пошлякомъ, забитымъ, сморщеннымъ, изможденнымъ человѣкомъ, сущность котораго будетъ выражаться въ трусости и безсильи! И придетъ ночь, послѣдняя ночь, ночь смерти, когда все тотъ же—неизвѣстный и насмѣшливый, который отнялъ у него все, отниметъ еще и жизнь! О, навѣрное онъ вспомнитъ въ этотъ часъ свои слова: „какъ хороша, какъ прекрасна жизнь!“ и проклянетъ то мгновенье, когда онъ говорилъ это и когда ему казалось, что онъ счастливъ! Вѣдь нельзя примириться съ тѣмъ, что все это такъ и должно быть. Кто можетъ примириться? Кто смѣетъ сказать, что такъ и нужно! Хоть и скажетъ, но въ душѣ все же будетъ шевелиться ужасъ и страхъ! *Никто не долженъ примириться, въ этомъ вся суть!*

Нитцше понялъ это лучше всѣхъ, но образъ безсмыслицы онъ облекъ въ символическія формы; кто только хочетъ придать безсмыслицѣ какое-нибудь оправданіе, всегда облекаетъ ее въ символическую форму, этимъ зачастую и спасаются.

Нитцше увидѣлъ, какъ все повторяется и снова исчезаетъ, чтобы повториться въ будущемъ, какъ сверхчеловѣкъ мелькаетъ среди хаоса все тотъ же, все одинаковый, приходитъ и уходитъ для того, чтобы снова возвра-

титься,—и онъ умилился, увидя все это, и безсмыслицу окрестилъ именемъ вѣчности!

„Великое отвращенье къ человѣку—оно душило меня и заползло мнѣ въ глотку: и что прорицатель предсказывалъ: „Все равно, ничто не вознаграждается, знаніе душитъ".

„Долгія сумерки тянулись предо мною, смертельно усталая, пьяная до смерти печаль, которая говорила мнѣ, зѣвая во весь ротъ:

„Вѣчно возвращается человѣкъ, отъ котораго усталъ ты, маленькій человѣкъ",—такъ зѣвала печаль моя, потягивалась и не могла заснуть.

...„Но связь причинности, въ которую вплетенъ я, опять возвратится,—она опять создастъ меня. Я самъ принадлежу къ причинамъ вѣчнаго возвращенья!

„Я снова возвращусь вмѣстѣ съ этимъ солнцемъ, съ этой землею, съ этимъ орломъ, съ этой змѣею—*ни* къ новой жизни, *ни* къ лучшей жизни, *ни* къ жизни похожей на прежнюю.

— Я буду вѣчно возвращаться къ той же самой жизни, въ большомъ и маломъ, чтобы снова учить о вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей!"...

Нитцше эта перспектива повидимому, улыбалась. Повтореніе вѣчной безсмыслицы ему казалось обаятельнымъ, но въ сущности, оно можетъ вызвать лишь одинъ панический страхъ.

Все повторяется, всегда одно и то же, всегда, все будетъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, всегда, неизмѣнно, нѣтъ выхода изъ ада, ибо адъ возвратится, все напрасно, и жизнь и смерть, ибо одинаково безсмысленно! Кто послѣ этого можетъ спокойно жить, что остается послѣ этого, кромѣ сумасшедствія?

Нитцше, можетъ быть, въ душѣ смѣялся надъ всѣмъ этимъ. Онъ зналъ цѣну смѣха, онъ постоянно совѣтуетъ лечиться отъ ужаса смѣхомъ. Но что дѣлать тому, кто уже не можетъ смѣяться, что дѣлать тому, кто убѣдился въ томъ, что не надо жить, не надо страдать, ничего не

надо дѣлать, ибо все ужъ было, все безсмысленно и главное—вѣчно, *вѣчно!*.

Одна Соня Мармеладова поняла, что дѣлать! Она своимъ подвигомъ переросла всѣхъ сверхчеловѣковъ, она съумѣла опьянить себя такъ, что идея вѣчнаго возвращенья стала ей не страшна.

Въ черную ночь, на распутьѣ, когда рвутся послѣднія струны угасающаго сердца, когда нечѣмъ жить, въ темную ночь, залитую дождемъ, среди тысячей невидимыхъ воплей и стоновъ и слезъ, какъ жуткій призракъ, какъ кошмарный сонъ,—вырастаетъ она, и впивается въ душу палящей, сладостной, мучительно сладостною раной!

Она гаситъ всѣ сомнѣнья, всѣ жалобы, всѣ надежды, она заслоняетъ всѣ пути, всѣ средства, всѣ усилія воли!

Она *безумно* смотритъ въ самую глубину жизни, гдѣ реветъ и бушуетъ все, гдѣ все окровавлено, все замучено, все отравлено,—смотритъ безумно,—дрожа, замирая въ восторгѣ,—и всему міру, всѣмъ людямъ говоритъ одно, все одно и то же:

— *Молчи! Смирись, покорись и молчи! Нѣтъ ничего! Все пусто, все равно, все ужъ было! Есть только крестъ!*

21 сентября 1910 г.

Религія подвига.

(Левъ Толстой).

I.

Что бы ни говорили о творчествѣ Льва Толстого, какъ бы ни доказывали, что онъ для всѣхъ доступенъ, что любой мужикъ можетъ его постигнуть,—все же это далеко не такъ. Какъ художникъ, Толстой такъ же субъективенъ, такъ же погруженъ въ самого себя, какъ и человѣкъ, въ его творчествѣ скрыто многое, что не такъ скоро, къ счастью сказать, сдѣлается продуктомъ общественнаго достоянія и пониманія. Уже одно доказываетъ это, что творчество Толстого царитъ надъ толпой, стоитъ неприкосновенно, какъ чудесное изваянье, никакая популяризація, никакая услужливая критикоманія не могла его опошлить. Да это и всегда такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, съ художниками геніальными: они сами по себѣ, а толпа и критика сами по себѣ! Толпа хоть и читаетъ, но рѣдко сама понимаетъ, что читаетъ, она проглатываетъ литературу въ непереваренномъ видѣ, вотъ, откуда требованіе, предъявляемое къ критикѣ—сдѣлать матерьялъ удобоваримымъ, приготовить изъ утонченнаго блюда демократическое кушанье. Критика поэтому до сихъ поръ была родомъ популяризаторства, родомъ объяснительнаго чтенія, ея задачей было представить міръ художника въ такомъ видѣ, чтобы все было ясно и удобопонятно, и „идейка“ чтобы представилась въ упрощенномъ видѣ, а, если „идейки“ не оказывалось, то она сама придумыва-

лась услужливымъ критикомъ... Но теперь ясно стало, что истинный художникъ въ такихъ услугахъ не нуждается, что онѣ до нѣкоторой степени даже его опошляютъ, что художника объяснить нельзя, а нужно понять чутьемъ. и что прежде всего, въ читателѣ необходимо присутствіе тѣхъ струнъ, что должны отзываться на все то, что хотѣлъ сказать писатель и быть посредствующимъ звеномъ между его міромъ и міромъ того, кто читаетъ... Всякая критика стараго типа—только лишній балластъ, затушевывающій образъ творца, она ничего новаго въ пониманіе этого образа не привноситъ, а только его затушевываетъ. Нужно, какъ говоритъ одинъ русскій философъ-художникъ, — закрывая книгу — стараться увидѣть предъ собой лицо автора, ибо только лицо и важно, все остальное—проблематично и врядъ ли доступно взгляду человѣческому. Сколько бы прямопротивоположныхъ мнѣній ни высказывали о творчествѣ Толстого, онъ все же стоитъ до сихъ поръ еще совершенно нетронутымъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ, на высотѣ великой, царствуя не только надъ русской, но и надъ европейской литературой...

То, что вызвало общественную популярность Толстого, это прежде всего—его простота. Дѣйствительно, подобной простоты, простоты, идущей изъ глубины души и захватывающей искренностью, чарующей искренностью — мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ писателей... Нельзя сказать, чтобы эта простота была пріобрѣтеннымъ даромъ, нѣтъ, она представляетъ характерную черту художника, она является тѣмъ его творческимъ даромъ, который позволяетъ ему творить истинныя чудеса. Это манера, равной которой развѣ можетъ быть только манера Пушкина. Это въ сущности манера, (какъ это ни странно въ примѣненіи къ Толстому)—импрессіонистическаго стиля... Толстой фотографически вѣрно претворяетъ дѣйствительность въ образы и краски, до такой степени вѣрно, что эта дѣйствительность какъ бы всецѣло исчезаетъ въ художественной символизаціи, поглощается ею, претворяет-

ся въ живую плоть и кровь... Толстой рисуетъ однимъ взмахомъ кисти,—и въ этомъ взмахѣ сконцентрировывается вдругъ все: и свѣжесть, и упругость, и мощь, и сила, и красота! Необычайная сжатость характеризуютъ эту его манеру. У него нѣтъ ни длинныхъ періодовъ, ни утомительныхъ описаній, свойственныхъ современнымъ ему русскимъ романистамъ, ни растянутыхъ діалоговъ, ни характеристикъ, занимающихъ цѣлыя главы, какъ у Тургенева и Гончарова, у него все это замѣняется однимъ аккордомъ, настоящимъ Бетховенскимъ аккордомъ, и въ этомъ аккордѣ сливаются всѣ особенности его таланта, а иногда такимъ синтетическимъ аккордомъ является одно слово, или одна фраза. Онъ не любитъ подробно описывать природу, но онъ даетъ въ нѣсколькихъ словахъ ея символизацію, и вотъ она дышетъ, живетъ, чаруетъ. Онъ не ведетъ читателя путемъ длинныхъ справокъ, введеній, мелочей къ выясненію личности героя, но дѣлаетъ такъ, что эта личность почти чувственно ощущается при чтеніи, и вотъ уже все лицо, со всѣми своими особенностями передъ нами, и лицо до такой степени яркое, что нельзя его легко забыть! Психологія дѣйствующихъ лицъ не выражается въ длинныхъ изложеніяхъ, но сама собой сквозитъ въ образахъ, ее *ощущаешь*, какъ и вообще у Толстого, не видишь, не понимаешь, а какъ то почти физически ощущаешь. Этой стороны геніальнаго писателя я не буду подробно касаться, но важно ее отмѣтить, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, какъ Толстой даже съ внѣшней стороны своего творчества для нашего времени свѣжъ и интересенъ, не смотря на то, что мысли его далеки были отъ того, чтобы походить на писателей нашихъ дней... Что же могло казаться русской интеллигенціи 60-хъ и 70-хъ годовъ, когда талантъ Толстого созрѣвалъ на виду у всѣхъ? И правъ былъ Тургеневъ, когда въ одномъ изъ своихъ писемъ сравнивалъ „Войну и миръ“ съ музыкой Вагнера. Правъ въ томъ смыслѣ, что въ этомъ произведеніи, какъ и вообще у Толстого,—было много новаго, страннаго и загадочнаго для пониманія своего времени.

Для меня въ творчествѣ Тостого гораздо важнѣе другое обстоятельство, еще неисчерпанное, другая сторона, дѣлающая его обликъ дѣйствительно страннымъ и загадочнымъ предъ лицомъ всего міра. Для меня важно выяснить, что въ этомъ творчествѣ, надъ всѣми дѣйствующими лицами тяготѣетъ какое то тяжелое, непонятное, гнетущее настроеніе, какой то неумолимый рокъ, какой то терзающій и гнетущій фатумъ.

Творчество Толстого, его мысли, чувства, его образы слишкомъ напоены жизнью, слишкомъ пресыщены ею. И вся душа Толстого была долгое время ничѣмъ инымъ, какъ страстнымъ поглощеніемъ, жаднымъ вбираніемъ жизненныхъ соковъ. Толстой взялъ отъ жизни все, что она только могла дать; богатство, счастье, славу, наслажденья... Она опьянила его, она преисполнила его своимъ одурманивающимъ хмѣлемъ, онъ сорвалъ съ нея всѣ ея одежды, позналъ всю ея красоту, всѣ ея чары, отъ этого всего жизнь его стала роскошнымъ пиромъ, но невесело было ему на этомъ пиру, что то тяжелое, сгущенное, мѣшающее,—переполнило все его существо, и онъ почувствовалъ пресыщенье, усталость, скуку!... Это проявляется во всемъ, что создалъ Толстой: все крѣпко, могуче, сильно, но въ этой крѣпости, въ этой силѣ замѣчается какой то надломъ, какое то переполненное тяжестью пресыщенье! Такъ бываетъ въ лѣтній, жаркій день, когда вся природа отдалась палящимъ объятіямъ солнца и застыла въ нихъ, и всюду вокругъ застыли въ глубокой истомѣ: и лѣсъ, и поля, и нивы, и стоитъ неподвижная тишь, отяжелѣвшая, полная пылающаго удушья! Такъ и творчество Толстого отяжелѣло отъ обилія соковъ жизни, отъ яркости красокъ, отъ глубины наслажденій. Горе тому, кто вкусилъ много жизни, кто обладалъ жизнью и творилъ изъ нея себѣ очарованье, она рано или поздно обрушится всей своею неизмѣримою тяжестью на его плечи и надломить ихъ. То, что надломило героевъ Толстого, была *безцѣльность жизни,* ея ненужность. Они всѣ были поражены ея сочностью, свѣ-

жестью, красотой, пока не открылись ихъ внутреннія очи, пока не поняли они, что жизнь, такая жизнь, какъ вокругъ,—имъ только мѣшаетъ, затрудняетъ ихъ волю, тяжелымъ камнемъ ложится на душу. Сильные и здоровые тѣломъ, счастливые и успѣвающіе, славные и богатые, красивые и знатные, они сплетаются въ одинъ хаотическій кругъ ненужности,—и въ этой ненужности проходятъ время, и передъ этою ненужностью меркнетъ все значительное, все цѣнное для нихъ, чѣмъ они жили, на что надѣялись, чѣмъ дорожили... Они сдѣлали изъ жизни сплошной праздникъ, безпечальное бытіе, не мало не заботясь, что будетъ потомъ и даже не сознавая, что есть понятіе цѣлесообразности. Вокругъ клокочетъ, бушуетъ, бьется, рыдаетъ разноцвѣтное море жизней—такихъ разнообразныхъ, такихъ противоположныхъ одна другой,—и каждая изъ нихъ—переполнена тяжестью внутренней, несознаваемой, гнетущей, и каждая изъ нихъ несчастна, каждая безжалостно осуждена на неминуемую гибель. Кто не сознаетъ этого, тотъ временами ощущаетъ инстинктивную тяжесть, и безсильно бьется въ поискахъ избавленія отъ нея, а кто сознаетъ,—тому уже нѣтъ покоя въ этомъ мірѣ ни въ чемъ и нигдѣ, тотъ будетъ грезить о смерти и бояться ея, и прятать отъ себя веревку и ружье, дабы не соблазниться, тотъ надоѣстъ себѣ и другимъ своею безпомощностью, пока не спасетъ его отъ гибели какой нибудь спасительный якорь, которые сами же людьми и изготовляются...

Если взглянуть на героевъ Толстого, то они всѣ почти похожи другъ на друга въ этомъ отношеніи, всѣ приходятъ къ одному и тому же выводу. Не значитъ ли это, что даже среди такой увлекательной работы, какъ художественное творчество, Толстой не могъ забыть самого себя и ту пустоту, которая его снѣдала?

Что нашла въ жизни усталая до нѣжной разслабленности душа князя Андрея Болконскаго? Ничего... Онъ искалъ всюду какого то намека, какого то отклика на то, что его мучило, но то, что находилъ—и слава по-

бѣдителя, и участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и успѣхи въ хозяйственныхъ заботахъ по имѣнію,—вызывало въ немъ лишь блѣдную улыбку все той же нѣжной, какъ бы врожденной усталости. Ко всему окружающему, къ женѣ, которая ему надоѣла, къ отцу, къ княжнѣ Марьѣ, къ Кутузову, къ Сперанскому,—онъ испытываетъ что то недовѣрчивое, глухое, необъяснимое, какое то досадное для него самого равнодушіе, которое онъ изъ всѣхъ силъ старается поджечь любопытствомъ, тщеславіемъ, стремленіемъ къ извѣстности. Все ему мѣшаетъ, все вокругъ тяжело и сѣро, какъ мокрый осенній день, а въ душѣ рыдаетъ глубина тоски, въ душу просится любовь, молитва, вѣра, но нѣтъ у него силы или даже хотѣнія, чтобы что нибудь осуществить, облечь въ реальную форму. Иногда даже это самое хотѣніе кажется ему безмѣрно тяжелою обязанностью, которую выполнять не надо, да и не стоитъ, все равно—это вѣдь безполезно. И лицо у него прозрачное, какъ будто радостное, какъ будто восторженное, но та же недовѣрчивая струна изъ глубины гаситъ все это протяжнымъ, тихо печальнымъ аккордомъ... *Онъ, въ сущности, притворяется, что заинтересованъ жизнью, на самомъ же дѣлѣ она ему безразлична, она ему ненужна.* Онъ не хочетъ этого сознавать, но вся душа его больна этимъ, для него нѣтъ ничего. чтобы удовлетворило его тоскливую жажду славы или покоя, все измѣнчиво, все проходитъ, ничто не можетъ дать забвенья. Жена, повидимому самый близкій человѣкъ,—для него тоже безразлична, ничего у него нѣтъ общаго съ нею, онъ испытываетъ къ ней ту же пресыщенную враждебность, что и ко всему вообще, даже тогда, когда безсмысленная смерть вызвала на ея восковомъ лицѣ безмолвный крикъ „ахъ, что вы со мной сдѣлали?“,—даже тогда эта враждебность не проходитъ въ немъ. Усталость князя Андрея какая то застывшая, нѣтъ ничего, что бы вывело его изъ его состоянія оцѣпенѣлости. Даже любовь къ Наташѣ, такъ неожиданно быстро промѣняв-

шей его на Анатоля Курагина, даже любовь не производитъ въ немъ значительной перемѣны. Эгоистическая, лѣнивая натура, вся пресыщенная, вся застывшая, князь Андрей даже для самого себя не могъ выдумать въ этой жизни спасенья. Не могъ, или вѣрнѣе, не слишкомъ сильно хотѣлъ. Только за нѣсколько дней до смерти, смертельно раненый, Болконскій почувствовалъ страшную жажду жизни. Но тогда было ужъ поздно. Смерть у Толстого вообще является иногда импульсомъ къ возрожденью, но здѣсь таится нѣкій коварный секретъ. Смерть вѣдь, до такой степени страшна, до такой степени безсмысленна, что ради спасенья отъ нея въ какое угодно возрожденіе увѣруешь, лишь бы только забыться. Передъ смертью князь Андрей хотѣлъ было ухватиться за любовь, но какъ всегда, даже передъ смертью слишкомъ усталъ для того, чтобы спастись. Онъ смотритъ на склонившуюся надъ нимъ Наташу, вокругъ бредъ, призраки, тошнота, агонія, неизбѣжность, хочется плакать, хочется хоть разъ въ жизни на кого нибудь помолиться, хочется забыть ложъ, забыть болѣзнь. „Наташа, я слишкомъ люблю васъ, больше всего на свѣтѣ!“—кричитъ князь Андрей, корчась въ предсмертыхъ мукахъ. А эта пустоголовая дѣвочка, какъ бы забавляясь, коварно спрашиваетъ: „*Отчего же слишкомъ?*“... Ей это и чуждо, да и непонятно вовсе. Ей непонятно, что человѣкъ изъ силъ выбивается, чтобы изобрѣсти единственную и спасительную ложь для того лишь, чтобы умереть спокойно!.. Она не знаетъ, что значитъ пришедшая передъ смертью любовь, она нисколько не виновата въ томъ, что князю Андрею вздумалось сдѣлать изъ нея предметъ такой отчаянной, такой безрадостной любви, ей нѣтъ дѣла до того, что онъ погибнетъ, если не увѣруетъ въ эту любовь,—и она спрашиваетъ, со всей ей свойственною наивностью: „Отчего же слишкомъ?“... Неудивительно, что князя Андрея послѣ такого вопроса слегка покоробило. Ему тогда понятно стало, что „все это только мысли. Что то недоставало въ нихъ,—замѣчаетъ Толстой—

„что то было односторонне—личное, умственное, было то же безпокойство и неясность"!... Князь Андрей умеръ такъ же безсмысленно и ненужно, какъ и жилъ, а изъ предсмертнаго, наскоро состряпаннаго возрожденія, ничего не вышло. Для Толстого, когда онъ создавалъ князя Андрея,—это было не такъ важно. Онъ еще не задумывался надъ своими созданіями, онъ отдавался всецѣло искусству, и былъ спокоенъ. Катастрофа была впереди.

Искусство подобно жизни. Жизнь создаетъ формы, рождаетъ, умерщвляетъ ихъ, жизнь создаетъ невыразимо тяжелыя драмы, убиваетъ надежды, оскорбляетъ, насилуетъ души, а вокругъ, куда не обернешься—тоска, уныніе и страхъ, и никто не знаетъ, зачѣмъ все это и къ чему, и никто не сознаетъ жгучей очевидности, что неизвѣстно и непонятно до сихъ поръ, что такое жизнь, что такое люди, что такое смерть, неизвѣстно и ужасно своею неизвѣстностью, и какъ бы люди ни бились, ни лѣзли изъ кожи, какъ бы ни старались понять,—все равно понять нельзя ничего, *даже того простого факта: что такое жизнь, нельзя понять, сколько бы объясненій ни предлагали!* Все относительно, одному кажется такъ, другому иначе, одному кажется, что земля прекрасна, другой ее проклинаетъ, одному кажется, что съ его смертью умираетъ міръ, другой вѣритъ, что жизнь безконечна, но въ сущности, ни одинъ, ни другой не правы, или вѣрнѣе—правы только *относительно*, а на самомъ дѣлѣ истина вѣдь никому неизвѣстна и никому не дана! Искусство на то и дано, чтобы отражать всѣ эти относительныя истины и выдумывать истину тамъ, гдѣ ея нѣтъ и не можетъ быть, или же на мѣсто ея ставить ложь. Такъ дѣлаютъ многіе художники, такъ дѣлалъ долгое время и Толстой. *У него долгое время поворачивалась рука для того, чтобы украшать, воспроизводить и описывать жизнь, которая не есть истина, а есть ложь.* Весь ужасъ этой работы не скоро былъ понятъ имъ. Но пока были силы, пока неоскудѣвалъ жизненный источникъ, покуда смерть

была далеко,—Толстой писалъ, и это доставляло ему удовольствіе...

Другое созданіе Толстого—Пьеръ Безуховъ, недалеко зашелъ отъ Болконскаго. Самъ онъ собою представляетъ какую-то сгущенную, безформенную массу жизненной энергіи, которая такъ и пышетъ отъ него, такъ и обдаетъ жаромъ, онъ—куча жирной, весенней земли, въ немъ мощь, сила, клокотанье животныхъ инстинктовъ и медвѣжья неуклюжесть, и застѣнчивость, и вспышки вулканическаго огня, дѣлающія его похожимъ на разъяреннаго быка,—все это ферменты того состоянія, въ которомъ находился самъ Толстой въ 60-хъ годахъ, отраженія его личности, его мощи, его крѣпости! Ужъ не можетъ быть никого здоровѣе Пьера и жизненнѣе и счастливѣе, онъ милліонеръ, у него есть возможность развернуться во всю, проявить себя, сдѣлать въ жизни что-нибудь необычное, сверхъестественное, но несмотря на все это, его точитъ все тотъ же, знакомый Толстому издавна,—неумолимый червь! Онъ вѣчно неудовлетворенъ, вѣчно мучается, бываютъ дни, когда его безпомощность дѣлаетъ его слабымъ, ноющимъ ребенкомъ, у котораго отняли всякую волю! Онъ вѣчно жалуется и самому себѣ и другимъ, а если не жалуется, то находится въ состояніи апатической, сонливой скуки и ведетъ животную жизнь. Его—безобразнаго медвѣдя съ геркулесовыми мускулами, сразилъ и оглушилъ все тотъ же неумирающій голосъ ненужности всей этой жизни, которая похожа на мертвый сонъ и которую ведутъ всѣ, не сознавая, что своими же руками создаютъ себѣ гибель! Онъ, какъ и Болконскій, стремился заглушить всѣми способами эту вопіющую ненужность, но ни масонство, которое оказалось блестящею мишурой, театральною аффектаціей, ни возня съ крестьянами, которые всячески его надували и водили за носъ,—ничто не смогло ее заглушить, и всегда, вездѣ Пьеръ только и видѣлъ эту страшную, непобѣдимую ее... Создавая Пьера, Толстой безсознательно вкладывалъ въ эту форму свою душу, свои переживанія, свое недоумѣніе, но, не обращая

на это вниманія, пропускалъ мимо себя тотъ ужасъ, ту пустоту, что постепенно открывалась въ Пьеровой душѣ. Такъ дѣлали всѣ писатели, для которыхъ искусство было источникомъ жизни, такъ поступалъ и Толстой! Но каково было сносить эту неумолимую судьбу Пьеру, чья натура была, въ сущности, чистой, прямой, открытой, жаждущей правды, ищущей почвы? Что было дѣлать ему—такому большому и такому несчастному и уничтоженному, передъ волей Рока? Какъ, чѣмъ, могъ онъ спасти свою, отравленную безпрерывною пыткою, жизнь, что долженъ былъ сдѣлать онъ, требующій разрѣшенія того, что неразрѣшимо и что многіе, поумнѣе и предпріимчивѣе его—не сумѣли разрѣшить? Сколько богатства было и въ немъ самомъ и въ его рукахъ, сколько запаса молодыхъ силъ и возможностей, и несмотря на все это,—жизнь была мертва, смерть была всесильна, гибель была неизбѣжна! Казалось бы, это могло случиться такъ, случайно, вѣдь бываютъ же въ романахъ всякіе люди, но къ несчастью, – типовъ, подобныхъ Пьеру,—у Толстого множество, изъ нихъ то и состоитъ та жизнь, которую онъ творилъ. Вѣдь должно было это броситься въ глаза самому Толстому, должно же было его заставить надъ этимъ призадуматься!

Пьеръ, *по волѣ Толстого*, въ сущности—мученикъ. Ему ничто не удается, вездѣ онъ лишній, всѣ надъ нимъ смѣются, избѣгаютъ его или игнорируютъ, ему остается только одному рѣшать въ душѣ своей вѣчные, страшные вопросы, отъ которыхъ нѣтъ нигдѣ успокоенія! И здоровая, цѣльная натура Пьера не выдержала подъ напоромъ этихъ гнетущихъ вопросовъ, она дала трещину, и вотъ—странное явленіе—въ его умѣ, *подъ вліяніемъ Толстого и не безъ его участья,* рождаются такія мысли: „Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о томъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ прикрытіи, когда имъ дѣлать нечего, старательно изыскивали себѣ занятіе, для того, чтобы легче переносить опасность. *И Пьеру всѣ люди представлялись такими солдатами, спасающимися отъ жизни:*

кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ законовъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣтъ ни ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ нея какъ умѣю!“ думалъ Пьеръ.—Только бы не видать ее, эту страшную ее!“ *).

Всѣ дѣйствующія лица въ романахъ Толстого занимались этимъ пріисканіемъ формъ спасенья, кто какъ умѣлъ и могъ, и это занятіе спасало всѣхъ, и въ этомъ заключалась вся жизнь. Самъ Пьеръ выбралъ изъ этихъ средствъ вино. „Только выпивъ бутылку вина, онъ смутно сознавалъ, что тотъ запутанный, страшный узелъ жизни, который ужасалъ его прежде, не такъ страшенъ, какъ ему казалось. Съ шумомъ въ головѣ, болтая, слушая разговоры, или читая послѣ обѣда и ужина, онъ безпрестанно видѣлъ этотъ узелъ, какою нибудь стороной его. *Но только подъ вліяніемъ вина онъ говорилъ себѣ „Это ничего. Это я распутаю—вотъ у меня и готово объясненіе.* Но теперь некогда,—я послѣ обдумаю все это“. Но это *послѣ* никогда не приходило“...

Можетъ –быть, онъ былъ и правъ. Ибо несчастнымъ является тотъ человѣкъ, который въ простотѣ душевной берется распутывать этотъ узелъ. Тогда ужъ онъ никакими силами не освободится отъ этого Сизифова труда: онъ вѣчно будетъ распутывать, крича, надрываясь, истекая кровью, теряя послѣднія силы, и такое напутаетъ, до того дойдетъ, что рано или поздно,—пойметъ, что не сдобровать ему въ виду всего этого, что лучше было бы, въ тысячу разъ лучше, еслибы онъ не брался вовсе распутывать этотъ проклятый узелъ! Толстой потомъ и самъ понялъ, что не надо, безполезно распутывать, а лучше убѣжать поскорѣе отъ искушенія, пока не поздно, но въ то время онъ изо всѣхъ силъ гналъ своихъ героевъ по этому пути, пока не понялъ, что этотъ путь ведетъ къ безднѣ... Въ то время онъ еще любилъ искусство,..

*) Курсивъ мой А. З.

Вотъ передъ нами Константинъ Левинъ—созданіе наиболѣе близкое Толстому, въ которомъ онъ самъ проявился больше всего. Посмотримъ, къ чему пришелъ Левинъ, взявшись за распутыванье проклятаго узла, и, тогда увидимъ, къ чему пришелъ и самъ Толстой.

Жизнь Левина была тою же мукой, какою была жизнь и Болконскаго, и Безухова. Что то мощное, крѣпкое зрѣло въ его душѣ все время, а снизу подымалось то же упорное, мрачное недовѣріе ко всему и ко всѣмъ, что и у другихъ, его мучила постоянная сила рефлексіи, его мучила та почти физическая боль, что происходила въ немъ вслѣдствіе этой рефлексіи,—и онъ самъ боролся съ собой, чтобы не обречь себя на гибель. Средства, при помощи которыхъ Левинъ пытался позабыть *ее*, страшную, неизбѣжную, неизлечимую *ее*,—были почти тѣ же, что и у Болконскаго и у Пьера. Онъ ушелъ въ природу, въ глушь, къ мужикамъ, сталъ косить, разговаривать съ ними, поддѣлываться подъ ихъ развитіе до тѣхъ поръ, пока они ему смертельно не надоѣли, тогда онъ сталъ добиваться любви Кити, которая по развитію, да и по другимъ качествамъ не отличалась ничѣмъ отъ Наташи и была пустенькою, нарядною и хорошенькою мѣщаночкой! Ему казалось, что любовь поможетъ развязать узелъ, что она спасетъ отъ тоски, но на дѣлѣ вышло иначе: такъ называемое „семейное счастье“ могло вызвать своими пошлыми, ужасными, кошмарными формами еще не такую вещь, какъ „Крейцерова Соната“, но похуже ея, оно не только не спасло, оно еще больше все запутало, а выхода—того выхода, который нуженъ, безъ котораго нельзя жить, который нуженъ сейчасъ,—не было! Въ то время, когда расцвѣтало его „семейное счастье“,—трагедія Левина принимала все болѣе и болѣе угрожающія формы, а гдѣ была въ то время его жена, его возлюбленная Кити, изъ за которой онъ сходилъ съ ума, о любви которой мечталъ, какъ о спасеніи!? Кити преспокойно варила варенье и съ мамашей занималась городскими сплетнями!

Въ то время, когда Левинъ въ душѣ рѣшаетъ быть міру, или нѣтъ, и умоляетъ мысленно жену проникнуть въ его сердце, придти на помощь,—Кити такимъ возгласомъ нарушаетъ это философическое безмолвіе: „Вотъ, что Костя! Пойди и посмотри, поставили ли новый умывальникъ?“.... Счастье Левина, что онъ не открылъ передъ ней тогда своей души, она навѣрное широко раскрыла бы глаза и неизбѣжно повторила бы Наташинъ вопросъ: „Отчего же такъ слишкомъ?“... Нѣтъ ничего удивительнаго въ послѣдующихъ взглядахъ Толстого на женщину, какъ на машину, только предназначенную для дѣторожденія, когда онъ отводитъ ей роль коровы въ жизни въ своихъ брошюркахъ, этотъ взглядъ, повидимому, естественно вытекаетъ изъ предыдущаго!..

И бѣдный Левинъ сталъ въ одиночествѣ искать отвѣта на свои вопросы. „Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь, нельзя жить. А знать я это не могу,—слѣдовательно нельзя жить“—говорилъ себѣ Левинъ. И эта мука была до того остра, до того мучительна, что привела Левина къ мысли о самоубійствѣ. И Толстой говоритъ: „Счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ близокъ такъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться!“...

Но Левинъ не застрѣлился, не погибъ, а остался жить, его спасло отъ гибели добро. Левинъ понялъ, что все равно, какъ бы уменъ человѣкъ ни былъ, а разрѣшить тѣ вопросы, которые его терзаютъ, онъ не въ силахъ, спастись отъ гибели также не въ силахъ. Поэтому нужно жить для Бога, вѣрить въ добро. Пусть говорятъ, что это есть рѣшеніе, выходъ, я буду утверждать, что это и не рѣшеніе и не выходъ, и не спасенье даже, а крайняя точка отчаянья, то состояніе человѣка, когда ему становится страшно, когда уйти некуда, когда оборвались всѣ силы, погибли всѣ надежды, когда чаша отравы переполнилась до краевъ! Что оставалось дѣлать Константину Левину,

если у него внутренній червь изгрызъ всю душу, если ясно стало, до ужаса ясно, что все безнадежно, что все безполезно, что вокругъ дѣлается что то до такой степени безобразное и безсмысленное, что для того, чтобы забыть все это,—нужно превоплотиться въ мужика, стать первобытнымъ человѣкомъ, уничтожить въ себѣ всѣ культурные запросы, ограничить себя до тупоумія, въ глубину души бросить тяжелый камень проклятья? Ясно стало, что все, что отъ жизни—и окружающіе, и жена, и залогъ семейнаго счастья,—то, что отъ нея родилось—гадкое, склизкое, кричащее, уродливое существо, противно и пошло до умопомраченія. Ясно стало „что и эту лошадь, и ее закопаютъ, и Ѳедора подавальщика съ его курчавой бородой и прорванной на бѣломъ плечѣ рубахой, закопаютъ. А онъ разрываетъ снопы и что то командуетъ, и кричитъ на бабъ, и быстрымъ движеніемъ поправляетъ ремень на колесѣ. И главное—не только ихъ, но меня закопаютъ, и ничего не останется. Къ чему?“... Теперь уже Толстой не можетъ оставаться безстрастнымъ къ тому, что создалъ, теперь онъ уже видитъ, что его искусство—даръ Аполлона,—что то напутало, что то родило ужъ слишкомъ изъ рукъ вонъ выходящее, онъ не только жалѣетъ Левина, онъ чутко прислушивается къ его словамъ, и въ своей „Исповѣди“, идетъ еще дальше Левина, когда говоритъ: „Истина была то, что жизнь есть безсмыслица. Я будто жилъ, жилъ, шелъ-шелъ, и пришелъ къ пропасти, и впереди меня ничего не было, кромѣ исчезновенія. И остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видѣть, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти—полнаго уничтоженія. *И въ такомъ положеніи я пришелъ къ тому, что не могъ жить и, боясь смерти, долженъ былъ употреблять хитрости противъ себя, чтобы не лишить себя жизни* *). Я не могъ придать разумнаго смысла ни одному поступку во всей моей жизни. Меня удивляло

*) Курсивъ мой А. З.

только то, какъ могъ я не понимать этого въ самомъ началѣ. Все это такъ давно мнѣ извѣстно. Не нынче, завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся—раньше, позднѣе, да меня то не будетъ. Такъ изъ-за чего же хлопотать? Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить—вотъ что удивительно. Можно жить, покуда пьянъ жизнью, а какъ протрезвился, то нельзя не видѣть, что все это только обманъ и глупый обманъ. Вѣрно только одно, что въ этомъ даже нѣтъ ничего смѣшного и остроумнаго, а все просто жестоко и глупо".

Итакъ, пусть торжествуетъ добро. И не потому даже. Левинъ въ глубинѣ глубинъ это хорошо знаетъ,—что въ немъ истина, а потому, что идти некуда, что заблудился, что нѣтъ почвы, а жить хочется, да еще какъ хочется, поэтому—пусть будетъ добро, оно спасетъ! Подъ крылышкомъ добра какъ то жить уютнѣе, безопаснѣе, есть ли какая-нибудь забота, образовался ли какой провалъ въ душѣ, пришла ли тоска, уныніе, ужасъ,—можно обратиться къ добру и сказать: „выручай!",—оно и выручитъ! Счастливъ человѣкъ, который можетъ такъ устроиться въ жизни: и удобно, и пріятно, и волки сыты и овцы цѣлы, а если придетъ иногда сознаніе, что все это можетъ-быть, есть не что иное, какъ хитрость, *какъ простая полезность, необходимая для поддержанія жизни*,—то опять таки, то же добро и изъ этой бѣды выручитъ.

Отчего бы Константину Левину не понять, что если ничего не осталось, кромѣ гибели, то нужно ее и *принять*,—эту гибель, полюбить ее, слиться съ нею, найти въ ней то, что не каждому дано—сладость жертвы. Отчего бы ему не понять, что и въ тоскѣ есть своя прелесть, что и въ умираніи есть своя поэзія! Но не тутъ то было—Константинъ Левинъ безъ категорическаго императива прожить не въ силахъ, ему нуженъ покой!

Повѣсть Толстого „Хозяинъ и Работникъ",—это какъ бы яркая символизація идеи добра. Ѣдутъ двое людей, со-

вершенно чуждыхъ другъ другу, равнодушныхъ другъ къ другу—въ зимнюю ночь, и вотъ ихъ настигаетъ метель. Метель заноситъ ихъ обоихъ—и въ одинокомъ безлюдіи рождается гибель и накрываетъ ихъ своей тяжелой лапой, и оба они понимаютъ теперь, что уйти отъ гибели некуда, что оба они обречены на смерть, и хозяину становится страшно, страшно до невыносимой, жгучей боли, онъ сознаетъ, что погибнетъ,—и эта одна мысль внушаетъ ему инстинктивный, трусливый страхъ, *а подъ вліяніемъ страха приходитъ любовь къ другому человѣку,* и и онъ его спасаетъ, погибая самъ! Замѣчательно, какимъ путемъ приходятъ герои Толстого къ этой братской любви: послѣдняя почти всегда является результатомъ страха, гибели, пораженія. Да оно и понятно: когда человѣкъ самъ очутился надъ бездной, когда ему ничего не остается, какъ полетѣть туда раньше или позже, когда у него все отнято,—тогда и полюбить другого можно, и пожертвовать ради него жизнью тоже можно, теперь вѣдь все равно! *). Нѣтъ ничего благодѣтельнѣе страданія, оно научаетъ любить другихъ, можетъ быть, любить ради своей же пользы, добро всегда полезно, это ужъ такъ, но пусть будетъ хоть эта форма лжи намъ не въ тягость, пусть хоть она облегчитъ намъ нашъ жизненный путь!

Что въ жизни осталось для жаждущихъ спасенья, кромѣ добра? Что можетъ дать человѣку выгодное спасенье (а человѣкъ прежде всего жаждетъ выгодной гибели и выгоднаго спасенья), кромѣ добра? Куда ни пойди—вездѣ ужасъ, всюду тысячи жертвъ, всюду усталость, всюду слезы,—а человѣкъ стоитъ въ центрѣ этого, и ничѣмъ не можетъ помочь, ничѣмъ, кромѣ добра!

Но что ему придется сдѣлать, если тотъ погибающій братъ, котораго онъ намѣревается спасти,—не пожелаетъ принять добра? Что, если послѣднее покажется ему поцѣлуемъ Іуды, жалкою милостынею, пошлой подачкой?

---

*) Послѣ страха, охватившаго его въ лѣсу, Левинъ говоритъ женѣ, что уже не чувствуетъ отвращенья къ своему ребенку: *„Нынче, послѣ этого страха во время грозы,—говоритъ онъ,—я понялъ, какъ я люблю его!“*.

Что, если онъ потребуетъ, вмѣсто добра—всю человѣческую душу, и это покажется ему еще слишкомъ ничтожнымъ, *что*, если онъ возьметъ любовь, возьметъ жертву, возьметъ муку, и *это* окажется безсильнымъ? Что тогда? Что тогда придется сдѣлать, какъ поступить одному и другому? Но объ этомъ Толстой не думаетъ, ему важно то, что спасенье найдено!

Спасенье для самого себя!

II.

Силу величайшаго подвига, образъ величайшаго смиренія явилъ намъ своею жизнью Левъ Толстой. Среди того ада пресыщенности и лжи, среди того хаоса больныхъ сновъ и обмановъ, которые символизируютъ нашу современность, его образъ—кристально свѣтлый, величественный, яркій, можетъ быть, единственное, чѣмъ можно жить, единственное, что стоитъ надъ жизнью, единственное, что водворяетъ молитву въ усталой душѣ! Были писатели, имя которымъ легіонъ, они были талантливы, геніальны, они своимъ искусствомъ трогали наши сердца, они свѣтили намъ, озаряли жизнь, учили, проповѣдывали, но никто изъ нихъ, *никто* не отважился на что нибудь такое, что сдѣлало бы больше для жизни, чѣмъ все ихъ искусство, никто изъ нихъ не рѣшился на подвигъ, на безуміе, на жертву, т. е. на то главное, важное, нужное, чего такъ жаждетъ, чего требуетъ, о чемъ молится паша изстрадавшаяся во лжи земля! Толстой былъ единственнымъ не только у насъ, но во всемъ мірѣ, который пошелъ противъ теченія, противъ лжи, утверждающей, что искусство само по себѣ, а жизнь сама по себѣ, и что между ними—пропасть. Онъ—единственный, кто понялъ величайшую истину, что искусство сплетено изъ красивыхъ словъ, что ему приносится въ жертву то, что выше всякаго искусства—человѣческая жизнь, онъ показалъ всему міру примѣръ, какъ долженъ поступать истинный художникъ, не желающій обманываться мертвыми словами, ложь которыхъ

такъ ужасна, такъ тяжела, такъ непростительна! Онъ—единственный, кто проклялъ всякіе обманы и величайшій изъ нихъ—искусство—во имя жизни, во имя страданій, во имя любви! Онъ единственный, чья жизнь была религіей, чьи слова были простыя, ясныя, убивающія ложь, чьи мысли и желанія были направлены съ мукой къ тому, чтобы хоть на клочкѣ земли, на милліардной частицѣ вселенной преобразить, измѣнить, разрушить ту жизнь, которая не должна быть, ту жизнь, которая хуже всякой смерти, ту жизнь, которая не жизнь, а стоячее болото, въ которомъ все—гниль, все—мерзость, все—зловоніе! Какъ мудрый богъ, какъ грозный властелинъ, какъ священный жрецъ, онъ возсталъ изъ праха и бросилъ міру пылающій кличъ: „преобразись!“. Съ самоотверженіемъ, которому нѣтъ цѣны, съ любовью, которая сама говоритъ за него, онъ взялъ на себя тяжелый крестъ только во имя того, чтобы измѣнилась жизнь, чтобы погибла, чтобы разрушилась ея видимость, чтобы въ страданьи трудномъ, въ смиреніи тяжкомъ родилась новая земля, и чтобы стала она такой свѣтлой, простой и радостной, какой была его душа! Толстой вошелъ въ жизнь и самъ сталъ жизнью, онъ хотѣлъ освятить ее своей любовью, своей вѣрой, онъ хотѣлъ ее спасти, чтобы самому спастись;—кто пойметъ, что таится въ этомъ, тотъ пойметъ, что названіе—*единственный*, какъ нельзя лучше примѣнимо къ Толстому, и только къ нему одному! Въ чемъ же увидѣлъ это спасенье Толстой, что нашелъ онъ въ своихъ исканіяхъ въ этомъ направленіи, кто былъ онъ самъ предъ лицомъ всего міра и какова была его вѣра? Кто задумывался надъ тѣмъ, какое спасенье придумалъ міру Толстой, тому станетъ, пожалуй, страшно! Много жестокаго въ этомъ спасеніи, много такого, чего боятся маленькія душонки, населяющія землю!

Гибель—вотъ, въ чемъ спасенье! Гибель существующаго цивилизованнаго міра, гибель міра усталаго, пресыщеннаго, развращеннаго, ужаснаго! Въ томъ, что люди зовутъ цивилизаціей таится ложь, потому что цивилизація

эта пахнетъ мертвечиной, потому что въ ней нѣтъ правды, нѣтъ спокойной совѣсти, нѣтъ счастья, потому что вся она построена на ненависти, на взаимоистребленіи, на насильяхъ, на людской крови, на жертвахъ, на трупахъ, на позорѣ! Кто мучится міромъ, кто носитъ его въ себѣ, кто каждый день, каждую ночь распинаетъ себя безсильнымъ вопросомъ: „во имя чего все? зачѣмъ все? какой имѣетъ смыслъ?“,—тому станетъ понятно, что гибель всего, гибель всѣхъ формъ, гибель всѣхъ ухищреній, ложныхъ ухищреній жизни, есть неизбѣжный выводъ изъ всѣхъ его мукъ! Кто носитъ крестъ, въ комъ душа превратилась въ рану, у кого нѣтъ ни минуты покоя, чей покой отравила совѣсть,—тотъ пойметъ, что нельзя жить, стыдно и преступно жить въ этомъ мірѣ, страшномъ, безсмысленномъ, ложномъ, что нужно умереть во имя его преображенія, что нужно принести во имя его воскресенья всю душу, всю жизнь, весь даръ духовный,—пусть хоть это явится спасеньемъ! Толстой это понялъ. Но такъ какъ онъ былъ слишкомъ глубокъ для того, чтобы *только* понять, онъ задумалъ безуміе, задумалъ величайшій подвигъ. Онъ задумалъ разрушить, сжечь, уничтожить существующій міръ въ своемъ сердцѣ, въ томъ пожарѣ, которымъ оно было охвачено, разрушить до конца, разрушить для себя, по своей волѣ, разрушить во имя своего спасенія! Чѣмъ больше онъ страдалъ, чѣмъ больше муки приносила ему его творческая эволюція, чѣмъ глубже погружался онъ въ глубину душевную,—тѣмъ больше и крѣпче проявлялась въ немъ его индивидуальность, его воля, его геній, а въ душѣ, тамъ, гдѣ никто ничего не видитъ, онъ сознавалъ, что власть его безмѣрна! И чѣмъ больше онъ унижался, чѣмъ сильнѣе предавался смиренію, тѣмъ выпуклѣе, ярче становилась его личность, тѣмъ пламеннѣе зажигалась въ немъ его воля! Онъ былъ величайшимъ индивидуалистомъ своего времени, онъ гордился этимъ и зналъ это, онъ сосредоточилъ на себѣ взгляды всего міра, развѣ это одно не служитъ явнымъ доказательствомъ его антропоцент-

ризма? Еще въ отрочествѣ эта черта проявилась въ немъ ярко и заставила его самого призадуматься надъ этимъ! Въ слѣдующихъ словахъ Толстого—ключъ къ разгадкѣ его дѣятельности, къ выясненію его личности „Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы—не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ. Были минуты, когда я подъ вліяніемъ этой постоянной идеи доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту тамъ, гдѣ меня не было!"...

Эта воля Толстого, этотъ индивидуализмъ всегда и во всемъ, способствовалъ тому, что онъ бралъ жизнь и творилъ изъ нея то, что было ему нужно! Жизнь—думалъ онъ—должна ему подчиниться, стать такой, какой онъ хочетъ, иначе—пусть погибнетъ! До конца Толстой былъ послѣдователенъ въ этой теоріи, до конца онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что жизнь міра заключается въ его рукахъ!

Каждый шагъ на жизненномъ пути помогалъ ему сознавать, что то, что дѣлается вокругъ него, чѣмъ живутъ люди, во имя чего рождаются и гибнутъ,—безсмысленно и достойно уничтоженія! Онъ видѣлъ эту безсмысленность, этотъ обманъ всюду: въ искусствѣ, въ общественной жизни, въ наукѣ, въ религіи,—онъ проникалъ въ тѣ глубины, что образуютъ водоворотъ, что обрушиваютъ хаосъ на голову, что лишаютъ человѣка почвы! Онъ нашелъ въ этихъ глубинахъ то, что не каждому дано найти—величайшій, безпощадный ужасъ, животный страхъ смерти, слѣпое отчаянье! Всѣ формы дѣйствительности внушали ему одно лишь отвращенье, потому что не было въ нихъ никакого смысла, потому что они были ложью, хитро сплетенною людьми только во имя того, чтобы забыться! Не было такого укромнаго уголка, изобрѣтеннаго людьми, въ который бы онъ не проникъ

съ жаждой найти откликъ на свои внутреннія сомнѣнія, но ничто не удовлетворяло его, все было противно, противно, потому что было ложно! Въ немъ жилъ слишкомъ сильный душевный голодъ, чтобы могло его удовлетворить что нибудь изъ того маленькаго, ничтожнаго, что люди приготовляютъ для себя, какъ лекарство отъ болѣзни, называемой жизнь. Его индивидуальность была слишкомъ взощрена, его *я* слишкомъ усложнено мучительной, непрестанной пыткой и страданіями, его воля—слишкомъ требовательной, властной и жестокой! Онъ хотѣлъ сразу проникнуть во все, все обнять, все себѣ подчинить, все назвать своимъ! Для Толстого въ глубинѣ души—была одна мысль, что единственнымъ мѣриломъ всѣхъ вещей является онъ самъ... Какая трагедія должна была происходить въ немъ! Вѣдь съ такой геніальной одаренностью, съ такимъ глубокимъ, безпощаднымъ анализомъ человѣкъ не можетъ найти себѣ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ! Вѣдь съ каждой минутой все ближе подходитъ къ ногамъ обрушивающаяся бездна, вотъ, вотъ поглотитъ всего! Для того, кто созналъ, что все, чѣмъ люди живы и что они называютъ истиной, есть ложь,—для такого человѣка нѣтъ въ мірѣ покоя, онъ самый несчастный, самый жалкій, самый безпомощный человѣкъ, ему нужно для своего собственнаго утѣшенія или погибнуть, или выбрать другое, еще болѣе ужасное—остаться жить, но убить свою волю, свою индивидуальность, ограничить себя! Толстой пошелъ по второму пути, и кто знаетъ, что это былъ за путь! Можетъ быть, это былъ путь ужаса, весь тернистый путь, путь скорбный, путь, ведущій на Голгоѳу,—можетъ быть, это страданье было такъ велико, такъ безгранично, что ничто въ мірѣ не сможетъ съ нимъ сравниться?

Но вѣдь другого пути въ этомъ мірѣ и не можетъ быть!

Но не скоро Толстой пришелъ къ этому, на работу разрушенья уходили его лучшія силы, во имя этой работы онъ пожертвовалъ искусствомъ и другими привил-

легіями, позволяющими ему жить спокойно, припѣваючи, поэтому-то эта работа—внутренняя, подземная работа, которую мало кто замѣчалъ—и заслуживаетъ вниманія.

Въ нашей душѣ упрочился образъ Толстого послѣднихъ лѣтъ, образъ умнаго, ласковаго старца, окруженнаго лучистымъ сіяніемъ добра. Но вѣдь это Толстой успокоившійся, примирившійся и примиряющій все и всѣхъ. Мы забываемъ о томъ Толстомъ, который мучился въ исканіяхъ, который болѣлъ голодомъ душевнымъ, жизнь котораго была одна сплошная мука!... Неизвѣстно, который Толстой лучше и рѣшать не время, но въ этомъ періодѣ его жизни мы находимъ то, что намъ дороже всего, что составляетъ основу всего—безудержный, страстный протестъ, великое разрушеніе, великое проклятье и заглушаемый, скрываемый, хитро скрываемый передъ всѣми надрывъ страданья! Мы забываемъ, что сдѣлалъ Толстой въ этотъ періодъ своей жизни, какое безуміе, какой сверхчеловѣческій подвигъ свершилъ онъ тогда въ своемъ сердцѣ! Онъ взялъ въ свои руки весь ненавистный ему цивилизованный міръ и въ болѣзненномъ распятьи всѣхъ своихъ силъ, всѣхъ своихъ устремленій и мукъ, —отшвырнулъ его далеко отъ себя, а самъ остался одинъ, среди внезапно охватившаго его хаотическаго мрака! Все, все, что было въ мірѣ,—отвергъ и проклялъ Толстой, это истина, которая не особенно то придется по вкусу всякимъ „добрымъ“ и всякимъ „христіанамъ“ всѣхъ категорій. Не было такого общественнаго столпа, не было такого императива, не было такого кумира, противъ котораго не возстала бы душа этого единственнаго, этого великаго, кто первый жестоко и властно схватился съ жизнью въ адской, въ страшной, въ кровавой борьбѣ! Онъ былъ великимъ художникомъ, но та же внутренняя работа отрицанія заставила его возстать противъ искусства! Понялъ онъ, что искусство не въ состояніи хотя бы на іоту уменьшить страданій людскихъ, которыя ужасны, которыя непростительны, понялъ онъ, что искусство—это родъ духовнаго разврата, позволяющаго людямъ играть возвышенными чув-

ствами, но самимъ не принимать въ нихъ никакого участья, что искусство—это праздное занятіе людей, требующихъ опіума жизни, требующихъ обмана; понялъ онъ, что все, что въ искусствѣ,—выдуманно, неискренно, построено на лжи, и что само оно есть не что иное, какъ возвышенная ложь! Если не въ состояніи искусство измѣнить жизни, если пишутся прекрасныя произведенія въ то время, когда вокругъ мучаются, умираютъ, сходятъ съ ума люди, въ то время, когда сердце человѣка одиноко, одиноко до кроваваго ужаса,—то пусть оно погибнетъ, пусть уничтожится, оно не истина, оно—маска, оно—палліативъ, а не средство. Кѣмъ создается искусство, кто творцы его?—спрашивалъ Толстой. И онъ увидѣлъ, что творцы искусства—это люди двуликіе, маленькіе, тщедушные, это тѣ чернильныя душонки, которыя кромѣ чернильной грязи не могутъ уже ничего выжать изъ своего сердца, и когда писатель пишетъ: „я страдаю!"—онъ низко лжетъ, ему нуженъ грошъ, онъ продаетъ за грошъ красивыя слова, и когда писатель играетъ возвышенными чувствами въ книжкѣ, то это ужасно, ибо въ этомъ двойной обманъ, двойная ложь, въ этомъ есть что то постыдное, грязное, нечестное! Нѣтъ ничего пошлѣе человѣка-писателя. Писатель—это жалкій комедіантъ, играющій съ жизнью въ прятки, это—чернильная гниль, убоявшаяся жизни и ухватившаяся за искусственныя надстройки, которыя все равно—рано или поздно рухнутъ! Писатель—это самый безсильный, самый исковерканный, самый погибшій человѣкъ, онъ отказался отъ жизни во имя обмана! Если бы писатель могъ быть священнодѣйствующимъ, если бы его искусство было дѣйствительно религіей, если бы его совѣсть могла быть чистой,—Толстой не убоялся бы быть художникомъ! Но онъ видѣлъ на томъ мѣстѣ, которое должно быть священнымъ,—великую мерзость запустѣнія, но онъ видѣлъ, что тѣ, что пишутъ такія красивыя, такія возвышенныя книги,—не что иное, какъ жалкія созданія, и не только не выше простыхъ смертныхъ, но даже въ тысячу разъ гаже, подлѣе и пошлѣе послѣднихъ! Онъ понялъ,

что это „люди ничтожные по характерамъ, много ниже тѣхъ людей, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своей прежней разгульной военной жизни, но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны святые, или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость". И тогда онъ сказалъ: „Люди мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ!". (Исповѣдь). Тогда ясно стало ему, что такое искусство, искусство, построенное на тысячѣ жертвъ, тысячѣ голодныхъ, тысячѣ несчастныхъ, безсильно, и что самъ онъ съ этимъ искусствомъ безсильнѣе всѣхъ! Ту жизнь, жизнь—болото, жизнь—ужасъ, жизнь—кровавый вопль надорвавшихся въ безсильи жертвъ,—искусство ни измѣнить, ни освятить не можетъ, ибо нѣтъ въ немъ никакой святости, ибо оно построено на лжи! И вотъ, Толстой, величайшій геній міра, художникъ удивительный, еще до сихъ поръ неоцѣненный по достоинству, единственный по простотѣ и яркости импрессіонистъ,—стремится къ тому, чтобы заглушить въ себѣ даръ Аполлона, чтобы вырвать съ корнемъ обманъ изъ своего сердца! И какая заглушаемая печаль уже слышится въ письмѣ Толстого къ Страхову отъ 1877 г., когда онъ говоритъ: „Пожалуйста, не утѣшайте меня и въ особенности тѣмъ, что я—писатель. Этимъ я уже давно и лучше васъ себя утѣшаю, но это не беретъ и только внемлетъ моимъ жалобамъ, и это ужъ меня не утѣшаетъ!"... Толстой отбросилъ искусство, какъ отбрасывалъ все въ жизни, не имѣющее прямого отношенія и примѣненія къ оправданію смысла жизни, къ прагматическому міропониманію! Его принципъ тогда былъ — разрушать!—онъ не видѣлъ ничего въ жизни, заслуживающаго цѣны, онъ стремился всей волею къ тому, чтобы разрушить даже самоё жизнь, какъ таковую! „Мнѣ было ясно,—пишетъ онъ въ „Исповѣди",—что искусство есть украшеніе жизни, заманка къ жизни. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, какъ же я могу заманивать другихъ?"... А въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Фету, Толстой открыто признается, во всеуслышаніе,

разомъ разрушая всякое очарованіе той дѣятельности, къ которой онъ, казалось, былъ призванъ: *„Искусство есть ложь, а я уже не могу любить прекрасную ложь!“*. (Письмо къ Фету отъ 1860 г.).

Живя въ то время, когда матеріалистическое міровоззрѣніе было господствующимъ, когда надъ общественною мыслью царили Стюартъ Милль и Огюстъ Контъ, когда вѣра въ прогрессъ была отвѣтомъ на всѣ волнующіе вопросы,—Толстой былъ однимъ, кто не увидѣлъ ни въ идеѣ прогресса, ни въ построеніяхъ науки того, чего искалъ, что могло бы оправдать ужасъ, что могло бы исцѣлить отъ тоски. Теоретическая эквилибристика людей науки и торжествующаго разума была ему органически противна, въ ней было нѣчто отъ того искусства для искусства, которое являлось величайшею ложью жизни. Онъ понялъ, что отношеніе науки къ вопросу жизни „можетъ быть выражено такъ. Вопросъ: Зачѣмъ я живу? Отвѣтъ: въ безконечно большомъ пространствѣ, въ безконечное время, безконечно малыя частицы видоизмѣняются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь!“. Онъ подходилъ къ вѣрующимъ въ идею прогресса, къ тѣмъ, что написали кирпичи объ эволюціонной теоріи и самодовольно сидятъ на нихъ въ полной увѣренности, что знаютъ что то важное. Эти на вопросъ, зачѣмъ жить, отвѣчали: чтобы вѣрить въ прогрессъ! Но вѣрить въ прогрессъ это значило, по словамъ Толстого, нестись по теченію въ лодкѣ съ сознаніемъ, что насъ *куда то* несетъ. И пришла минута, когда и эта вѣра пошатнулась отъ вмѣшательства жизни. „Въ бытность мою въ Парижѣ,—говоритъ Толстой,—видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидѣлъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы

то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это ненужно, что дурно, и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ!"... Другимъ толчкомъ, пошатнувшимъ въ Толстомъ идею прогресса, явилась смерть его брата. „Умный, добрый, серьезный человѣкъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ умираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія!"... Толстой раньше, чѣмъ Нитцше понялъ безсилье и ничтожество науки, какъ теоретической эквилибристики, только затушевывающей, а не разъясняющей проблему бытія. Толстой раньше, нежели Нитцше, отбросилъ съ своего пути науку и разрушилъ суевѣріе людей науки для самого себя. Такъ онъ поступилъ не только съ наукой, онъ поступилъ такъ со всѣми цѣнностями, которыми живетъ, которыми гордится міръ! Утонченность и комфортъ человѣческихъ жилищъ, чудеса техники, медицину, все, что создала человѣческая мысль,— все онъ отшвырнулъ съ своего пути, какъ ненужное, какъ жалкое, какъ ужасное и мѣшающее жить зло! Не было для него ничего, чего бы онъ не попробовалъ поколебать, его творческая энергія была направлена къ тому, чтобы не оставить ничего на всемъ земномъ шарѣ! Если станетъ понятна причина, зачѣмъ онъ все это дѣлалъ, станетъ также понятно, что эта работа разрушенія была только телеологическимъ выводомъ изъ сознанія этой причины. А причина заключалась въ томъ, что Толстой искалъ на землѣ истину, искалъ Бога и нигдѣ не могъ его найти! Кто ищетъ всего этого въ жизни, тотъ безсознательно производитъ надъ душой своей инквизиторскую пытку. Онъ изощряетъ всѣ чувства свои, всю волю, все существо свое посредствомъ страданья до такой измученности, до такого отчаянья, до такой ужасающей глубины, которая становится бездонной, и вотъ эта то бездонная

глубина души является для человѣка источникомъ безконечныхъ бѣдъ. Она обрекаетъ его на вѣчную тоску, она мучаетъ его безпощадно, и нѣтъ ни одного мѣста въ его существѣ, которое не было бы исковеркано, истерзано, извращено,—и вся жизнь—одно распятье, вся жизнь—одинъ сплошной вулканъ, извергающій безпрерывно изъ души послѣднее пламя, то, которое уже ничего не зажжетъ, измученное, рыдающее, послѣднее пламя! И нѣтъ въ мірѣ ничего, что могло бы заполнить эту глубину, пусть говорятъ, что хотятъ, пусть доказываютъ, какъ могутъ, но его нѣтъ, нѣтъ и не будетъ, и душа, познавшая глубину,—неизбѣжно осуждена на гибель! Какую роль сыграла въ жизни Толстого эта глубина, этотъ великій надрывъ страданья, мы уже видѣли! Она не дала ему покоя, она отравила его жизнь сознаніемъ гибели, эта гибель висѣла надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, эта гибель была вездѣ и во всемъ! Тоска была оттого, что геніальная углубленность души поколебала всѣ основы міра,—и міръ умеръ. Не было въ мірѣ такого закона, противъ котораго не пошелъ бы Толстой во всеоружіи своего безпощаднаго анализа, въ „Крейцеровой Сонатѣ“ свершилось нѣчто сверхъестественное,—здѣсь былъ поколебленъ величайшій законъ жизни, дальше уже не было возможности идти! На какой опасный путь толкнулъ Толстого его геній, онъ долгое время самъ не зналъ, онъ понялъ это гораздо позже, понялъ и бѣжалъ съ этого пути, какъ бѣжитъ раненый воинъ съ поля битвы! Но какихъ мученій стоило ему выносить это столько лѣтъ! Кто можетъ забыть эти слова Толстого, сказанныя въ „Исповѣди“, слова, которыя стоятъ надъ жизнью Толстого какъ зловѣщій ужасъ. „Я искалъ во всѣхъ знаніяхъ, и не только не нашелъ, но убѣдился, что всѣ тѣ, которые такъ же, какъ я искали въ знаніи, точно также ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня въ отчаянье—безсмыслица жизни, есть единственное несомнѣнное знаніе, доступное человѣку!“... Къ чему пришелъ Толстой въ своемъ великомъ исканіи?

Къ смерти, къ неизбѣжности смерти, къ ужасу смерти! Смерть была истиной, которую нашелъ онъ... И кто знаетъ, что такое была вся его жизнь, все его ученье, вся его вѣра, какъ не углубленное созерцаніе смерти, страхъ передъ ней, смиреніе передъ ней, вѣра въ нее! „Я пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни!“ *). Человѣкъ, пережившій эти минуты, что онъ въ этомъ мірѣ, что онъ долженъ дѣлать, какой адъ изъ жизни должна сдѣлать для него его трагедія! Это ужасъ выше силъ человѣческихъ, это не только сознаніе гибели, это сама гибель! Толстой сталъ искать причину, приведшую его къ гибели, и нашелъ ее. Эта причина былъ разумъ! Разумъ совершилъ всю эту ужасную работу, отъ которой нѣтъ покоя, которая грозитъ сумасшедствіемъ, такъ пусть же погибнетъ онъ,— этотъ разумъ, превратившій душу въ кровавый адъ нестерпимыхъ страданій, пусть погибнетъ та душевная утонченность, которую родила цивилизація и которая есть не что иное, какъ духовный блудъ! Такъ говорилъ Толстой! Нужно убить въ себѣ утонченность культурнаго человѣка, нужно уйти отъ міра съ его разъѣдающей тоской, нужно стать первобытнымъ человѣкомъ, жить такъ, какъ живетъ простой народъ—жить просто, жить трудно, работать и творить добро. Такъ и свершилось! Толстой свершилъ этотъ подвигъ, онъ смирился, онъ ушелъ отъ самого себя, онъ принялъ крестъ, онъ свершилъ это на глазахъ всего міра! Не время говорить, что это такое—этотъ подвигъ, есть ли это выходъ изъ трагедіи, или продолженіе ея, ея апоѳеозъ?.. Важно то, что это свершилось, не все ли равно во имя чего? Важно то, что былъ, жилъ среди насъ, въ наше больное, дряхлое, мертвое время человѣкъ, обладающій титанической силой творить чудеса! Ибо развѣ не

*) „Исповѣдь“.

чудо была вся эта жизнь, развѣ не чудо было это великое творчество жизни, это добровольное принятіе креста, этотъ тернистый путь на Голгоѳу и этотъ человѣкъ, почти святой, идущій по этому пути съ свѣтлой улыбкой. Кто можетъ улыбаться изъ насъ, идя навстрѣчу гибели, кто въ силахъ увидѣть въ гибели спасенье и освятить ее? Толстой это сдѣлалъ. Онъ былъ послѣдователенъ до конца, онъ зналъ, что въ этой послѣдовательности заключается залогъ его счастья, онъ зналъ, что идти на гибель нужно иначе, не такъ, какъ всѣ, а улыбаясь и дѣлая добро! Этотъ человѣкъ былъ солнцемъ жизни, на него молился и молится почти весь мыслящій міръ, онъ посѣялъ замыслы, заронилъ надежды и былъ единственнымъ, кто перешелъ по ту сторону жизни, оставаясь живымъ!

26 ноября 1910 г.

Мистика жизни и смерти.

(Жоржъ Роденбахъ и Борисъ Зайцевъ).

Я ничего не могу видѣть вокругъ себя въ цвѣту, я хочу, чтобы все, меня окружающее, было печальнымъ, поблекшимъ.

Бенжаменъ Констанъ.

Будь подобенъ розамъ: пусть порывы страстей отрываютъ твои лепестки, пусть ихъ топчутъ страданья!...

Пусть каждый экстазъ умираетъ въ тебѣ, пусть каждая страсть стремится къ смерти!

....Смотри: мгновенье—и колыбель и саванъ; пусть всякая жизнь и всякая смерть кажутся тебѣ странными и новыми!

Марсель Швобъ.

I.

Можно ли человѣку уйти изъ жизни, оставаясь живымъ? Можно ли на высотахъ отреченія отъ міра создать новый, особый міръ такъ, чтобы ни одинъ слѣдъ живой жизни не проникалъ въ него? Жоржъ Роденбахъ показалъ жизнью своею и творчествомъ, что это возможно. У него не найдете прочной связи съ животнымъ міромъ, его творчество—это одна молитва, уносящая душу выше жизни, къ престолу вѣчности, его поэзія—это восторженное созерцаніе смерти сквозь измѣнчивость мертвыхъ формъ окружающаго, его вдохновеніе—глубокое безмолвіе мертвыхъ городовъ Фландріи, воплотившееся въ кристальную прозрачность мечты.

Его душа это душа тѣхъ, которые отъ рожденія познали предчувствіе неминуемой гибели, душа тѣхъ молчаливыхъ, хрупкихъ, задумчивыхъ дѣтей, что своими

расширенными, уже безумными, уже нездѣшними глазами смотрятъ въ только имъ извѣстную даль тихихъ чудесъ, и большіе говорятъ о нихъ „онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ“. Къ нимъ по ночамъ приходятъ потускнѣвшіе призраки и душатъ ихъ горло скользкими, холодными руками, ихъ мучаетъ безпричинная, грызущая, душу выворачивающая тоска, и въ нудные, однообразно сѣрые дни они свершаютъ таинство смерти, выбрасываясь изъ оконъ, принимая ядъ, бросаясь въ рѣку, и дѣлаютъ это съ улыбкой, съ юродивой улыбкой предчувствія свѣтлыхъ, заоблачныхъ встрѣчъ въ мірѣ иномъ, въ мірѣ горнемъ, желанномъ!.. А когда остаются жить, то эта несчастная, усталая, старообразная жизнь превращается въ такую муку, въ такую тяжкую, въ такую безмолвную, въ такую оскорбительную, что, если есть Богъ, онъ долженъ собрать во едино кровавый ужасъ ихъ мученій и грозной заразой отмщенья бросить въ міръ, чтобы онъ захлебнулся въ этой крови, чтобы всѣ люди сошли съ ума отъ этого отмщенья и задушили, замучили себя такъ, какъ мучили этихъ невинныхъ, этихъ нездѣшнихъ, этихъ святыхъ! И счастливы тѣ изъ послѣднихъ, которые могутъ уйти, уйти въ міръ далекій, прозрачный, лазурный, что просвѣчиваетъ сквозь предметы и манитъ, и чаруетъ, которые настолько сильны, что могутъ стать отшельниками, аскетами, святыми, и войти въ хрустальные чертоги молчанья, и раствориться въ нихъ въ тающій сумракъ, въ тихія слезы блаженства, въ сладкій надрывъ зачарованной муки! Иные говорятъ, что такіе нужны здѣсь, на землѣ, что ихъ святость поможетъ омыть эту жизнь отъ грязи; на это наивное утвержденіе можно отвѣтить общепонятной истиной: Христосъ, святѣйшій изъ всѣхъ людей принесъ свою душу въ міръ, но и его жертва, самая страшная, самая безумная жертва въ мірѣ не спасла людей, они до сихъ поръ остались такими же подлыми, преступными, грязными, какими были до него, и каждый день распинаютъ его, уже мертваго, уже погибшаго, въ сердцѣ своемъ! И если Христосъ не спасъ,

то кто же можетъ спасти? И во имя чего спасать? И выдумаетъ ли человѣческая мысль такое спасенье, которое смогло бы залѣчить всѣ старыя раны, всѣ обиды, всѣ слезы, всѣ насилья (а они живутъ въ чуткомъ сердцѣ міра, вѣчно живутъ!), которое помогло бы забыть ту тоску, тѣ страданья, что убиваютъ тысячи замученныхъ, тысячи мятущихся, оплеванныхъ, обиженныхъ, обманутыхъ душъ? Для тѣхъ, что умертвили землю въ сердцѣ своемъ, для тѣхъ немногихъ, которыхъ освятила мечта, доступенъ только одинъ выходъ, одинъ подвигъ,—создать мистерію отреченія отъ міра, взлелѣять святой цвѣтокъ—голубой, прозрачный, цвѣтокъ одиночества, молчанья, тишины и покоя, стать безмолвными созерцателями вѣчности, стать бѣлыми ангелами, повисшими надъ міромъ въ страстной судорогѣ мимозной усталости! Такъ поступилъ Роденбахъ—тихій, чарующій грустью, бѣлизной, покоемъ, поэтъ безмолвной жизни, жизни утонченной, превратившейся въ траурный ароматъ туберозъ, жизни мертваго Брюгге, убаюканнаго колокольнымъ звономъ, нѣжнымъ, свирѣльнымъ, истомленно печальнымъ звономъ, срывающимъ съ свѣтлаго неба прозразрачные цвѣты умиранія! Смерть любимой женщины, смерть идеала жизни поманила его сюда, въ этотъ городъ, гдѣ такъ тихо, такъ легко, такъ прозрачно, гдѣ въ застывшихъ каналахъ отражаются райскіе напѣвы звона, гдѣ въ сумеркахъ, свѣтлопечальныхъ, нѣжныхъ до слезъ сумеркахъ безшумно скользятъ бѣлыя монахини, точно призраки давно погибшихъ, невинныхъ, волшебныхъ сновъ!.. Гдѣ въ зеркалахъ молчанья отражается медленное таяніе усталой души, гдѣ такъ легко забывать тяжесть прошлаго и, сливаясь съ литургіинымъ моремъ какой то извѣчной святости, можно молиться, тихо, безнадежно молиться! Здѣсь милая готика церквей и соборовъ, узкія улицы, тихіе каналы, зеркальный, синій, немного грустный воздухъ—окутываютъ зданія, предметы, людей саваномъ легкимъ, волшебнымъ, холоднымъ, и здѣсь все поетъ, все наполнено голубыми балладами вѣчнаго покоя, и хорошо слушать ихъ, хорошо

и радостно мечтать о недостижимомъ, о тоскующей скорбной Мадоннѣ, объ атласистыхъ, свѣтлолилейныхъ рукахъ бѣлыхъ монахинь. И хорошо отдохнуть, отдохнуть отъ того каторжнаго труда, что даетъ жизнь и ея страданья, отдохнуть въ предчувствіи покоя, въ грезахъ души, въ длинной, длинной амфиладѣ пустынныхъ комнатъ, гдѣ свершаются скользящіе шорохи, таинственныя колебанія тяжелыхъ портьеръ, гдѣ странная музыка Тишины цвѣтетъ кружевной, баюкающей тканью... И приходитъ желанное, взлелѣянное Безстрастье, и въ сладкомъ безсильи застываютъ черты, и странно чувствовать, какъ душа отдѣляется отъ тѣла, какъ исчезаетъ въ океанѣ безмолвья вся мука, вся боль... И вся жизнь,—какъ слабая, чуть-чуть мерцающая, догорающая свѣча, зажженная передъ иконой Красоты и Боли... И малѣйшая дрожь, малѣйшее дыханье жизни, или единый грубый очеркъ людского лица—способны нарушить это заколдованное царство молчанья, эту чудесную мистерію духа, освобожденнаго отъ земныхъ оковъ! И молится душа, чтобы никто не пришелъ, не нарушилъ счастья, чтобы вся земля умерла!

Человѣческая индивидуальность глубоко несчастна въ этомъ мірѣ. Она подобна цвѣтку мимозы, сжимающемуся отъ малѣйшаго прикосновенія извнѣ. Я, дошедшее въ своей внутренней эволюціи до той точки, гдѣ кончается человѣческое, должно или погибнуть подъ наплывомъ стадности, или совершенно отречься отъ жизни и уйти въ мечту, создать искусственную, тепличную жизнь, гдѣ все призрачно, гдѣ все непрочно и готово каждую минуту рухнуть, ту жизнь, существованіе которой приходится поддерживать цѣною работы фантазіи, цѣною нечеловѣческихъ усилій скуднаго воображенія, цѣною воспаленнаго бреда, эпилептическихъ надрывовъ или истощающихъ, инквизиторскихъ страданій! И напрасно думаютъ, что такіе индивидуалисты довольны въ своемъ эготизмѣ, что они не страдаютъ отъ пустоты. Какъ разъ наоборотъ, ихъ творческая энергія именно и направлена къ тому, чтобы всѣми средствами избавиться, излѣчиться

отъ этой страшной, неумолимой, роковой пустоты. Но они рѣдко достигаютъ этого, ихъ жизнь вѣчно колеблется между пустотой и забвеньемъ, и чего стоитъ имъ добиться этого забвенья, сколько нервовъ нужно испортить, сколько болѣзней привить, сколько алкоголя и морфія принять, чтобы наступило это забвенье! Нерѣдко также прививаютъ себѣ и любовь, и убѣгаютъ отъ любимой женщины на край свѣта, по слѣдамъ Данте, чтобы хоть минуту пожить возможностью невозможнаго, чтобы грезить объ ея мнимой святости, о лилейныхъ очарованіяхъ ея рукъ, о томъ головокружительномъ, бездонномъ чудѣ, что жгучимъ сіяніемъ исходитъ отъ ея скорбящаго, матоваго, неземного лица! Но всѣ эти усилія—лишь безконечный рядъ жалкихъ палліативовъ, въ душѣ же ясно, что нѣтъ спасенья, что надвигается пустота и съ нею—чумная проказа тоски, и лихорадка выдохшагося безумія, и та дряхлая, позорная немощь души, которая вызываетъ отвратительную жажду задушить еебя собственными руками!.. И всѣ индивидуалисты обречены, рано или поздно, на эту пустоту. Отъ нея не спасся даже такой индивидуалистъ, какъ Дезесентъ *), его царство тепличной души, пропитанной душнымъ ароматомъ безобразныхъ цвѣтовъ, наполненное слабымъ ладаномъ католическаго мистицизма, скоро разлетѣлось въ прахъ, чтобы снова толкнуть его къ людямъ, съ вѣчной точкой и вѣчной пустотой въ душѣ! Отъ пустоты не спасся и Доріанъ Грей, хотя дерзаніе его было велико, онъ убилъ себя потому, что не могъ выносить изображеннаго на своемъ портретѣ ужаса жизни... И даже Триродовъ **) замѣняетъ средство спасенья простыми, житейскими палліативами, и ждетъ его такой ужасъ, такое безмолвіе, такая гибель, отъ которыхъ не останется въ немъ ни единой живой черты! Роденбахъ выдумалъ хитрый способъ, чтобы избавиться отъ сѣрой, щемящей тоски—пустоты, онъ увѣро-

*) Гюисмансъ: „A rebours“.
**) Ѳ. Сологубъ: „Навьи Чары“.

валъ въ смерть. А кто увѣруетъ въ смерть, тому ужъ никакая пустота не страшна! А увѣровать въ нее можно только мистически, то есть признать въ ней ту незримую, ту чисто духовную реальность, которая вызываетъ въ душѣ трепетъ блаженства и то радостное, немного истерзанное, немного больное сіяніе, что озаряетъ, что наполняетъ миромъ, что уноситъ ввысь... Это блаженство, эта тихость мистическаго познанія смерти уже наглядно выступаетъ въ его романѣ „Мертвый Брюгге“... Смерть женщины, смерть жизни бросила Гюга въ этотъ безмолвный городъ далекихъ, умершихъ вѣковъ для того, чтобы легко было ему забыться, чтобы въ зеркальныхъ каналахъ сквозилъ милый, погибшій ликъ и наполнялъ душу рыдающей грустью, чтобы молитва сожгла и развѣяла усталый прахъ по улицамъ узкимъ, чернымъ, пропитаннымъ ѣдкимъ запахомъ вечернихъ тумановъ. Но Гюгъ еще во власти жизни, ему хочется еще цѣловать похороненныя губы, ему хочется бросаться въ жаркій вихрь объятій, чтобы найти въ нихъ ту музыку, то забвенье, ту тайну, которыхъ не въ силахъ дать ему ничто въ мірѣ. И снова палліативъ. Гюгъ встрѣчаетъ женщину, поразительно похожую на его покойную жену, и въ безумной жаждѣ создать чудо воскресенья сходится съ ней, а она отравляетъ ему жизнь, и онъ убиваетъ ее. И снова наступаетъ знакомое отчаянье, знакомое пресыщенье тоской и разрывается душа въ бѣшеной пляскѣ безсилья, проситъ гибели и страдаетъ отъ мысли, что абсолютная гибель невозможна! А вокругъ раскинулось черное, готическое тѣло города, города мертвыхъ, и оно живетъ, оно чаруетъ, оно наполняетъ душу Гюга волнами прозрачнаго своего звона, въ немъ тихо трепещетъ что то, въ немъ безмолвно свершаются тайны подсознательной жизни, въ немъ по истомленнымъ вечерамъ рождаются красивыя, ароматно воздушныя тѣни и скользятъ по воздуху, взбираются на колокольни, сливаются съ колокольнымъ рыданьемъ, въ безсонныя ночи обрушиваются на грудь опьяняющей гирляндой мертвыхъ, чайныхъ розъ!..

И приходятъ вечера, закутанные туманнымъ флеромъ, когда точно духи крадутся мимо оконъ бегинки и улицы окрашиваются въ сѣрый цвѣтъ, вызывающій и дрожь, и слезы, и прозрачную грусть, грусть погибшей, безнадежно погибшей жизни... Въ такіе вечера Гюгъ ходилъ по улицамъ великаго мистическаго города, поднимая взглядъ къ башнямъ, посылающимъ благость, утѣшеніе колокольнаго звона. „Богородицы на перекресткахъ относились къ нему съ состраданьемъ, простирая руки изъ глубины нишъ, украшенныхъ свѣчами и розами, подобными мертвымъ цвѣтамъ въ стеклянномъ гробу... Безчисленные колокола звонили безъ устали, когда онъ, опечаленный, блуждалъ по вечернимъ набережнымъ. Его подавлялъ этотъ безконечный колокольный звонъ. Звонили для годовыхъ и мѣсячныхъ поминокъ, для похоронъ, къ обѣднѣ, къ вечернѣ. Весь день раскачиваются невидимыя черныя кадильницы, разстилая дымныя облака звуковъ. О, непрерывный колокольный звонъ, непрекращающійся, похоронный звонъ! Онъ внушалъ отвращенье къ жизни, ясное сознаніе нищеты всего земного, предчувствіе близкой смерти!“... Здѣсь Роденбахъ становится мистикомъ дѣйствительности, этотъ дивный, чудесный городъ вдругъ превоплощается для него во что то кровное, родное, отражающее малѣйшее движеніе души, наполненное только одному ему понятными тайнами и сказочными чудесами, проникнутое увядшей бѣлизной какой то скорбной любви, той любви, что сквозитъ въ бѣлыхъ покровахъ монахинь, которыя, подобно мистическимъ лиліямъ, ткутъ прозрачными руками кружевной покровъ вѣчнаго покоя, той любви, что сіяетъ въ огромныхъ глазахъ соборныхъ Мадоннъ, исполненныхъ непонятной, неуловимой прелести, прелести заколдованныхъ сказочныхъ сновъ, воплощенныхъ въ искусствѣ! И онъ полюбилъ эту своеобразную жизнь въ Тишинѣ, для него она стала источникомъ вдохновенія, источникомъ умирающихъ грезъ и слезъ непонятнаго счастья, для него она преобразилась въ бѣлую душу той, что умерла и никогда не воскреснетъ, и оттого, что не воскреснетъ—по-

дымается со дна души воздушный крикъ, крикъ бѣлыхъ, раненыхъ, отчаянно усталыхъ крыльевъ, творящихъ безумный взлетъ отъ земли къ небесамъ, въ вѣчность, въ просторъ, къ близкой и желанной встрѣчѣ!

Какъ красиво, какъ своеобразно толкуетъ Роденбахъ женственность—эту незримую душу міра, душу настроеній поэта, душу любви... И здѣсь видно сильное вліяніе его родного Брюгге и той мистичности, той прозрачной, неуловимой, бѣлой печали, что родилась въ немъ отъ колокольной музыки, отъ звуковъ органа, отъ старыхъ фламандскихъ иконъ... Его сборникъ „Мистическія лиліи“ это собраніе матовыхъ, рафинированныхъ до легкой извращенности ноктюрновъ, въ которыхъ замѣчается, что то глубоко религіозное, какое то богослужебное созерцаніе Мадонны сквозь напѣвы непорочныхъ лилій, этихъ монахинь въ прозрачно бѣлыхъ головныхъ уборахъ, которыхъ души—сладостный, бездонный напитокъ непорочной Красоты. Съ удивительной интуиціей онъ проникъ въ жизнь этихъ Брюжскихъ служительницъ Бога, онъ проникъ въ ихъ кельи, гдѣ цвѣтутъ онѣ безстрастно и бѣлоснѣжно, какъ ландыши, онъ впиталъ въ себя ихъ ароматъ волнующе скорбный, ароматъ лучистыхъ, отѣненныхъ стрѣльчатыми рѣсницами глазъ, ароматъ блѣдныхъ до болѣзненной матовости лицъ, тающихъ въ экстазѣ, ароматъ свѣтлыхъ рукъ, покорно сжатыхъ, съ длинными, изящными пальцами, отъ которыхъ пробѣгаетъ по тѣлу сладостная дрожь... Эта жизнь, отрекшаяся отъ міра и поэтому такая интимно углубленная, эта жизнь, отданная Іисусу, вѣчному жениху, чья красота истерзала сердце сладкою мукой, жизнь холодная снаружи, но полная скрытыхъ вулкановъ страсти и сомнѣній внутри—стала предметомъ созерцанія Роденбаха, сдѣлавшись для него чѣмъ то въ родѣ легкаго опьяненія, какъ смутные рефлексы погибшей любви, какъ минутное воскрешеніе застывшихъ отъ дыханія смерти ласкъ, какъ безсознательное сліяніе съ душой женственности въ отравляющихъ надрывахъ молитвы, въ безднахъ истощающихъ, выпивающихъ экстазовъ. Онъ вошелъ въ

этотъ міръ и замкнулся въ немъ, опьяненный серебристымъ холодомъ этихъ высокихъ, змѣиныхъ, словно сказочныхъ, словно нездѣшнихъ женщинъ, опьяненный шорохомъ ихъ бѣлоснѣжныхъ, широкихъ, тающихъ одеждъ, очарованный той грустью ноющей, льющейся, томной, что плыветъ отъ ихъ лицъ, уносящихся въ вихрѣ молитвы, мелодической жутью плыветъ сквозь мерцанья тѣней, сквозь трескучіе вздохи четокъ, сквозь символическое страданье свѣчей... Въ своихъ холодныхъ кельяхъ, словно выточенныхъ изъ ледяныхъ глыбъ аскетизма—онѣ ведутъ жизнь, въ хоторой все—ритмично, вое полно непорочности, въ которой сладко нѣжится ихъ неосквернённое тѣло, и по ночамъ, когда глухо стонутъ колокола, когда звуки часовъ обручаютъ съ вѣчностью, онѣ грезятъ о святой любви, о томъ, какъ изящны, какъ одухотворенны движенія ихъ тѣлъ, о незримыхъ, разрыдавшихся поцѣлуяхъ ангеловъ въ экстазахъ пѣнія, объ интимныхъ, только имъ понятныхъ ласкахъ кадильнаго дыма... Имъ понятна сложность кружевъ Брюгге, тѣхъ священныхъ кружевъ, что вяжутъ онѣ своими руками, воплощая въ нихъ свои затаенныя, печальныя думы, сливаясь съ ними голубиной душой... Имъ понятна кроткая мука любви къ бѣлому цвѣту, которымъ они облекаютъ себя, какъ вѣнчальной фатой, чтобы предстать предъ Христомъ во всей красотѣ своей и величіи... Отрекшись отъ земной любви, онѣ полюбили вѣчность, полюбили бѣлизной украшенный чертогъ беззакатнаго свѣта, полюбили Іисусовы раны и Его пресвятое лицо, что снится въ провалахъ усталыхъ сновъ и вызываетъ смутную тревогу. Въ бѣлой бронѣ своей онѣ какъ серафимы неземной побѣды, въ матовыхъ чертогахъ своихъ онѣ какъ царицы, какъ святыя царицы любви, истомляющей душу, превращающей ее въ море атласистыхъ, душныхъ, рыдающихъ розъ!..

О такой любви мечталъ Роденбахъ, бродя по извилистымъ, узкимъ улицамъ Брюгге, такой любовью онъ хотѣлъ спасти себя отъ жизни, отъ несмываемой грязи... И

онъ искалъ ее всюду, искалъ въ жаркихъ мукахъ земли, среди живыхъ женщинъ Фландріи, съ пурпурно красными губами, съ воздушностью тѣлъ, пропитанныхъ ядомъ чувственности, съ лицами, пламенѣющими въ заревахъ румянца, какъ хищный блескъ красныхъ. безстыдно жгучихъ розъ... И какъ всѣ поэты, онъ позналъ трагедію любви, трагедію вѣчнаго непониманія душъ, трагедію неудовлетворенности причудливыхъ желаній души, трагедію пресыщенья, отвращенья, ненависти, завершающихъ ихъ любовь... И въ романѣ „Le carillonneur“ онъ изобразилъ эту муку любви, любви къ двумъ женщинамъ, которая дошла въ своихъ распятьяхъ до того, что любовь превратила въ тяжкій крестъ, и спасенье сердцу дала только въ смерти. Герой этого романа Жоржъ Борлюйтъ, звонарь, совершающій на башнѣ Брюжскаго Собора таинство колокольнаго звона—спускается съ этой высокой башни, гдѣ миръ, тишина, гдѣ восторгъ сверхчеловѣчества—на эту землю, съ глубокою тяжестью, съ глубокой тоской; онъ женится на злой, хищной, драчливой Барбъ съ пурпурными губами потому, что она похожа на тѣ символическіе фрески, нарисованные на колоколахъ въ башнѣ, которые изображаютъ наивысшій взлетъ сладострастья, какой то демонизмъ любви, какую то безумную оргію сплетшихся, свившихся, рыдающихъ отъ ужаса объятій тѣлъ. Это проникло въ его душу и родило бѣшенное, неудержимое желаніе. Можетъ быть это былъ символъ какого то духовнаго, смутнаго, неуловимаго сладострастья, того, что возникаетъ въ самомъ расцвѣтѣ религіознаго экстаза, о которомъ говоритъ Гоффманъ, что оно есть сладострастье молитвы, можетъ быть это былъ тотъ почти звѣриный голодъ души, что изводитъ ее, который удовлетворяется только въ музыкѣ, въ стихійной, гашишной, безумной музыкѣ, которую создаетъ красота и въ которой бездна проваливается такъ глубоко, что оттуда уже нельзя возвратиться, нужно погибнуть... Но вмѣсто того, чтобы уйти навсегда на башню и тамъ отдаться блаженству распятья

любви, о которомъ не знаетъ душа, Борлюйтъ отдался женщинѣ, отдался красивой лжи, на днѣ которой лежитъ пустота, отдался красногубой, демонически—низкой Барбъ, которая сразу же возбудила въ немъ паническій ужасъ отвращенья. У Барбъ есть сестра Годливъ—нѣжная, свѣтлая, съ глазами цвѣта каналовъ Брюгге. Годливъ была давно влюблена въ Борлюйта, но не призналась въ этомъ ему, и только послѣ свадьбы послѣдняго ея любовь вызвала въ немъ отвѣтное чувство, и онъ полюбилъ тогда другую сестру, полюбилъ тоскливо, священно, какъ любятъ мечту, но и на этотъ разъ помѣшала плоть, которая, во время отсутствія Барбъ, бросила его въ объятья Годливъ, и совершился грѣхъ, отъ котораго потускнѣли древніе лики святыхъ, отъ котораго въ крутыхъ переулкахъ Брюгге пронеслась жуткая дрожь, вызвавшая страхъ и ужасъ. Тогда Годливъ ушла въ монастырь, а въ душѣ Борлюйта снова воцарилась прежняя пустота, пустота, мѣшающая жить,—пустота, убивающая душу и наполняющая ее мертвечиной.

Тогда онъ понялъ, что „любовь, какъ и счастье—заключается, главнымъ образомъ, въ невозможности осуществленія".

„Какъ печальна жизнь, какъ печально все!" жалуется Роденбахъ, умирая отъ жизни. Онъ не можетъ принять ее—грязную, пошлую, обыденную, онъ весь полонъ мистическихъ взлетовъ ввысь, онъ любитъ свою высокую башню, башню кафедральнаго собора Брюгге. Борлюйтъ овладѣлъ клавіатурой колоколовъ, онъ становится властелиномъ человѣческихъ душъ, вызывая въ нихъ то радость, то боль, то слезы. Идея сверхчеловѣческаго утвержденія мучаетъ Борлюйта, онъ понялъ, онъ знаетъ, что есть жизнь на высотахъ, полная вдохновенія и восторга, гдѣ душа, какъ орелъ, расправляетъ крылья и паритъ въ синемъ небѣ, преисполненная величія. „Выше жизни! Онъ повторялъ эту таинственную фразу, которая, казалось ему, поднималась и выпрямлялась, являлась подобіемъ темной лѣстницы, возвышавшейся и прорѣзывавшей воз-

духъ! На равномъ разстояніи отъ земли и бога... Касаться вѣчности, продолжая оставаться человѣкомъ. Ощущать и наслаждаться при помощи всѣхъ своихъ чувствъ, всего своего тѣла, всѣхъ своихъ воспоминаній, всей своей любви—желаніемъ, гордостью, грезой. Жизнь—печаль, злоба, скверна; *выше жизни*,—это полетъ, магическій треножникъ, магическій алтарь, воздвигнутый въ воздухѣ, гдѣ всякому злу надлежитъ умереть въ виду чистоты окружающей атмосферы.—Онъ будетъ жить на грани неба—пастырь колоколовъ; онъ будетъ жить, какъ птицы, вдали отъ города и людей, рядомъ съ облаками!"... Такъ думалъ онъ, находясь тамъ, на башнѣ, созерцая у ногъ своихъ родной городъ и заливая его воплемъ колокольной мелодіи. Но стоило ему сойти внизъ, какъ вмѣсто прежняго горняго вдохновенья, имъ овладѣвала больная апатія, тоска, которую онъ хотѣлъ залѣчить женской красотой. И это женщина сдѣлала такъ, что крылья его обезсилѣли, что горняя мечта его потускнѣла. „Всѣ его печали происходили отъ этого. Сначала Барбъ, потомъ Годливъ. Каждая изъ нихъ по своему заставляла его страдать и, причиняя страданье, ослабляла силу его полета надъ жизнью, его творческій даръ... Кто знаетъ? *Можетъ быть, страданья, причиняемыя женщиной, служатъ искупленіемъ для существъ слишкомъ изысканныхъ и сильныхъ, слишкомъ прекрасныхъ?* Великія мечты и великія побѣды требуютъ искупленья. Побѣдитель людей или искусства долженъ, въ свою очередь, отдать дань человѣческимъ печалямъ и быть побѣжденнымъ женщиной!". Великая истина: все, что есть цѣннаго въ душѣ художника поглощаетъ женщина, женщина—обманъ великихъ надеждъ и восторговъ, женщина—красивая ложь, заключенная въ красивомъ тѣлѣ. И мы видимъ, какъ она выпиваетъ силы и кровь Борлюйта, мы видимъ, какъ онъ мертвѣетъ, тускнѣетъ въ безплодной борьбѣ съ нею, и въ концѣ концовъ, она побѣждаетъ, дѣлая его живымъ трупомъ, безсильной жертвой. Восхожденія на башню дѣлаются все рѣже и

рѣже, на башнѣ мучаетъ совѣсть, мучаютъ призраки былого величія, мучаетъ недостижимое, желанное, далекое... Но не одна женщина ведетъ Борлюйта къ гибели, причиной послѣдней является сознаніе пустоты во всемъ и вездѣ, сознаніе, что даже, еслибы онъ и сдѣлался сверхчеловѣкомъ, то его сверхчеловѣчество въ концѣ концовъ надоѣло бы ему и обезцвѣтилось, стало приторной привычкой, сознаніе, что то, что губитъ все, что обезцвѣчиваетъ все, что умерщвляетъ все, есть достиженіе цѣли... Борлюйтъ понялъ, что если любишь женщину, то нужно уйти отъ нея на край свѣта, что, если преслѣдуешь какую нибудь цѣль, какое нибудь желаніе, то нужно бросить мысль объ его удовлетвореніи, иначе наступитъ пресыщенье, пустота, ужасъ безсилья, вѣчная скука вездѣ и во всемъ! Домъ Борлюйта сталъ невыносимъ, его комнаты точно выдохлись. Всѣ онѣ были точно комнатами мертвецовъ. Наступала осень, туманы подымались надъ городомъ, и весь онъ былъ словно закутанъ траурной фатой. Городъ одряхлѣлъ, его разрушали, портили, человѣческая тупость разрушала въ немъ все, что дѣлало его причудливымъ сномъ былыхъ вѣковъ, начали ходить трамваи, появилась человѣческая пошлость отъ которой тошнитъ. Пелена тумановъ еще плотнѣй закрывала отъ него жизнь, онъ начиналъ ее ненавидѣть. И Роденбахъ говоритъ о немъ, что „еслибы онъ жилъ всегда съ людьми, онъ умеръ бы. Онъ былъ такъ непохожъ на нихъ! Онъ слишкомъ привыкъ смотрѣть ввысь, созерцать вѣчность!“. Когда спускался внизъ, все душило, угнетало, замораживало. И здѣсь Роденбахъ высказываетъ лыбопытное признаніе, оно свидѣтельствуетъ, до какой степени былъ замученъ и разочарованъ этотъ хрупкій и печальный пѣвецъ тихихъ обителей смерти. Онъ говоритъ. „*Какъ тяжело воскресать!* И безобразіе человѣческихъ лицъ! Враждебность встрѣчъ! Людская глупость!“... Уединяясь на башню, Борлюйтъ сталъ понимать только смерть. Брюгге прекрасенъ, потому что онъ умеръ. Съ высоты колокольни Борлюйтъ видѣлъ его совсѣмъ

мертвымъ. Онъ не хотѣлъ больше спускаться внизъ. Онъ любилъ его безгранично. Подымаясь выше жизни, онъ научился наслаждаться смертью. И здѣсь онъ позналъ ту утонченность любви, которой не могли ему дать женщины. Здѣсь „онъ наслаждался оргіями барельефовъ. Учавствовалъ въ нихъ. Сливался съ развращенностью бронзы... Теперь у него не было возлюбленной, онъ принадлежалъ всѣмъ женщинамъ колокола. Онѣ отдавались ему. Онъ жилъ, опьяненный вихремъ губъ и грудей. Онъ наклонялся къ нимъ, чтобы лучше ихъ видѣть, касался губами холодной бронзы, обжигавшей ихъ, словно онъ цѣловалъ пылающее тѣло. Онъ позналъ всѣ пороки!".

Тогда Борлюйтъ понялъ, что дальше нельзя жить, нечѣмъ жить, что всякое дерзаніе, всякая вѣчность— лишь пустая скука, и тошно отъ нея, тошно и безумно, и кромѣ того, *отъ него уже пахло, какъ отъ мертвеца.*

Веревка закончила сверхчеловѣческое дерзаніе Борлюйта, веревка подобна была любовницѣ, она убиваетъ сладострастно, пусть же онъ умретъ подъ бронзовой одеждой, слившись съ оргіей колоколовъ!...

Только башенныя стѣны знаютъ, что было написано на лицѣ Борлюйта, когда онъ умиралъ. Только онѣ видѣли, какъ задыхаясь въ послѣднемъ сладострастьи, онъ молился, блаженно молился, чтобы никто не пришелъ, не нарушилъ послѣдняго счастья, чтобы вся земля умерла!

II.

Страненъ и неожиданенъ былъ приходъ Бориса Зайцева въ русскую литературу. Это было въ самое удушливое, самое кошмарное, самое больное время, когда умерли всѣ силы и всѣ надежды, когда душа истлѣвала въ истомленныхъ мукахъ безсилья, когда все погибло и было безцвѣтно, сѣро и тоскливо, тоскливо до отчаянья, до безумія, до слезъ. И вотъ, среди этой безнадежной болѣзни, среди жалкаго кривлянья паяцевъ, среди грязи, шарлатанства и всевозможныхъ поддѣлокъ подъ литературу, вдругъ такъ неожиданно, такъ странно возникъ

кто то свѣжій и радостный до солнечнаго сіянія, кто то опьяненный жизнью и молящійся на нее, кто то мягкій и свѣтлый до умиленности, чья озаренная улыбка жгучимъ аккордомъ упала въ тьму, и все вокругъ вдругъ запѣло, заликовало, зацвѣло, и родился новый міръ—ликующій и свѣтлый, полный *своего*, интимнаго, сокровеннаго, полный неземного очарованія, соединеннаго съ тяжелымъ, парнымъ, чернымъ дыханьемъ земли... И всѣ встрепенулись, заговорили, и маленькая книжка разсказовъ имѣла небывалый успѣхъ, вызвала восторженные отзывы во всѣхъ журналахъ различныхъ направленій, и Ю. Айхенвальдъ заявилъ открыто, что возродилась русская литература!.. И то, что поразило, что тронуло, что удивило, была улыбка, давно невиданная, давно забытая, давно похороненая улыбка—лучистая и свѣжая, и искренняя до дѣтскости, улыбка, проникающая прямо въ душу, улыбка, какъ лучъ солнца въ осенній, хмурый день, когда умираетъ вся жизнь, когда гаснутъ силы, когда въ желтыхъ, измокшихъ листьяхъ тихо таютъ скорбныя слезы. И было чему удивляться: въ часъ великой боли, въ часъ суровой, безнадежно тоскливой скорби, въ мрачный часъ, когда стыдно жить, пришелъ человѣкъ любящій и кроткій, съ дѣтскою, свѣтлой душой и принесъ свою любовь, свою ласку, свое тихое счастье, и землю—ту страшную, залитую кровью землю, на которой свершается столько грязи и страданій, облекъ въ лучистый покровъ свѣта, полюбилъ ее, полюбилъ страстно и нѣжно, какъ любятъ прекрасную мать, воплотилъ ее въ музыку, въ тающую, серебристо напѣвную музыку, открылъ въ ней глубокія тайны, и рожденья чудесъ, и смолистое вино лѣсовъ, и таинственную жизнь звѣрей, и непонятное слiяніе людей съ природой среди шороха листьевъ, среди поцѣлуевъ солнца, среди холодныхъ аккордовъ снѣга... И принесъ свою душу въ міръ—свою женственно прекрасную, горнюю, прозрачную душу, и въ своихъ звукахъ, въ своихъ улыбкахъ, въ своихъ молитвахъ задумалъ создать новое царство, царство ласки и свѣта... И это было такъ

любовно, такъ свѣтло, что хотѣлось прослѣдить это творчество, чтобы увидѣть, какъ люди умѣютъ улыбаться и чѣмъ кончится эта улыбка—такая опасная въ наше неулыбающееся время.

Можно двояко понимать жизнь: можно или пытаться въ ней найти смыслъ, или же полюбить ее ради нея самой, полюбить до самозабвенья, слиться съ нею. Послѣднее сдѣлалъ Зайцевъ. Онъ пришелъ къ ней уже понимающій, уже любящій, уже родной, онъ бросился въ ея объятья довѣрчиво и блаженно, онъ навстрѣчу ей вышелъ съ открытымъ сердцемъ. И то, что въ ней одухотворяетъ все, именно природа, очаровало и опьянило его. И ему захотѣлось сказать людямъ о чудѣ, что рождается въ природѣ въ часъ раскрытья души, о томъ великомъ чудѣ, что разсыпается золотыми лучами среди бытія и сквозитъ сквозь деревья, сквозь цвѣты и травы холоднымъ, манящимъ дыханьемъ, призывая разумъ вникнуть въ сущность видимыхъ вещей и научиться понимать ихъ душу, то, что—въ нихъ, то, что скрыто отъ людскихъ глазъ и является лишь въ мгнуты откровенія, внутренняго познанія и экстазовъ души! Онъ заговорилъ о томъ, что мы не знаемъ, въ какомъ сложномъ, таинственномъ мірѣ мы живемъ, что мы ходимъ и топчемъ священные цвѣты непознаваемаго на землѣ, и что вся она—прекрасный цвѣтущій садъ, полный музыки и волшебныхъ чаръ. Онъ позналъ голосъ природы, то призывающій, то томный, то сладко печальный, голосъ, что зоветъ душу въ головокружительной безднѣ экстаза; и плачетъ, рвется, умоляетъ душа, улетая, и всюду тихо, и кто то незримый въ волнахъ свѣта и ласки роняетъ расцвѣты волшебствъ, и вся земля,—какъ алмазный покровъ божества, и вся природа—какъ блаженное причастье безконечно льющагося, бѣлаго восторга... Онъ преобразилъ землю въ цвѣтущую, золотистую ниву, гдѣ ходятъ зеленыя волны, гдѣ цвѣтутъ яблоки и свершается майское чудо любви, всепрощенья, надежды, гдѣ предъ ликомъ скорбящимъ, предъ ликомъ роднымъ, пресвятымъ, въ жаркомъ распятьи люб-

ви и страданья, вся—истомленная, пышная роза, отдавая жадныя губы, молясь и чаруя, стоитъ Аграфена.

Когда читаешь Зайцева, кажется, что нахлынула на душу какая то огромная, безпредѣльная волна самыхъ разнообразныхъ звуковъ и красокъ. И каждый звукъ полонъ глубины и обаянья, и каждая краска пышетъ сочностью, свѣжестью, какимъ то ароматнымъ, вкуснымъ запахомъ, какимъ то тайнымъ и мягкимъ очарованьемъ! Его творчество преображаетъ міръ, оно наряжаетъ его въ бѣлоснѣжныя одежды сіянія и покоя, оно дѣлаетъ его другимъ, не такимъ, какъ видятъ всѣ, а такимъ, какимъ дано видѣть лишь немногимъ. Оно претворяетъ міръ въ дивную чашу, полную дорогого, рѣдкаго вина, которое опьяняетъ душу художника, которое даетъ ему высшее причастье. Что мы знаемъ о жизни земли, что мы знаемъ о сѣверныхъ дремучихъ лѣсахъ, о русской деревнѣ съ черной землей и навозомъ, и запахомъ пряныхъ полей, о мглѣ—густой, таинственной мглѣ, что окутываетъ міръ мутною фатою, въ которой жутко и больно душѣ? Ничего не знаемъ, знаемъ заученныя, надоѣвшія слова, знаемъ привычныя формулы, знаемъ не то, что нужно, не то, что внутри, а—снаружи... Зайцевъ заглянулъ въ самую сущность одеждъ этого міра, онъ проникъ сквозь нихъ, и увидѣлъ нѣчто непонятное, нѣчто жуткое и манящее, что выше жизни, что свѣтится сквозь жизнь и дѣлаетъ ее какою то особенною, какою то прозрачною и таинственною. Для него нѣтъ ничего мертваго, все движется, все живетъ, все чаруетъ, каждая травка, каждый вздохъ вѣтра, каждое явленіе въ природѣ имѣетъ для него свой сокровенный смыслъ и одухотворено какою то высшею силою, и когда голодные волки бредутъ среди острой пурги безнадежною цѣпью, и когда черный поѣздъ мрачно тяжелѣетъ въ глуши, и когда выходятъ изъ нѣдръ земли мужики, сѣрые и тяжелые, какъ первобытные люди,—онъ не копируетъ все это съ равнодушіемъ художника, онъ чутко прислушивается, онъ всѣми фибрами души вбираетъ въ себя, впитываетъ *душу всего этого*, проникаетъ

сквозь покровы къ корнямъ, пьетъ съ наслажденьемъ, съ тоской тотъ сокъ, которымъ пропитано все это, старается какъ можно крѣпче слиться съ нимъ, пропускаетъ сквозь творческую интуицію, и являетъ міру новымъ, преображеннымъ, вѣчно живымъ, вѣчно молодымъ и зеленымъ, словно возсоздаетъ міръ, словно облекаетъ его своею душой.

Вотъ зимнее утро въ деревнѣ („Мгла"), когда тоска дѣлается прозрачною и таетъ въ сѣро-синеватыхъ тонахъ, когда у снѣга, свой запахъ и отливаютъ безбрежныя поля багровымъ блескомъ, когда люди охотятся за звѣремъ и сами превращаются въ лихого, тоскливаго, жуткаго звѣря: все вокругъ бѣло, бѣло до алмазности, и самъ символъ зимы, ея музыка, ея вкусъ проникаютъ насквозь и заставляютъ мечтать, по-дѣтски мечтать о чемъ то мягкомъ и тепломъ, о какой то сказочной уютности, о какой то хрупкой и нѣжной до слезъ тайнѣ!

Вотъ деревня—большія, прохладныя комнаты, краснощекій, крѣпкій дѣдъ, отраженія необозримыхъ степей, отраженія пахучихъ, смолистыхъ деревьевъ, парное, густое дыханье амбаровъ, конюшенъ, тихіе сумерки—сказочно бархатные, когда „что то особенное истекаетъ отъ креселъ, дивана, ковровъ на которыхъ столько сидѣло, ходило", долгія, немного жуткія ночи, когда рано слипаются глаза, когда снится большой сонъ о поляхъ, метеляхъ, о древней и черной землѣ!..

Вотъ священникъ Кронидъ—крѣпкій, шестидесятилѣтній, сильный попъ, что царитъ надъ черной мужицкой душой, какъ единый властелинъ; гудятъ ручьи томнымъ стономъ, барахтается, пышетъ, опьяняетъ, разсыпаясь ароматными, душистыми грудами земля подъ плугомъ, могучая царица земля живетъ, трепещетъ, страдаетъ, брызжетъ ароматами, брызжетъ цвѣтами и сочной травой, въ глубокихъ провалахъ рождаетъ и хоронитъ людей, обволакиваетъ огрубѣлыя, страшныя, дикія души какою то тяжелою, непонятною, непривычной тоской, обрушиваетъ на плечи бремя тяжелое, тяжелое до

муки, и они несутъ его, несутъ покорно до самой могилы, и Кронидъ хоронитъ ихъ—привычно и вяло, безъ сожалѣнія, безъ слезъ, безъ страха. И у Зайцева пока нѣтъ сожалѣнія надъ безсмысленными могилами, онъ сливается съ этими жизнями, совершенно не думая о томъ, зачѣмъ, дла чего эта жизнь, зачѣмъ эти гроба черные и унылые, къ чему это безсильное барахтаніе въ сѣтяхъ той великой, той чадной тоски, которую онъ такъ хорошо понимаетъ. Онъ не думалъ пока о смыслѣ жизни, потому что не зналъ страданья, и въ этомъ—его великое счастье. Онъ купается душой въ ослѣпительномъ свѣтѣ и жаждетъ только солнца, только земляного, цвѣтущаго, ароматнаго тепла, только мягкой ласки и кустовъ сирени съ ихъ запахомъ страннымъ, навѣвающимъ сквозные сны, уносящимъ душу въ беззакатныя поля розоваго дѣтства, убаюкивающимъ и ласкающимъ лучисто—прекрасную жизнь... И онъ ложится на свою землю, и тихо слушаетъ, какъ горизонтъ молчитъ въ солнечномъ дыму, какъ подымается отъ земли бѣлый туманъ и кажется, что земная, прозрачная грусть таетъ въ алмазныхъ слезахъ... И хорошо ему, и онъ думаетъ: „Боже мой, хорошо лежать въ чистомъ полѣ, при паутинкахъ, въ волнахъ вѣтра. Какъ онъ тамъ таетъ, какъ чудесно растопить душу въ свѣтѣ и плакать, и молиться. Быть можетъ, послѣ полудня надъ жатвой пролетаютъ наши ангелы, особые, таинственные русскіе ангелы!“... И любви своей говоритъ онъ: „Всѣ мы—переходъ, и мужики, и работники, и все человѣчество... И то, будущее мнѣ представляется въ родѣ голубинаго сіянія облачка вечерняго. Вѣдь люди непремѣнно станутъ свѣтоноснѣе, легче... усложненнѣе... и мало будутъ похожи на теперешнихъ людей. И теперь это есть въ нихъ, но мало, искорками... Люди будутъ одѣты роскошнымъ, плывучимъ и нѣжнымъ тѣломъ... Оно не будетъ умирать и портиться, оно будетъ какъ-то мягко кипѣть и вмѣсто смерти таять, а можетъ и таять не будетъ, и умирать не будетъ!..

Здѣсь расцвѣтъ очарованья жизни, очарованья, можетъ быть, неразумнаго, инстинктивнаго, но такого свѣтлаго, такого безбрежнаго, искренняго. И всюду тишина, покой, умиленность, ласка, и вся душа словно зеленый садъ, и струится восторгъ сквозь деревья, и цвѣты благоухаютъ томно и прекрасно, и вырастаютъ тихія, незримыя крылья молитвы. „Полуоткрытыя губы радостно шепчутъ: „милый, золотой день... милый день весны, любви и беззаботнаго счастья!“ Они молчатъ—въ строгости и благоговѣніи, точно передъ царскими вратами. Далеко по склонамъ и перелогамъ видны поля въ радужной дымкѣ; окно церкви сіяетъ, какъ въ алмазномъ вѣнцѣ; смиренныя деревушки, распростершись подъ небомъ, льютъ кверху влажные и благовонные гимны“... Повторяю, было чему удивляться, наблюдая пышный расцвѣтъ этого рѣдкаго творчества! И оттого, можетъ быть, были устремлены на него всѣ глаза, что хотѣли видѣть въ немъ какую то надежду, какое то новое, бодрое слово, какого то новаго человѣка, быть можетъ, принесшаго спасенье истерзанной и надорвавшейся душѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ было странно видѣть такого человѣка въ *такое* время, такого кристально чистаго, такого спокойнаго передъ изуродованнымъ, безумно больнымъ лицомъ современности. У нѣкоторыхъ даже являлось подозрѣніе, не изъ тѣхъ ли онъ толстокожихъ, которые закрываютъ глаза на все и живутъ теплотой своего жира? Люди никогда не могутъ простить человѣку того, что онъ счастливъ, что онъ свѣтелъ, люди до того жадны и подлы, что только и живутъ мыслью о томъ, какъ бы вырвать у человѣка кусокъ его счастья, разорвать его на клочки и самимъ не воспользоваться, другимъ не дать... Но на этотъ разъ ошиблись, ибо немыслимо, ибо дико, чтобы человѣкъ съ такою глубокой душой остался до конца улыбающимся и довольнымъ въ этой жизни, ибо только идіоты могутъ улыбаться всю жизнь, ибо не смѣетъ, не долженъ человѣкъ ликовать, когда нѣтъ выхода, когда вокругъ страдаютъ, когда боль—тягучая, страшная, раз-

рушающая душу и мозгъ боль наполняетъ до краевъ всю жизнь. Ошиблись въ Зайцевѣ тѣ, которые хотѣли видѣть въ немъ бодраго и сильнаго человѣка. Вотъ появился разсказъ „Сестра“, и оттуда глянуло уже поблѣднѣвшее, уже усталое лицо, измѣненное... И какъ зарыдали, какъ забились въ безумной тоскѣ эти свѣтлые, лучистые глаза, и какая истерзанная, какая печальная эта улыбка, уже не прежняя, уже страдальческая на еще свѣтломъ, но уже поблекшемъ лицѣ! Началась трагедія, потому что авторъ направилъ мысль свою къ цѣли жизни, потому что коснулось дѣтской и нѣжной души безпощадное, неизбѣжное, роковое страданье!

Изъ цвѣтущей земли, изъ изумрудныхъ травъ, изъ тихихъ долинъ, полныхъ росистой мглы, поднялась легкая, терзающая печаль и ударила острыми перстами въ нѣжность хрупкую молящейся души, заныла душа, затрепетала, заплакала... И на вершинахъ восторга, куда вознеслась она,—вспыхнула тяжкая скорбь и забота, и слезы—чистыя, невольныя, печальныя слезы муки. И стало понятно, что не спасутъ: ни майская ласка солнца, ни воздушные сны сирени, ни шепотъ зеленой травы отъ того горя, отъ того кроваваго, остраго, что уже закралось въ душу и гаситъ свѣтъ, и благоуханіе свѣтлости покрываетъ тяжкимъ трауромъ безмолвнаго отчаянья... И стало понятно, что есть нѣчто, что выше всякой красоты и всякой природы, что есть крестъ, проклятый, черный, неумолимый крестъ, который свалился на душу при первомъ сознаніи, что все—безсмысленно, что все—прахъ, все—суета, что надъ жизнью стоитъ великое страданье и требуетъ искупленья, требуетъ жертвы, требуетъ теплой, липкой, свѣжей крови!.. И стало понятно, что тотъ зеленый садъ чуда, на который такъ самозабвенно молилась душа, весь залитъ почернѣвшею кровью тысячей мучениковъ, страдальцевъ и кажется купиной кровавой, предъ которой все замираетъ, все гаснетъ, все умираетъ! Стало понятно, что есть минуты въ жизни, когда ясно становится, что некуда идти, что ре-

альна одна только смерть, что всѣмъ намъ суждено рано или поздно погибнуть, и что съ этимъ нельзя примириться ни за какую цѣну!

И больно стало, и эта боль присосалась къ сердцу, и нѣтъ отъ нея забвенья; и темною ночью, когда такъ звонокъ ужасъ безмолвія, измученная сестра прильнула къ душѣ и требуетъ отвѣта на то жестокое, на то неумолимое, что мучаетъ и ее, и насъ, и весь міръ: „Вотъ ты мнѣ и скажи: такъ родились мы съ тобой, жили сестрой и братомъ, и любили другъ друга, и люди мы ничего себѣ; а однако, главнымъ образомъ страдаемъ... и умремъ, надъ нами все будетъ такая же ночь, да могила еще сверху. Какъ ты думаешь, къ чему все это? Такъ себѣ, зря или не зря?

„— Ахъ сестра, сестра—она мнѣ попадаетъ въ самое больное мѣсто: да, къ чему все это? И ея печаль, и скорбная жизнь, данная ей, и смерть, и наша безпомощность! Она смотритъ на меня и ждетъ. Я вѣдь долженъ сказать что нибудь. Но молчу, сижу, какія слова я могу сказать?—Какъ, и ты не знаешь? Слушай, братъ, неужели и ты живешь также, тоже и ты въ потемкахъ... и ничего, ничего?

„Голосъ Маши срывается и трепещетъ, вдругъ вся она приникаетъ ко мнѣ въ дрожи и беззащитности, и сквозь острыя слезы бормочетъ „братъ, братъ, неужели же ничего? неужели и ты?“. Я молчу, цѣлую ея лобъ, и ѣдкія слезы стоятъ въ моемъ сердцѣ: *слезы упадка и гибели*“...

Такъ кончилась свѣтлая идиллія Бориса Зайцева—единственнаго цѣльнаго и оптимистическаго человѣка нашихъ дней. Тѣ, что ждали отъ него „бодраго слова“, повѣсили носы и отшатнулись въ недоумѣніи, ихъ возмутило то, что онъ самъ нуждается въ этомъ бодромъ словѣ, котораго никто и ничто въ жизни не можетъ ему сказать!

Но Зайцевъ мистикъ, и это спасло его отъ томительно безцвѣтной скуки тѣхъ обреченныхъ, тѣхъ уми-

рающихъ, которые не могутъ сдѣлаться мистиками... И вотъ, надъ умершею жизнью всталъ кто то суровый, безпощадный, темный и обвѣялъ холодомъ... Можетъ быть, это явился самъ суровый Рокъ. И даже само отчаянье, сама гибель у Зайцева воплощается въ символъ, проникаетъ за грани жизни, открываетъ бездны таинственнаго, непонятнаго.

Это пришло въ ту ночь, когда братъ и сестра жаловались на безвременье, пришло все отъ той же земли, которую такъ любитъ Зайцевъ, и кажется, что это самъ ея грустный, прощальный вздохъ, сама ея душа скорбитъ по своемъ погибающемъ братѣ. „Вотъ шуршитъ что то на межѣ, все быстрѣй, быстрѣй: чей то ровный, сильный скокъ. Въ пятидесяти шагахъ отъ насъ остановился тихо, непріятно. Мы тоже не двигаемся, глаза стараются прорѣзать тьму, бьется сердце и точно что то пустое, напряженное появилось между имъ и нами. Кто онъ? Что ему надо? Волкъ, собака? Неизвѣстно, снова прыжокъ, снова тотъ же ровный, прямой галопъ. И черезъ двѣ минуты такъ же непонятно и безслѣдно исчезъ этотъ странный путникъ, какъ и явился“... Такъ описываетъ Зайцевъ вторженіе гибели въ нашу жизнь сквозь мистику облеченной въ трауръ земли. И потомъ стало ему ясно до боли, что смерть неизбѣжна, что она озаряетъ своими холодными, матовыми лучами всю жизнь, что она можетъ уничтожить однимъ мановеніемъ всѣ эти травы лазурныя, все это сіяніе солнца, всю теплоту и ароматъ земли, всю красоту и очарованіе этихъ зеркально чудныхъ ночей, когда хочется плакать и молиться Богу!.. Смерть ежеминутно уничтожаетъ всякую жизнь, уничтожитъ и Зайцева, и его бѣлолилейный, ликующій міръ, смерть сотретъ съ лица земли всякое искусство, всякія игры и укрывательства передъ нею, смерть сравняетъ богатыхъ и бѣдныхъ, геніальныхъ и глупыхъ въ одно бездонное, величавое небытіе, и отъ всего этого останется только одна разлагающаяся вонь!.. И когда становой (разсказъ „Гость“) спрашиваетъ Николая Гаври-

лыча, въ чемъ цѣль жизни, онъ отвѣчаетъ—яростно и злобно, словно обрубая мѣшающую преграду: *„въ смерти, вотъ въ чемъ!“*

Такъ закончилось Зайцевское прославленье жизни къ ужасу и негодованію чающихъ пришествія въ эту истлѣвающую пошлость бодраго и новаго пророка.

Когда человѣкъ пойметъ, что выхода нѣтъ, ему страстно хочется искупить стыдъ своей жизни—великій, гнусный стыдъ—какой нибудь жертвой. Зайцевъ тоже сотворилъ себѣ жертву и бросилъ въ нѣдра вѣчности съ отчаяннымъ крикомъ, словно вѣчность можно чѣмъ нибудь насытить.. Его Аграфена—именно эта жертва, жертва цѣлой жизни, жертва попираемая и терзаемая ногами людей, жертва сгорающая въ сладострастной мукѣ какой то страшной, какой-то нечеловѣческой страсти. И въ Аграфенѣ вылился его вопль безмѣрный, вопль голоднаго, погибающаго духа, стремящагося насытиться жизнью до обморока, до отвала, однимъ глоткомъ выпить ея всю красоту, всю ея сладость, въ одномъ поцѣлуѣ познать всю бездонность любви, въ одномъ объятьи задушить эту чудную, зеленую землю, которая должна погибнуть, которая съ каждымъ часомъ приближается къ гибели.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, какой покой въ этой мукѣ, какая тишина, какое блаженство! Зайцевъ остался свѣтлымъ до конца, великое страданье, которое дала ему жизнь—сдѣлало еще болѣе прозрачною его душу, и на лицѣ его снова появилась улыбка, блѣдно-истерзанная улыбка святой печали, и страданье преобразило внутреннимъ свѣтомъ его измученныя, усталыя, строгія черты... И намъ болѣе понятна эта озаренная, страдальческая улыбка, чѣмъ прежняя—довольная, она тихо нѣжитъ душу, въ ней зрѣетъ новая молитва, молитва благословляющая Бога за то, что онъ далъ душѣ такое великое, такое священное, такое глубокое страданье, благословляющая смерть за то новое счастье, что вспыхнуло въ ея нѣдрахъ, счастье сліянія съ другими, незримыми мірами... И когда зажигаются тихія зори на ясномъ небѣ, душа

полна чистоты, ясности, покоя, съ горнихъ высотъ льется благословенье горя, и попрежнему хочется слиться съ природой, омытой слезами, освященной тихою болью сердца.

Зайцевъ принялъ страданье съ молитвой, на это способны немногіе; въ своемъ разсказѣ „Спокойствіе“, онъ бросается на колѣни передъ женщиной, которая измучила его, и говоритъ ей: „Благословите меня на новую жизнь, теперь я вашъ вѣрный, далекій рыцарь!“

Онъ знаетъ, что все—погибло, но онъ знаетъ, что именно въ этомъ таится, быть можетъ, какой то новый, сокровенный смыслъ. И на страстную жалобу сестры отвѣчаетъ своими прозрачными, тихими словами:

....Стало быть, всѣ мы погибнемъ. И онъ, и я, и сестра Маша, и старая тетя Агнія, въ этотъ тихій утренній часъ это кажется яснымъ особой, прочно покойной ясностью. Да будетъ! Намъ дано жить въ тоскѣ и скорби, но дано и быть твердыми—съ честью и мужествомъ пронести свой духъ сквозь эту юдоль неугасимымъ пламенемъ, и съ спокойною печалью умереть, отойти въ обитель ясности. Это непреложно, и это даетъ сердцу миръ и твердость. И тишина теперь, не есть ли и она отображеніе той вѣчной тишины, что ждетъ насъ?

„Боже, Боже, пусть будетъ всегда такъ въ нашемъ усталомъ сердцѣ!“ („Сестра“).

24 апрѣля 1910 г.

Психологія самоубійства.

Какъ странны эти существа: они
Понять непостижимое стремятся,—
Хотятъ прочесть неписанныя книги,
Хаосъ въ порядокъ ясный претворить
И путь найти въ великой Вѣчной Тьмѣ!
Гуго фонъ-Гофмансталь.

Но онъ любилъ мечтать
О пресвятой звѣздѣ,
Какой не отыскать
Нигдѣ—увы!—нигдѣ.
Дороги къ небесамъ
Онъ отыскать не могъ,
И тихо умеръ самъ,
Но умеръ онъ какъ богъ!
Ѳедоръ Сологубъ.

I.

Мы никогда не живемъ той жизнью, которая намъ дана, которою владѣемъ. У тѣхъ, которые примирились съ своею жизнью и довольны ею, у тѣхъ нѣтъ заботъ, нѣтъ страданій, нѣтъ жажды, они успокоились, они сыты... Но есть другіе (и въ послѣднее время ихъ подавляющее большинство), которые не принимаютъ міра сего, есть вѣчно жаждущіе и алчущіе правды, есть распинающіе себя во имя этой правды и всю жизнь свою стремящіеся проникнуть за грани надоѣвшихъ, пошлыхъ, скучныхъ міровъ, міровъ дѣйствительности и за ними—увидѣть свое царство. Создающіе царство свое!.. Вотъ они проходятъ предъ нами—блѣдные, изможденные, страдающіе рабы мечты, вотъ ихъ трупы въ свѣтлые и хмурые дни тихо покачиваются на катафалкахъ, вотъ ихъ жизнь, ихъ огонь, ихъ душа

таютъ среди копоти и грязи вокругъ, вотъ ихъ завѣтныя мысли, ихъ ожиданія, ихъ слезы,—только грустная, блѣдная улыбка на темномъ лицѣ міра, и вѣрно и несомнѣнно только одно, а именно:—то, что они должны погибнуть, ибо царство ихъ не отъ міра сего! Каждый изъ нихъ безумецъ и безуміе его безплодно, какъ и вообще всякое безуміе, каждый изъ нихъ говоритъ окружающей жизни: „измѣнись, раздвинься, дай мнѣ дорогу, освободи меня!“, и въ каждомъ изъ нихъ жуткимъ пламенемъ горитъ обида, обида не дающая покоя ни ночью, ни днемъ, обида оттого, что міръ не услышалъ, что люди мертвы, что имъ суждено одно лишь безсиліе, одно равнодушіе, одно слѣпое, одинокое отчаянье! А вѣдь имъ казалось, что они всесильны, что они могутъ, много могутъ сдѣлать, что не они зависятъ отъ жизни, а жизнь—отъ нихъ... Вотъ вызовъ, равнаго которому нѣтъ въ мірѣ, вотъ трагедія, исходомъ изъ которой можетъ быть одно лишь отчаянье... И они умираютъ. И не одинъ. Умираютъ сотнями, тысячами вокругъ жирной и сытой массы жизни, вокругъ и среди упитанныхъ и скотски улыбающихся лицъ, приносятъ дорогія, страшныя жертвы въ угоду тѣмъ же скотскимъ и сытымъ сильнымъ міра сего, и жертва ихъ ужасна, ибо она совершается ежедневно столько разъ и на виду у всѣхъ, и никто не въ силахъ остановить потокъ безгранично льющейся крови, и никто не въ силахъ выдумать и воздвигнуть такую силу, которая была бы противопоставлена грозной, великой, торжествующей силѣ—Смерти. Да, пора понять истину, что мы живемъ среди царства смерти, что всюду надъ нами сплетаются въ дикомъ скрипѣ вѣтви скелетовъ, что и въ снахъ и наяву предъ нами стоитъ грозный и властный ея призракъ... Гдѣ молодая жизнь, гдѣ весна, гдѣ надежды? ихъ нѣтъ, онѣ увяли, какъ осенніе листья, а вокругъ ночь, ледяная, безпросвѣтная, страшная ночь! Что то страшное творится въ наши дни, что то необъяснимое, и по временамъ кажется, что весь міръ обреченъ на гибель, что каждый изъ насъ—лишь жертва, и жертва безплодная, что никто не

придетъ и не сжалится и не спасетъ, не придетъ никогда, никогда!

И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда еще міръ не требовалъ такъ и не жаждалъ спасенья, какъ въ эти дни! Кто только думалъ и страдалъ, размышляя надъ своей судьбой, кто погружался въ нѣдра своего духа, кто понялъ неминуемость креста и безысходность страданія, тому должно быть понятно, что такъ дальше продолжаться не можетъ, что все это нуждается лишь въ одномъ спасеньи, что нужно покориться кому то, найти кого то, отдать ему всѣ силы и забыться, и увѣровать, и спастись! Но не тутъ-то было. Тѣ же, что пришли къ подобному выводу, знаютъ также, что спасенья нѣтъ, что міръ въ теченіе десятка тысячъ лѣтъ придумывалъ различные способы спасенья и они не помогли, а только еще крѣпче запутали всѣ узлы, такъ что потомъ никто не могъ ихъ развязать, что, наконецъ, не можетъ быть спасенья еще потому, что міръ естественнымъ путемъ пришелъ къ окончательной гибели! Современный человѣкъ,—вѣдь нѣтъ ничего ужаснѣе и несчастнѣе современнаго человѣка, который проникъ въ глубину и перешелъ всѣ грани, и побѣдилъ и низринулъ всѣхъ боговъ и *чрезъ это,* именно чрезъ это, сталъ безысходно несчастнымъ и погибшимъ навѣки! Тѣ, что жили раньше, тѣхъ спасала здоровая организація, и они самыми примитивными средствами побѣждали міръ и расправлялись ничтоже сумняшеся со всѣми его страшилищами, такъ какъ здоровая организація всегда почти связана съ нѣкоторою ограниченностью ума и духа! Животное начало и животная жизнь спасала нашихъ предковъ отъ проваловъ въ глубину, отъ сомнѣній, отъ ненужныхъ жертвъ, мы же невольно очутились въ сторонѣ отъ всего этого, мы переросли эволюціей самооглубленья тѣ узкія границы, что предназначены заботливой природой для того, чтобы всѣ были сыты и здоровы и спокойны! Мы изощрили и утончили свои чувства и переживанія до такой степени, что дальше за этой утонченностью стоитъ и манитъ насъ безуміе, мы грезимъ о безуміи среди узко-

нормальныхъ и узко-глупыхъ своею нормальностью людей, мы строимъ хрупкія, уходящія въ небеса зданья на пескѣ, и когда они рушатся, то намъ кажется, что это такъ и надо, вотъ, до какой степени простирается наша безпечность! Современный человѣкъ—это насмѣшка, издѣвательство того, кто надъ міромъ, хозяина, насмѣшка надъ всѣми человѣческими понятіями и стремленіями, потому что въ концѣ-концовъ и зачастую, они приводятъ къ гибели! Нитцше это понималъ лучше всѣхъ. Нитцше для того и выдумалъ своего сверхчеловѣка, чтобы этимъ призракомъ убить собственную свою тоску и собственную свою слабость, ибо онъ былъ безсиленъ безгранично, безсильнѣе всѣхъ, и именно потому такъ громко любилъ говорить о силѣ. Для него философія была родомъ опьяненія, спасающаго отъ гибели, въ словахъ этой философіи онъ хоронилъ свою больную и измученную душу, и похоронилъ такъ искусно, что теперь не такъ-то легко ее найти! *). И участь того, кто хочетъ итти по слѣдамъ Нитцше всегда подобна той, которая постигла его самого... Хотѣлъ разрушить и низвергнуть весь міръ и стать побѣдителемъ, и въ этомъ желаніи, желаніи упорномъ и настойчивомъ до того надорвалъ свои силы (разрушать міръ—это вѣдь работа колосса), что этотъ же самый міръ упалъ на него и похоронилъ и обезоружилъ. Такъ борятся съ вѣтряными мельницами, и борьба Нитцше есть не что иное, какъ борьба съ вѣтряными мельницами, борьба жалкая и напрасная!

Прежде люди жили. Мы не живемъ. Мы спасаемся отъ жизни и ищемъ спасенья во всемъ, ибо спасенье

---

*) Любопытное и неожиданное для непосвященныхъ признаніе мы находимъ у него въ одномъ мѣстѣ: „Какъ часто, чтобы отдохнуть отъ себя и какъ бы временно забыть себя, я искалъ пріютиться гдѣ-либо—въ какой-либо почтительности, или враждѣ, или научности, или шаловливости, или глупости, а также почему, когда я не находилъ того, что мнѣ было нужно, я долженъ былъ искусственно овладѣвать имъ, поддѣлывать и сочинять себѣ это (и развѣ поэты дѣлали когда-либо что другое? и для чего же и существуетъ все искусство на свѣтѣ?“). (Предисловіе къ „Человѣческому, слишкомъ человѣческому“)...

выше жизни, и нужнѣе всего, ибо мы уже забыли, что такое спасенье! Благо тѣмъ, кто не видитъ ужаса жизни, кто никогда не заглядывалъ въ ея глубину, только эти счастливы, но пусть спросятъ тѣхъ, что измучились отъ пытокъ человѣческаго духа въ борьбѣ съ міромъ, пусть спросятъ тѣхъ, которые блѣднѣютъ и дрожатъ отъ одного слова: „жизнь!“, пусть вызовутъ тѣни тѣхъ безчисленныхъ самоубійцъ, которые такъ далеко были отъ насъ при жизни,—и они разскажутъ такіе ужасы, откроютъ такія бездны, что жутко станетъ и никто не повѣритъ изъ тѣхъ, которые прячутъ глаза свои передъ ужасной наготой дѣйствительности! Вѣдь они проникли за грани міровъ, они познали приближеніе къ таинству грозному и великому, таинству смерти, они переросли духомъ своимъ эту жизнь съ ея законами, съ ея уставами, съ ея пошлымъ и тягостнымъ бременемъ! Между нами живутъ они, незамѣтные, изначально уже, жестокой судьбой обреченные на смерть. Они носятъ въ душѣ своей невысказанную тайну, они одинокіе съ своей тайной, и одиночество убиваетъ ихъ, и даже рыданій ихъ никто не слышитъ, такъ они погружены въ самихъ себя!.. Они, можетъ быть, безсознательно чувствуютъ, куда лежитъ ихъ путь, и часто глаза у нихъ нездѣшніе, потерявшіе жизненную окраску, и въ глазахъ этихъ столько муки и столько блѣдной печали! Глаза самоубійцъ! Они мерцаютъ среди темнаго молчанья жизни, какъ неугасимые факелы, это душа горитъ, душа рвется къ небу и всѣмъ напряженіемъ послѣднихъ силъ требуетъ неба для земли, требуетъ святыни, требуетъ бога... Глаза самоубійцъ! Они ищутъ въ толпѣ родственныхъ глазъ, понимающихъ, и когда встрѣчаются ихъ взгляды—они понимаютъ другъ друга, понимаютъ безъ словъ... О, сколько страшной, кровавой жути въ душѣ, о сколько горечи, сколько отравы! Что изъ того, что никто не видитъ и не чувствуетъ, но вотъ уже душа переросла границы всякаго пониманія, и мерещатся какія то новыя возможности, и ихъ застилаетъ туманъ, и вотъ—снова унынie,

какъ черная, больная птица бьется въ груди и впивается въ нее острыми когтями, вотъ старый, давно знакомый бредъ прильнулъ къ наболѣвшему мозгу и пьетъ и томитъ, и терзаетъ!.. И какъ надорвалось сердце, какъ оно огромно, какъ оно несчастно! Кто пойметъ тебя, сердце, въ этомъ глухомъ, въ этомъ мертвомъ мірѣ, кто угаситъ его жажду безмѣрную, кто обниметъ весь ужасъ его, всю тоску его, все его одиночество!? Кто унесетъ тебя, больное, усталое сердце, въ высоту, о которой такъ грезишь, такъ молишься, и не можешь взлетѣть, ибо тоска и постылая жизнь отняли у тебя твои крылья!? И зачѣмъ родился, зачѣмъ пришелъ туда, гдѣ такъ пусто и такъ холодно, гдѣ каждая душа мечется и бьется въ припадочной пляскѣ безумнаго вопля, гдѣ каждая душа убита своимъ страданьемъ, гдѣ все молчитъ, гдѣ все погибло навѣки и не воскреснетъ никогда!.. Красоту Господню, красоту святую, красоту человѣческой души здѣсь погружаютъ ежеминутно въ пошлость и грязь, святыя мечты и молитвы встрѣчаютъ бранью и жирнымъ, безсмысленнымъ смѣхомъ, по широко раскрытымъ глазамъ, по безумнымъ, усталымъ и жаднымъ глазамъ ударяютъ грубыми, жесткими руками!.. Вотъ, какова ты жизнь!..

Будь же ты проклята, жизнь! Среди мрака и холода, среди завыванія голодныхъ душъ, среди воплей, среди крови, среди насилій, разсыпься въ прахъ, исчезни, умри! Будь проклята за то, что убита душа, что какъ подстрѣленая птица, она бьется здѣсь, на этой зачумленной землѣ и не можетъ, не можетъ взлетѣть, будь проклята за тысячи неотмщенныхъ страданій, за тысячи жертвъ, за страшную, тяжелую, каменную тоску, за болѣзнь!!! Милліоны рукъ подымаются изъ тьмы и угрожая, проклинаютъ тебя, проклинаютъ денно и нощно, и жизнь для нихъ не жизнь, а одно лишь истерзанное проклятье!... Развѣ смертью своею могу искупить твой ужасъ, что смерть моя—капля, исчезнувшая въ морѣ, что боль моя—бѣглая тѣнь на твоемъ вспухшемъ отъ пьянаго отчаянья огромномъ, необъятномъ лицѣ!.. Но вѣрю, что найду путь

мой тамъ, гдѣ кончаются земные пути, ибо они мнѣ такъ ужасно, такъ смертельно надоѣли! Но знаю, что нѣтъ на землѣ счастья отраднѣе того состоянія, когда кончаются всѣ страданья, когда погасаютъ раны, когда нѣтъ уже этой боли и этого ужаса, ослѣпляющаго разсудокъ!.. Истомился я въ погонѣ за правдой, истомился и нѣтъ силы выдержать усталость мою... Пусть же гаснутъ огни, скорѣе, разомъ, вдругъ, въ одномъ мигѣ смѣшаю страхъ съ болью, разорву всѣ путы, свершу всѣ надежды, и успокоюсь на вѣкъ!

Такъ говорятъ самоубійцы въ послѣдній свой часъ!.. О, этотъ часъ, должно быть, самое больное, самое окровавленное мѣсто въ ихъ жизни! Часъ, когда раздаются *нѣмые* вопли (что можетъ быть ужаснѣе ихъ), когда догораетъ душа и въ послѣдней вспышкѣ достигаетъ невѣроятнаго напряженія, обнажается вся, стоитъ передъ міромъ какъ пылающій символъ всѣхъ страданій земли! И каково должно быть состояніе, когда въ одну минуту взвѣшивается судьба вселенной, когда эта вселенная единою волею обрекается на казнь, на страшную, беззаконную, безпощадную казнь, когда *все* на минуту затихаетъ, и въ этомъ безмолвіи сбрасываетъ всѣ свои одежды міръ! Можетъ быть, въ эту послѣднюю минуту, когда въ молніеносномъ вихрѣ предъ глазами человѣка проносится вся его жизнь отъ начала до конца, воскресаетъ какая то новая тайна, какое то новое откровеніе, которое, какъ святыня, уносится въ гробъ отъ человѣческихъ глазъ?.. И тѣ, что познали эту тайну—уже не могутъ вернуться, не могутъ ожить, хотя бы и желали, ибо какая это уже будетъ жизнь! Не жизнь, а одна каторга, ибо человѣка оторвали отъ единственнаго спасенья и снова заставили отбывать ненужную и жалкую повинность, за которую нѣтъ награды!!! Но также въ этотъ послѣдній часъ можно познать цѣну жизни, которой раньше не сознавалъ, познать и умереть съ нею! Тѣ, что кончаютъ счеты съ жизнью, окончательно убѣдились, что всѣ надежды, всѣ чаянія, всѣ идеалы—лишь одни обманы и защита отъ смерти,

что все можетъ надоѣсть и износиться въ этомъ мірѣ, что все не реально, что, можетъ быть, ничего и нѣтъ, кромѣ мрака и хаоса, а виновникъ всей этой иллюзіи есть человѣкъ! Это—наивысшая мудрость и приходитъ она къ человѣку въ послѣдній часъ!

Эту мудрость, граничащую съ отчаяньемъ, мудрость жестокую и опъяняющую, люди пріобрѣтаютъ тогда, когда ихъ разумъ позналъ жизнь и все окружающее ее, позналъ настолько глубоко, что теперь ужъ ему все нипочемъ, и нѣтъ спасенья, и сознаетъ самъ, что нѣтъ и не будетъ спасенья, а все же спокоенъ, а все же живетъ и занимается своими дѣлами!.. Нашъ міръ обиленъ такими мудрецами, они кормятъ своею мудростью и тѣхъ еще—безумныхъ и дерзкихъ, которые умираютъ, дабы быть послѣдовательными въ этой мудрости до конца! Но какъ первые, такъ и вторые, и вся ихъ мудрость въ сущности, безсильна, безсильна передъ самой жизнью, передъ ея огромностью, передъ ея многогранностью, передъ ея ужасомъ и ея красотой! Ибо жизнь всегда побѣждаетъ всякія теоріи и всякіе догматы, жизнь есть царица жестокая и единственная, которая не пріемлетъ никакого толкованія, никакой разгадки, которую берутъ, какъ она есть и тогда довольны и счастливы... Но человѣкъ, и особенно современный человѣкъ, помимо жизни, ищетъ еще ея правды, ея объясненія, подкапывается подъ нее всѣми своими силами, онъ разрушаетъ ее словами своими и ратоборствуетъ, сражаясь съ вѣтряными мельницами, а Она—огромная, страшная, непобѣдимая, стоитъ высоко надъ этимъ, принимаетъ все—всѣ жертвы, всѣ слезы, всю кровь, и не даетъ ничего, и сокрушаетъ все, и погребаетъ все, и безмолвно смѣется надъ всѣмъ и надъ всѣми!

„О, какой ужасъ быть человѣкомъ и искать правды!“—въ этихъ словахъ современнаго писателя сколько горечи, сколько затаенной тоски!.. Мы всѣ ищемъ правды, мы всѣ задыхаемся во лжи, и что же, въ концѣ-концовъ, смерть вѣнчаетъ всякія надежды, всѣ устремленья, всѣ

порывы, всѣ попытки разгадать, понять, приблизиться къ опредѣленію! Потому и возлюбили мы смерть, потому и призываемъ ее денно и нощно, что велика жажда, но еще больше, еще огромнѣе усталость отъ вѣчной, безпрерывной жажды!.. Горе тѣмъ, что своею душою переросли рамки жизни; кто ихъ раздвинетъ, кто дастъ свободу алчущей и жаждущей человѣческой душѣ, кто укажетъ царство и путь къ нему? Всѣ безсильны, всѣ несчастны и всѣ приговорены къ смерти, вотъ въ чемъ вся суть!

И пусть не говорятъ, что наша правда—правда болѣзненная, припадочная, или модная, что мы принимаемъ ее потому, что нѣтъ ничего другого. Сама древность свидѣтельствуетъ, что наша горькая правда вѣчна, что ее сознавали и ею жили во всѣ вѣка всѣ народы земли... Самый мудрый мудрецъ древности—царь Соломонъ, прекрасный любовникъ жизни, въ комъ вся жизненная гармонія получила такой пышный расцвѣтъ,—царь Соломонъ на склонѣ лѣтъ своихъ, на вершинахъ мудрости своей, пришелъ къ тому же выводу, къ какому приходимъ мы въ наши дни!.. У него есть книга, книга крайне любопытная и крайне удивительная для нашего времени—Экклезіастъ... Когда читаешь ее—не вѣрится, что она писана была въ глубокой древности. Это—книга нашихъ дней, это апоѳеозъ усталости и отвращенья къ жизни и къ людямъ, это наша тоска, наша боль, наша горькая и углубленная страданьемъ мудрость! Говорятъ, наше время худосочно и вырожденье есть его печать, потому-де и пѣсни такъ печальны и выхода нѣтъ и надежда утратила свое обаяніе... Но вотъ передъ нами человѣкъ богу подобный, царь царей, судія мудрый, богатырь, во всей славѣ своей, во всей роскоши своей, царь, подобнаго которому не знала ни одна земля!!! О, онъ былъ счастливъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, не было такого наслажденія, котораго бы онъ не извѣдалъ, не было такого порока, который бы не былъ выпитъ имъ до дна, не было идола, которому онъ не поклонился!!! Всѣ богатства земли принесены были Іеговой ему въ даръ, всѣ плоды земные, все великолѣпіе,

вся красота земли повиновались ему, его боялись, предъ нимъ благоговѣли, и царица Савская изъ далекихъ странъ прибыла къ нему, чтобы изумиться предъ великою его мудростью!.. Вотъ обнажилась предъ нимъ тайна, вотъ раздвинулись предъ нимъ завѣтныя двери глубины глубинъ и, зачерпнувъ, онъ пилъ свою чашу жадно, безпрерывно, до дна... И что же? Что увидѣлъ онъ за этими чудесными вратами, что оказалось на днѣ!?.. Страшно подумать! Великій человѣкъ съ силою льва, съ умомъ генія,—смирился передъ мудростью зловѣщею и страшною, имя которой—гибель, отчаянье, усталость!.. Ее—эту мудрость возвелъ онъ на тронъ и самъ преклонилъ предъ нею колѣна, ее онъ призналъ могущественной, предъ нею онъ ужаснулся и сказалъ: „Видѣлъ я всѣ дѣла, какія совершаются подъ солнцемъ, и вотъ все—суета и затѣи вѣтряныя!“.. Все суета, все ничтожно, все гибельно, вотъ слова, которыя не сходятъ теперь съ устъ царя всѣхъ царей, вотъ выводъ, къ которому привелъ его жизненный опытъ!.. Казалось бы, нельзя было ожидать такого вывода отъ того, кто былъ счастливѣе всѣхъ на землѣ и мудрѣе всѣхъ мудрецовъ... Казалось бы, онъ долженъ только благодарить Судію за всѣ дарованныя ему блага и успокоиться съ чистою совѣстью, ибо на то онъ и человѣкъ, чтобы смириться и успокоиться!.. Казалось бы, онъ можетъ скорѣе примириться съ жизнью, благословить ее, умилиться предъ нею, вѣдь иначе было бы и неблагоразумно и стыдно, и неблагодарно ввиду столькихъ успѣховъ, столькихъ благъ, дарованныхъ Богомъ... И вотъ, вмѣсто этого, слышится такое чистосердечное признаніе: „И возненавидѣлъ я жизнь; потому что противны мнѣ дѣла совершающіеся подъ солнцемъ, такъ какъ все суета и затѣи вѣтряныя!“... Отчего? Ужели это признакъ только старческаго утомленія, ужели это лишь слѣдствіе пресыщенія и хандра отъ излишествъ?... О, если бы такъ, то дѣло было бы куда проще и естественнѣе, и съ этимъ можно было бы примириться и оставить, и пройти мимо...

Нѣтъ, мы видимъ, что эта трагическая мудрость проистекаетъ изъ того же источника, что и въ наши дни, изъ жизненнаго опыта и есть слѣдствіе того исканія правды, абсолютной правды, которое нынѣ приводитъ къ самоубійству сотни юныхъ и вѣрующихъ душъ! Царь Соломонъ это подтверждаетъ слѣдующими, полными глубокаго и проникновеннаго смысла словами: „И рѣшился я въ сердцѣ своемъ изслѣдовать и испытать разумомъ все, что дѣлается подъ небомъ: *это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы мучили себя имъ!*“... *). Поистинѣ, тяжелое занятіе, тяжелѣе всего на землѣ, тяжелѣе смерти самой! Здѣсь, въ этихъ бѣглыхъ, для многихъ незначительныхъ словахъ затронутъ основной нервъ трагедіи современности, трагедіи безысходной, предъ которою всѣ мы такъ безсильны, такъ жалки, такъ ничтожны... Въ этихъ словахъ мудраго Соломона вскрыта вся подоплека современныхъ религіозныхъ исканій, всѣхъ прозрѣній въ глубину, всѣхъ горькихъ плодовъ познанія міра сего!.. Какая насмѣшка,—легкая, чуть-чуть, а сквозь насмѣшку—боль, боль оскорбленной, обманутой, извѣрившейся души, боль неисцѣлимая! Да, это даровано, несомнѣнно, больше для того, чтобы мы мучили себя этимъ тяжелымъ занятіемъ!.. Кто знаетъ эти муки? Кто видѣлъ ихъ? Только четыре стѣны собственной комнаты, только глухая бездна безсонныхъ ночей, только вѣчно суровый и вѣчно карающій Богъ! Соломонъ подошелъ къ обнаженному нерву земли и увидѣлъ, какова боль, увидѣлъ, каково безысходное отчаянье, увидѣлъ и услышалъ то, что не подобаетъ видѣть и слышать царю, и горькая печаль, печаль безграничная появилась на его лицѣ!.. Соломонъ на время низшелъ по ступенямъ трона своего къ жизни, не ради того, чтобы принять ее, а ради любопытства, ради обогащенія собственной мудрости своей, ради той правды, которая грезилась ему въ его сладкихъ и безмятежныхъ снахъ!.. Но нѣтъ ничего ужаснѣе, когда человѣкъ идетъ въ

*) Курсивъ мой, А. З.

жизнь дабы провѣрить собственныя теоріи о ней! Здѣсь ждутъ его неожиданности, которыхъ онъ могъ бы избѣжать въ другое время, здѣсь всѣ теоріи, всѣ системы, вся логистика, все духовное благодушіе мигомъ разсыпаются въ прахъ, здѣсь ему откроется непремѣнно нѣчто такое, послѣ чего ему ужъ не сдобровать, послѣ чего остается или ограничить себя насильно, ради собственнаго своего блага, или, что рѣдко случается, сойти съ ума! То, что увидѣлъ Соломонъ въ этой новой для него жизни, было вѣроятно, настолько невыносимо, прямо физически невыносимо, что онъ потомъ старается заглушить это все эпикурейскими возгласами и старческою бодростью, ибо такъ и надо!.. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, мудрый царь Соломонъ лишить себя жизни и своимъ поступкомъ оскандалить мудрость этой земли! О, для этого онъ былъ слишкомъ мудръ, онъ зналъ нѣкій секретикъ, позволяющій всѣмъ мудрецамъ отлично устраиваться въ этой жизни, разумѣется, цѣною гибели другихъ, это ужъ въ порядкѣ вещей! Кромѣ того, онъ былъ занятъ постройкой Іерусалимскаго храма, а это ужъ какъ-никакъ, причина уважительная!

Однако, что таится въ его словахъ о міровой скорби: „...видѣлъ я всякія угнетенія, какія совершаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и отъ руки угнетающихъ ихъ насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ!.. И почелъ я мертвыхъ, которые давно умерли, счастливѣе живыхъ, которые еще живутъ. А счастливѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ худыхъ дѣлъ, какія совершаются подъ солнцемъ!“... Это ли не послѣдняя ступень отчаянья? Не разочарованіе это уже, не жалоба, а полнѣйшая гибель всѣхъ надеждъ, всѣхъ иллюзій, всѣхъ наградъ небесныхъ, ради которыхъ строится Іерусалимскій храмъ! Но это не мѣшаетъ, конечно, Царю оставаться царемъ и возвышаться надъ всѣмъ міромъ, на что бы тогда понадобилась ему вся его мудрость?... Соломонъ, конечно, не былъ человѣконенавистникомъ, съ одной стороны этому препятствовалъ

его эпикуреизмъ, а съ другой—царская гуманность, и кромѣ того, чѣмъ подальше стоишь отъ людей, тѣмъ сильнѣе ощущаешь снисходительное къ нимъ отношеніе... Но то, что увидѣлъ премудрый передъ разверзшимися вратами подземелій жизни, куда не проникъ еще свѣтъ эпикуреизма, заставило его глубоко призадуматься надъ назначеніемъ человѣческаго стада! Выводъ и въ этомъ случаѣ получился далеко не въ эпикурейскомъ стилѣ, но зато—вполнѣ заслуживающій всякой похвалы, ибо онъ мудръ, мудрѣе всего, что когда нибудь изрекъ царь Соломонъ изъ златоструйныхъ устъ своихъ: „Сказалъ я въ сердцѣ своемъ: это для сыновъ человѣческихъ, чтобы испыталъ ихъ Богъ, и чтобъ они видѣли, что они скоты сами по себѣ. Потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ духъ у всѣхъ, и преимущества человѣка передъ скотомъ нѣтъ, потому что все суета. Все идетъ въ одно мѣсто, все произошло изъ праха и все обратится въ прахъ!“ (Экклез. гл. 3. 18—20).

Соломонова философія—это философія нашихъ дней, философія отчаянья, философія разрушенья, философія самоубійства... Вѣдь, въ сущности, конечнымъ выходомъ на первый взглядъ, изъ всего, должно явиться только самоубійство! Это такъ и происходитъ на плоскости жизни вездѣ и всегда, да и иначе и быть не можетъ, но на самомъ дѣлѣ это, какъ мы увидимъ послѣ, есть и не выходъ и не разрѣшеніе, а просто поверхностное отношеніе къ тому, что заслуживаетъ само по себѣ гораздо большей проникновенности... Но такъ бываетъ всегда. Только избранные, только глубокіе, только истинно-мудрые извлекаютъ истину изъ нѣдръ жизни, эту истину они покупаютъ дорогой цѣной, а между тѣмъ, становясь достояніемъ многихъ, она переходитъ въ заразу, и именно у тѣхъ, которые поняли ее самымъ поверхностнымъ образомъ! Даже эту истину способно опошлить человѣческое стадо, ничто не укроется отъ него, ибо такова жизнь!

Истина же эта не такъ проста, чтобы сдѣлаться общественнымъ достояніемъ, она для избранныхъ, она составляетъ сокровище аристократовъ духа, а не черни, и если чернь питается ея крохами, то это жалко и смѣшно, и не заслуживаетъ вниманія...

Но горе тѣмъ еще, которые питаются ядомъ этой истины и несутъ ее въ жизнь, и жизнь хотятъ сдѣлать не словами, а дѣломъ, чернила превратить въ кровь, мудрость древнюю и усталую—въ жертву!.. Ибо имъ должно быть вѣдомо, что лучшая броня отъ всѣхъ ужасовъ вселенной есть броня изъ тѣхъ же самыхъ человѣческихъ словъ, которыя имъ такъ ненавистны, что лучшее занятіе, самое безопасное и самое прочное—это смотрѣть на жизнь съ высоты своего величія, сквозь пальцы, съ презрѣніемъ, съ брезгливостью, и вырабатывать въ душѣ своей холодъ и равнодушіе ко всему, и стремиться лишь къ тому, чтобы какъ можно ловчѣе и талантливѣе поиздѣваться надъ людьми, чтобы какъ можно больше изъ нихъ одурачить, втоптать въ грязь, оплевать, изуродовать, вотъ все, на что способенъ мудрецъ, чтобы достигнуть покоя и холода въ душѣ!.. Кто пойметъ, кто увидитъ, что сдѣлали люди съ душой, съ самымъ принципомъ души, кто увидитъ, какъ понимаютъ и относятся къ жертвѣ, кто услышитъ вопль и душу раздирающіе крики о помощи среди одиночества, тотъ согласится, что подлинному мудрецу въ жизни нечего дѣлать, что онъ долженъ или отречься отъ своихъ сокровищъ въ пользу самой жизни, или же запутать весь міръ сѣтью хитрыхъ, жалкихъ и безсильныхъ словъ... Всякое другое отношеніе невозможно и немыслимо!..

Но что дѣлать тѣмъ, которые не могутъ жить словами и для которыхъ жертва и жизнь—одно?!.

Вотъ они губятъ себя своимъ собственнымъ безсиліемъ, вотъ они на глазахъ всѣхъ отдаютъ невѣдомому Ваалу самое цѣнное, самое единственное свое сокровище—жизнь... Откуда они! Кто они? Ихъ такъ много, ихъ все прибываетъ, они не могутъ выдержать законовъ жизни

и пренебрегаютъ этими законами на каждомъ шагу, они изъ жертвенности своей устроили публичную арену для черни, они покупаютъ кровью своею теплоохладное благодушіе упитанныхъ скотовъ и вспухшихъ пауковъ этого міра, которые, умилившись своей добротой, несутъ „жратву“ и только „жратву“ тѣмъ несчастнымъ, которые не изъ за „жратвы“ сходятъ съ ума и лишаютъ себя жизни, а отъ такихъ причинъ, которыя никогда не будутъ поняты благодушными скотами, никогда, ве смотря на всякія благотворительныя слезы, которыя въ сущности, всегда оказываются крокодильими слезами и только! Ибо стоитъ надъ всѣмъ этимъ нѣчто такое, предъ чѣмъ спасовалъ даже самъ мудрый царь Соломонъ и сталъ еще усерднѣе, еще яростнѣе строить свой Іерусалимскій храмъ! Это то, что не такъ то легко можно искупить и еще труднѣе понять, это (имѣющіе уши слышать, да слышатъ)—*страхъ жизни и одиночество*! Пусть улыбаются румяныя толстокожія рожи, пусть ухмыляются, но это такъ... Есть у нихъ два закадычные врага, косящіе острой, безпощадной косой смерти вокругъ нихъ тысячи юныхъ, прекрасныхъ, живыхъ жизней; тысячи скелетовъ хрустятъ, образуя зловѣщую пирамиду, на вершинѣ которой всегда возвышается какъ луна—мордастое, жирное, вспухшее отъ собственнаго удовольствія, отъ собственной благотворительности, проклятое лицо! И пусть возмущаются, пусть брюзжатъ, пусть усиливаютъ свою „жратву“ въ тысячу разъ, жизнь отъ этого не измѣнится, не измѣнится ни на іоту, и пока не свершится какое-нибудь изъ рукъ вонъ выходящее чудо, до тѣхъ поръ надъ жизнью не перестанутъ владычествовать одиночество и безумный страхъ жизни!

Знаетъ ли кто, что такое одиночество въ своей сущности? Если и знаютъ, то, конечно, немногіе, и эти нѣмногіе строго хранятъ тайну и, пребывая въ одиночествѣ, молчатъ о немъ, молчатъ упорно, боясь повидимому ужаснуться передъ своимъ собственнымъ разсказомъ!.. Но былъ писатель особенный, писатель безумный, который не могъ не разсказать, который слишкомъ страдалъ, что-

бы не излить всю свою душу, чтобы не распять ее предъ людьми въ тоскѣ и страхѣ, писатель, который въ эти дни поражаетъ своимъ глубокимъ родствомъ съ этими тысячами жертвенныхъ душъ,—Гюи де-Мопассанъ... Онъ, можетъ быть, единственный, кто позналъ ужасъ одиночества и ужасъ страха жизни, который проникъ въ такіе провалы человѣческой души, о которыхъ можно или говорить шепотомъ, или лучше всего, вовсе не говорить! И какъ понятна становится, когда читаешь его, душа самоубійцы, душа приговоренная къ смерти по волѣ своего одиночества и своего страданія! Душа, доведенная до страдальческаго экстаза своею безпомощною утонченностью, душа, потерявшая всякую надежду и всякое сознаніе смысла жизни, душа израненная и обезумѣвшая чувствуется въ этихъ признаніяхъ о томъ, что непреодолимо, что вѣчно, что ничѣмъ не можетъ быть преодолѣно, чего не можетъ уничтожить и излѣчить даже великая сила любви! Мопассанъ, этотъ великій психологъ жизни, нашелъ на своемъ языкѣ выраженіе тому, что не поддается словотолкованію, нашелъ и поразилъ чисто музыкальнымъ выраженіемъ одиночества, вотъ почему это такъ трогаетъ, такъ потрясаетъ, такъ заставляетъ въ ужасѣ, въ отчаяньи подойти къ безднѣ и заглянуть! О, какъ кружится голова у того, кто заглянетъ, какой страхъ рождаетъ это геніальное проникновеніе въ самую сущность того состоянія, которое приводитъ только къ смерти. „Слушай! Съ тѣхъ поръ, какъ я почувствовалъ одиночество моего существа, мнѣ кажется, что я углубляюсь, съ каждымъ днемъ, все больше и больше въ темное подземелье, конца котораго я не знаю, которое, можетъ быть, даже не имѣетъ конца! Я иду, не имѣя никого съ собою, не чувствуя никого вокругъ себя, никого живого, который бы совершалъ тотъ же мрачный путь. Это подземелье—жизнь. Иногда я слышу шумъ, голоса, крики... Я ощупью направляюсь къ этимъ смутнымъ звукамъ. Но я никогда не знаю, навѣрное, откуда они исходятъ! я никогда никого не встрѣчаю, я никогда не нахожу другой руки въ той темнотѣ, которая меня окру-

жаетъ. Понимаешь ли ты меня?"... Кто можетъ понять? Никто. Между людьми стѣна. Кто воздвигъ ее—неизвѣстно, но стѣна непреодолима, стѣна разрушаетъ всѣ надежды на откликъ, стѣна убиваетъ желаніе позвать того, кто не можетъ, органически не можетъ понять...

Вотъ участь многихъ обреченныхъ. Участь безысходная. Зачѣмъ всѣ страданія, зачѣмъ глубокость ихъ, зачѣмъ красота души и эти страстные порывы и молитвы, если ихъ никто не пойметъ и не оцѣнитъ въ такой мѣрѣ, въ какой это намъ хочется?! Остаться одному и одному воздвигнуть царство свое... Но въ томъ то и наша слабость, что мы всегда требуемъ другой души, всегда требуемъ, чтобы она отражала въ себѣ нашу боль, ибо намъ ничто не доставляетъ такого наслажденья, какъ проникновенное пониманіе!.. Богатство души... Но часто, вмѣсто богатства—одна пустота, пустота жадная и тоскующая, пустота требующая заполненія. Но чѣмъ заполнить ее, если все въ мірѣ такъ ничтожно, такъ пошло, такъ ужасно? Но какъ подойти къ другому, какъ открыть ему свою душу, если онъ можетъ дать одну только боль, а все, что дастъ кромѣ боли—будетъ неискренно, будетъ эгоистично, будетъ лживо!.. „Знаешь ли ты что-нибудь болѣе ужасное, чѣмъ это постоянное соприкосновеніе съ существами, которыхъ мы не можемъ проникнуть? Мы любимъ другъ друга, какъ будто бы прикованные совсѣмъ близко одинъ къ другому, съ протянутыми руками, но не имѣя возможности никогда соединиться. Мучительная потребность единенія живетъ въ насъ, но всѣ наши усилія остаются безплодными, наши изліянія безполезными, объятья безсильными, ласки тщетными. Когда мы хотимъ слиться, наши порывы другъ къ другу только заставляютъ насъ толкать одинъ отъ другого... Я никогда не чувствую себя болѣе одинокимъ, какъ тогда, когда хочу открыть свое сердце какому-нибудь другу, потому что въ это время еще лучше понимаю непреодолимое препятствіе, насъ раздѣляющее". И какъ пойти навстрѣчу другъ другу, пробираясь сквозь жизнь, если вамъ страшно идти, если все

въ этомъ мірѣ на каждомъ шагу заставляетъ васъ содрогаться, если такъ сильна боязнь жизни? Отчего она, эта боязнь?.. Пусть лучше никто не спрашиваетъ, отчего... Это болѣзнь, рожденная самою жизнью, это болѣзнь смертельная, заразительная и безпощадная, все наше поколѣніе страдаетъ этимъ недугомъ! И хочется сказать этимъ жизнямъ, лилейно-нѣжнымъ, хрупкимъ, болѣзненно прекраснымъ; „зачѣмъ вы здѣсь? Зачѣмъ вы принесли сюда свои души, зачѣмъ вы утончили ихъ такъ безмѣрно, зачѣмъ ваша великая, ваша безумная жажда правды сдѣлала васъ безнадежно усталыми и извѣрившимися, и преждевременно состарившимися! И какъ преодолѣть ту жестокую мысль, что вы не для жизни и жизнь не для васъ!"...

Чеховъ—самое больное мѣсто нашей жизни, самый отчаянный ея надрывъ, Чеховъ, котораго нынѣ господа казуисты возводятъ чуть ли не въ общественники, онъ одинъ у насъ понималъ, еще задолго до этого времени, что такое страхъ жизни и что такое гибель!.. Онъ заодно съ Мопассаномъ подрывалъ основы этого міра, пока самъ не погибъ въ этой отчаянной и неблагодарной работѣ!

Въ словахъ Чехова, которыя знаетъ почти каждый наизусть,—слышится вопль погибающихъ безъ почвы людей, чьи жертвы возносятся ежечасно неизвѣстно зачѣмъ и для чего въ наши дни. „Что и говорить,—жалуется онъ въ одномъ мѣстѣ — страшны видѣнія, но страшна и жизнь. Я, голубчикъ, не понимаю и боюсь жизни. Есть боязнь—боязнь пространства, такъ вотъ и я боленъ боязнью жизни. Когда я лежу на травѣ и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимаетъ, то мнѣ кажется, что ея жизнь состоитъ изъ сплошного ужаса, и въ ней я вижу самого себя... Я неспособенъ различать, что въ моихъ поступкахъ ложь и что правда, и они тревожатъ меня. Я сознаю, что условія жизни и воспитаніе заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть не что иное,

какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я до самой смерти не выберусь изъ этой лжи! („Страхъ").

Какъ разобраться въ тинѣ жизни, а вѣдь она крѣпко окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Все въ жизни ужасаетъ наши нервы, наши души, наши сердца, потому что мы перестали понимать то, что раньше казалось намъ такимъ элементарнымъ и такимъ простымъ! Мы не можемъ найти себѣ такого мѣста, гдѣ бы насъ оставили угрызенія совѣсти, страшные кошмары дѣйствительности и ея страхъ, и ея изначальный, проклятый ужасъ!.. Напрасно строимъ себѣ воздушные замки, чтобы убаюкать себя хоть на часъ, хоть на время, жизнь ворвется вдругъ, неожиданно, извнѣ и опрокинетъ все, и броситъ съ ужасающей высоты нашу душу въ пучину гибели! А потомъ какъ ужъ оправиться отъ паденія, какъ избавиться отъ ноющей боли, отъ заразы, уносящей насъ въ дикомъ ураганѣ туда, въ неизвѣстность, въ полное забвенье, которое теперь ужъ кажется единственною пристанью? У Нитцше, котораго нѣкоторые несчастные хотятъ во что бы то ни стало сдѣлать бодрымъ и сильнымъ человѣкомъ, есть прелюбопытнѣйшее признаніе, признаніе, брошенное быть можетъ безсознательно, такъ какъ онъ скупо и рѣдко открывалъ себя безъ сверхчеловѣческихъ декорацій.

Вотъ эти драгоцѣнныя слова Нитцше: „Вокругъ насъ бродятъ привидѣнія, каждое мгновенье жизни хочетъ намъ что то сказать, но мы не хотимъ слушать эти таинства. Мы боимся, когда мы одни въ тишинѣ, что намъ прошепчутъ что то на ухо, и потому мы ненавидимъ тишину и оглушаемъ себя общеніемъ съ людьми!"... Даже Нитцше, апологетъ сильной воли, склонился предъ тишиной и привѣтствовалъ ее, какъ спасенье, какъ откровеніе свыше. Что же говорить о тѣхъ, которые ощущаютъ, какъ въ этой темной тишинѣ, зловѣщей и холодной, тонетъ весь міръ? И вся вселенная намъ представляется

обреченной на гибель, потому что погибаемъ мы. И нельзя не согласиться съ поэтомъ, который въ такихъ краскахъ и въ такомъ видѣ нарисовалъ намъ нашу землю, погруженную въ всепоглощающій океанъ тишины:

Пустынный шаръ въ пустой пустынѣ,
Какъ дьявола раздуміе...
Висѣлъ всегда, виситъ понынѣ...
Безуміе... Безуміе...
Единый мигъ застылъ и длится,
Какъ вѣчное раскаянье...
Нельзя ни плакать, ни молиться!..
Отчаянье. Отчаянье.
Пугаетъ кто то мукой ада,
Потомъ сулитъ спасеніе.
Ни лжи, ни истины не надо.
Забвеніе! Забвеніе!
Сомкни плотнѣй пустыя очи
И тлѣй скорѣй, мертвецъ.
Нѣтъ утръ, нѣтъ дней, есть только ночи.
Конецъ *).

II.

Какъ мы видѣли, главнѣйшими причинами самоубійства могутъ быть названы одиночество и страхъ жизни... Но говоря такъ, мы обошли еще одну, едва ли не основную и побудительную причину, а именно то, что составляетъ самую жизнь, что является если не ея единственною сущностью, то безъ сомнѣнія—основнымъ ея нервомъ,—*страданье жизни*... Всякая жизнь вообще есть уже страданье, но чѣмъ она интенсивнѣе, чѣмъ глубже, чѣмъ утонченнѣе, и чѣмъ требовательнѣе къ ней относится человѣкъ, тѣмъ сильнѣе страданье, и въ концѣ концовъ—страданье замѣняетъ жизнь, жизнь становится одной мукой! Это законъ неизбѣжный, законъ ужасный, законъ, противъ котораго не можетъ пойти ни одинъ человѣкъ, законъ жизни!.. Если бы можно было

*) З. Гиппіусъ.

создать картину и изобразить на ней все то, что дѣлаетъ этотъ законъ съ жизнью и съ людьми, если бы явился такой геній, который могъ бы создать символъ всего этого, то то, что увидѣли бы на картинѣ, смогло бы убить своимъ ужасомъ человѣка... Но этого нѣтъ и не можетъ быть, каждый человѣкъ покоряется, потому что нѣтъ у него силъ и возможности никому сказать то, что его ужаснуло, что придавило, что исковеркало, и вотъ, человѣкъ молчитъ, пока есть силы молчать, а страданье его не молчитъ, нѣтъ, оно рождаетъ въ мозгу его безумные кошмары, оно поетъ надъ нимъ дикія, заунывныя пѣсни, пѣсни тоски, оно заставляетъ рыдать его сердце, заставляетъ молиться и въ молитвѣ безудержно, безконечно, безсильно распинать свою душу, распинать, и беречь и хранить свою горькую, свою страшную тайну отъ человѣческихъ глазъ!.. Сколько душъ вокругъ, и посмотрите, каждый человѣкъ—это скрытая, запечатанная, замершая таїна, тайна страданья, и что изъ того, что она сокрыта, ее чувствуетъ всякій, кто умѣетъ чувствовать, она ощущается въ каждомъ словѣ его и движеніи... И горе, если страданье не сумѣетъ снести человѣкъ, горе, когда оно его такъ придушитъ, такъ обезобразитъ, такъ исковеркаетъ, что ему нужно будетъ закричать отъ боли и открыть свою душу... Тогда на эту открытую душу упадетъ непомѣрная тяжесть отъ позора человѣческихъ взглядовъ, человѣческихъ прикосновеній, тогда эту вырвавшуюся изъ подъ спуда тайны душу убьетъ человѣческая пошлость, тогда человѣкъ не выдержитъ и покончитъ всѣ счеты съ жизнью, чтобы избавиться отъ позора. Какой заколдованный кругъ: дана человѣку тяжесть безмѣрная, данъ непосильный крестъ, и онъ не можетъ, не смѣетъ облегчить эту тяжесть ничѣмъ, потому что нѣтъ средствъ, и всякое средство лишь издѣвательство міра надъ тайной, потому что выхода нѣтъ среди ужасовъ, среди терній, среди препятствій, и нужно кружиться въ паническомъ страхѣ, и единственное, что можетъ сдѣлать чело-

вѣкъ,—такъ это разбить свою голову объ одно изъ препятствій, дико, слѣпо, безконечно кружась!

Я не знаю въ эти дни болѣе удачнаго толкованія психологіи этого замкнутаго круга, чѣмъ то, которое далъ Алексѣй Ремизовъ въ своихъ „Крестовыхъ сестрахъ". Ремизовъ, этотъ безподобный психологъ человѣческой боли, писатель, весь исковерканный страданьемъ до искренняго юродства, только онъ могъ написать такую вещь и въ ней открыть то, что доселѣ таилось на днѣ скорбящихъ и погребенныхъ душъ, изнемогающихъ отъ неумолимаго закона жизни. Это ужъ подлинная святая бродячая Русь, обреченная на вѣчное странствіе изъ огня да въ полымя, и тяжелой цѣной куплена ею эта святость, пусть полюбуются. Пусть посмотрятъ, какой ужасъ здѣсь создало страданье, пусть увидятъ, есть ли на этихъ измученныхъ, изуродованныхъ, изнасилованныхъ душахъ хоть одно мѣсто, не покрытое страшными язвами неизлѣчимой боли, пусть воочію увидятъ позоръ, тотъ позоръ, когда открывается душа и кричитъ, надрывается, бьется, а ее со всѣхъ сторонъ только бьютъ, только оскорбляютъ, только отталкиваютъ! Чтобы понять, до чего можетъ простираться страданье этой земли, мало быть художникомъ, для этого нужно самому окунуться въ эту бездну, самому пройти сквозь всѣ муки, упиться страданьемъ до опьяненія безумнаго, и въ этомъ опьяненіи, въ этомъ изступленномъ надрывѣ нутромъ выбросить наружу всю эту муку и весь этотъ дикій, нечеловѣческій, страстный вопль!.. Кто знаетъ, откуда взялись у Ремизова силы вынести ужасъ и не погибнуть отъ него, и еще написать послѣ него „Крестовыя сестры"? Впрочемъ, на то онъ и литераторъ, литератору безъ сомнѣнія легче жить на этомъ свѣтѣ, у него подъ рукой имѣется всегда единственное лекарство—перо и бумага... Бумага иногда и отъ самоубійства можетъ спасти, незамѣнимая, превосходная это вещь,—бумага... Она позволяетъ писателю подойти къ самой безднѣ и не погибнуть въ ней, она позволяетъ ему нести тяжелый, невыносимо тяжелый крестъ, и не только не

упасть подъ нимъ, но еще въ самой пыткѣ найти красоту, она принимаетъ, собираетъ все то, что невозможно иногда собрать великимъ силамъ, и если и остается послѣ этого у художника легкій осадокъ отъ всего этого, то это ничего, отъ этого только легкая, щекочущая скука, помогающая ему смотрѣть на весь міръ сквозь пальцы равнодушія и съ побѣдоноснымъ видомъ позѣвывать. И какъ понятно послѣ этого становится восклицаніе Нитцше, призывающаго сжечь всѣ бумаги, всѣ книги міра сего на одномъ кострѣ, чтобы кончились бумажныя слова и бумажная жизнь, чтобы уничтожалось унизительное понятіе литературщины! Это особенно характерно у Нитцше, видно, что это былъ самый больной вопросъ всей его жизни, проклятый, роковой, неразрѣшимый вопросъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, не ужасно ли, не поражаетъ ли какимъ то безстыднымъ издѣвательствомъ то обстоятельство, что Нитцше книжный, Нитцше, создавшій грозно карающаго сверхчеловѣка, Нитцше, разрушившій на бумагѣ *все*, не оставившій камня на камнѣ, въ жизни былъ робкимъ, слабымъ, тщедушнымъ человѣкомъ, какихъ много, и какъ безпомощный ребенокъ бился въ тискахъ самой обыкновенной болѣзни, которая источила его всего, словно въ насмѣшку противопоставивъ всѣмъ сверхчеловѣческимъ словамъ его собственное безсиліе, какъ человѣка! Послѣ этого поневолѣ закричишь: „долой бумагу и пусть больше не воняетъ ея литературный тлѣнъ!“

Въ „Крестовыхъ Сестрахъ“ далеко не та искренность, не та мука, что была въ „Прудѣ“—единственной незаурядной вещи, которую создалъ еще не книжный, а обезумѣвшій Ремизовъ! И что бы ни говорили о достоинствахъ Ремизовскихъ произведеній, я останусь при своемъ мнѣніи *) относительно „Пруда“, какъ геніальнаго документа, психологически истолковывающаго конфликтъ между страданьемъ и искусствомъ! Въ „Крестовыхъ Сестрахъ“ однако больше жизни, чѣмъ въ „Прудѣ“, гдѣ

*) См. мою книгу: „Подполье“.

проходитъ предъ нами картина *только* одной души: здѣсь же изображена вся русская дѣйствительность, здѣсь выведено множество типовъ, и, хотя въ сущности, это все лишь *символы* страданья, но нѣтъ сомнѣнія, что жизнь, реальная, современная русская жизнь, отразилась въ нихъ со всѣми характерными и бытовыми подробностями!

Маракулинъ, главный герой „Крестовыхъ Сестеръ"— это какъ бы одинъ сплошной вопль, который вынесенъ Ремизовымъ изъ тайниковъ человѣческаго страданья, это не что иное, какъ самое это страданье, прошедшее сквозь призму обыденщины и бѣгущее въ дикой пляскѣ, словно ищущее выхода среди всего этого кошмара, а выхода нѣтъ, нигдѣ нѣтъ, одинъ заколдованный кругъ! Что создалъ Маракулинъ въ страданьи своемъ, какіе страшные сны истомили его душу, какіе ужасы, какіе вопли услышалъ онъ среди этого ада, что создала жизнь,— чтобы понять это, нужно прочесть эту повѣсть, и я объ этомъ говорить не стану. Для меня важно то обстоятельство, какъ блестяще удалось Ремизову нарисовать потрясающую картину униженія человѣческой души, униженія безысходнаго, происходящаго только оттого, что этотъ человѣкъ, вслѣдствіе случившагося съ нимъ несчастья, научился все видѣть, слышать и чувствовать!!! Какая иронія жизни! Вѣдь этимъ Ремизовъ какъ бы нарочно подчеркиваетъ мысль, что для того, чтобы человѣкъ могъ глубоко, по настоящему научиться все видѣть, слышать и чувствовать, ему необходимо сдѣлаться несчастнымъ! Только страданье извлекаетъ изъ человѣка-звѣря его душу, только страданье способно заставить его ощущать всѣ ужасы вселенной, только страданье можетъ пробудить въ нѣдрахъ глубочайшихъ тайниковъ и трепетъ безпричиннаго страха, и тоску безмѣрную, убійственную и непреодолимую, и рыданье, и слезы, и, какъ слѣдствіе всего этого,—проникновенное, тонкое пониманіе жизни, пониманіе, повисшее надъ гибельною бездной! И какъ одинока душа въ этомъ *страдальческомъ познаніи*, это Маракулинъ сознаетъ, и страшно ему отъ этого сознанія! Ходитъ

онъ среди людей, весь искалѣченный, весь изнемогающій, весь превращенный въ кровь и плоть своей боли, и не можетъ понять, отчего онъ такъ безмѣрно одинокъ, отчего изъ тысячи людей, которые вокругъ,—никто не слышитъ, никто не видитъ, никто не чувствуетъ, какъ обижена, какъ оплевана, какъ истерзана его душа! Каждый человѣкъ, къ которому онъ подходилъ за помощью, его отталкивалъ, онъ опустился изъ за этихъ отталкиваній на самое дно человѣческой жизни, туда, гдѣ ютятся такіе же, какъ онъ—отброшенныя, опозоренныя и исковерканныя жертвы непобѣдимаго закона жизни! И тогда стала ему понятна жестокая истина, что никто не поймѣтъ, никто не услышитъ, никто не сжалится, что „человѣкъ человѣку бревно! И сколько не молись ему, не услышитъ; сколько ни кличь, не отзовется; лобъ себѣ простукаешь, лбомъ предъ нимъ стучавши, не пошевельнется: какъ поставили, такъ и будетъ стоять, пока не свалится, либо ты не свалишься". Вотъ, какова жизнь. Можно истерзаться и отчаяться, и на гибель себя обречь, можно рыдать и умолять кого то, чтобы снялъ камень съ мозга, можно наконецъ, убить самого себя и принести въ жертву молчанью свое выстраданное познаніе, жизнь отъ этого не измѣнится. И стыдъ почувствовалъ Маракулинъ, великій стыдъ отъ того, что вздумалъ идти къ людямъ и требовать отъ нихъ помощи, понялъ онъ, что онъ погибшій человѣкъ, ибо научился болѣзненно остро все видѣть, слышать и чувствовать. „Ну, погибшій, безправный—и терпи, терпи и забудь!.. Навалится бѣда, забудь, что на свѣтѣ люди есть, люди не помогутъ, а если и захотятъ помочь, все равно, бѣда дѣла ихъ разстроитъ, всякое дѣло ихъ на нѣтъ сведетъ, разгонитъ и запугаетъ, и потому о людяхъ забудь!"... Какъ корчится, бьется, обливается кровью человѣческое сердце предъ страшнымъ закономъ! Гдѣ взять силы, чтобы забыть, что онъ—этотъ законъ—существуетъ? Гдѣ спрятаться, куда уйти, чтобы избавиться отъ гибели? И кто можетъ избавиться? Кто можетъ простымъ способомъ спасти

свою душу отъ гибели? Ни за что не спасется простымъ способомъ! Себя долженъ перехитрить, себя обмануть, закружиться въ вихрѣ лжи, такъ закружиться, чтобы въ глазахъ потемнѣло, чтобы ушло въ жиръ, въ глупость, въ тупость всякое сознаніе, чтобы, не брезгуя ничѣмъ—можно было снова изъ человѣка звѣремъ сдѣлаться, ибо лучше звѣриной жизни что можетъ быть?! Былъ однажды у Маракулина среди бѣлаго дня кошмаръ! Видѣлъ онъ, какъ убилась кошка—бѣлая, гладкая кошка Мурка съ сѣдыми усами. Лежала на камняхъ, перекатывалась, жалобно пѣла, лапками барахталась и стучала въ окна... Издѣвается надъ людьми жестокость, вотъ они барахтаются въ собственной крови, много ихъ, много, душатъ другъ друга, визжатъ, насилуютъ, убиваютъ, а Маракулину кажется, что никого нѣтъ, что всѣ вопли, вся горечь, вся кровь вошли, воплотились въ эту прибитую издыхающую кошку Мурку... Ея крикъ, жалобный, мяукающій крикъ не даетъ Маракулину покоя, онъ преслѣдуетъ его всюду, среди дней, среди удушья, среди безсильной борьбы чудится ему, какъ, перекатывается по камнямъ израненная кошка Мурка, жалобно визжа отъ человѣческой боли... *„Воздуху дайте! воздуху дайте!“*—кричитъ она и катается по камнямъ и глядитъ вверхъ, къ окнамъ. Всѣ задыхаются въ человѣческомъ аду, каждая душа вопитъ, задыхаясь и изнемогая отъ внутренней боли: „воздуху дайте!“ а воздуха нѣтъ, все сгущается въ мракъ, мѣшающій жить и двигаться, все какъ единый кошмаръ виситъ надъ жизнями и каждаго готово прихлопнуть, никого не пощадитъ, никого!... Герои и, въ особенности, героини „Крестовыхъ Сестеръ“—это одно издѣвательство закона жизни надъ душой, это однѣ жертвы, это одна измученность, одна обнаженность тоски, одинъ слѣпой и задыхающійся въ крови и рыданьяхъ—надрывъ! Самый яркій образъ—это конечно, Женя, эта настоящая крестовая сестра, доведенный Ремизовымъ до безумія образъ Сони Мармеладовой! Какъ надругались надъ душой! Какъ опозорили! Какъ осквернили! Если бы это была просто женщина, то

она бы не вынесла, задохнулась бы, убила бы себя! Но это не Женя, это Ремизовскій символъ страданья, это апоѳеозъ его, его рыдающая, торжественная „осанна!“, это сама боль земли, такъ горько взлелѣянная, такъ тяжко выплаканная, такъ безумно разсказанная! „Люди подходили къ ней и дѣлали то, что хотѣли, они дѣлали все, на что ихъ бросало, и она не могла сопротивляться, уступала имъ съ животнымъ отвращеньемъ и болью. И за то, что она уступала имъ и не могла не уступать при всемъ своемъ животномъ отвращеніи и боли, за какую то свою суть слѣпяющую и оглушающую, которая людей бросала на нее,—*ей мало казни человѣческой.* Покончить съ собою было бы очень просто, но что изъ того, если она покончитъ съ собой? И еслибы ее пытали и мучили и запытали и замучили до смерти, что изъ того, еслибы ее замучили до смерти?! Ей мало казни человѣческой, мало людской казни, сама она должна и карать и казнить себя. Но чѣмъ карать себя и какъ казнить? За три года ужаса, стыда и муки своей, въ ужасѣ, стыдѣ и мукѣ по ночамъ безъ сна ужъ волосы рвала она на себѣ и головою билась о желѣзку кровати—дѣвичьей своей кровати, но что взяла? Ничего, ровно ничего! Такъ кто же ей укажетъ казнь и какъ ей казнить себя? И она молилась со всею жгучестью ужаса, стыда и муки самоосудившаго сердца, просила Бога указать ей казнь!“. Вотъ, до чего дошла Ремизовская саможестокость, вотъ, какую безумную форму себѣ она нашла! Ему мало того, что люди опозорили и оскорбили душу, ему мало самого страданья и того ужаса, которое создало страданье, онъ хочетъ казни себѣ, своей душѣ, ибо нѣтъ силъ уже выносить все это, ибо страшное это преступленье, эта дарованная ему чрезъ страданье способность все видѣть, слышать и чувствовать, ибо нѣтъ иной возможности освободить себя отъ этой проклятой способности, кромѣ изобрѣтенія самому себѣ такой казни, которая бы превзошла все жестокое на землѣ! Скажутъ, это безуміе, это юродство, и съ этимъ нельзя будетъ отчасти и не согла-

ситься. Да, конечно безуміе, конечно юродство, это правда, но есть правда иная, правда таинственная, доступная только немногимъ, которая указываетъ на то, что именно безумнымъ и гордымъ то и трудно удержаться на занимаемыхъ ими постахъ, что нельзя оставаться вѣчно страждущимъ и вѣчно безумнымъ, что нуженъ какой нибудь исходъ, какой нибудь невѣдомый еще міру пожаръ, какое нибудь страшное, изводящее, смертноубійственное чудо для того, чтобы хоть забыться на минуту отъ этой боли, чтобы хоть на малое время передохнуть, чтобы хоть на единый часъ удостоиться блаженства ничего не видѣть, ничего не чувствовать, обо всемъ забыть. И если нигдѣ нѣтъ этого желаннаго исхода, если безумному нельзя ограничить себя и принять скотскій видъ благодушія (а вѣдь какъ бы хотѣлось сдѣлаться благодушнымъ, да куда ужъ, гдѣ ужъ!), то остается одно: самое то это страданье возвести въ неслыханнѣйшую степень, поджечь его до пылающаго костра, извести себя, такъ извести, чтобы потерять наконецъ сознаніе, и забыться, обезобразить, изуродовать свою душу до такого состоянія, чтобы ее уже никто не могъ изуродовать больше, чтобы себѣ, одному себѣ купить право мучить себя, и выкупить себя изъ позорнаго плѣна, плѣна человѣческаго. Это средство—болью лечить боль, не одному Ремизову извѣстно, оно знакомо всѣмъ одинокимъ и замученнымъ, которые жаждутъ спасенья, жаждутъ искупленья, оно знакомо также, какъ это геніально подмѣтилъ Розановъ, и только онъ одинъ,—также и религіознымъ людямъ, тѣмъ глубокимъ, настоящимъ религіознымъ людямъ, которые сами идутъ на гибель, у которыхъ гибель и Богъ—одно... Такъ и надо, больше ничего и не остается другого, человѣкъ не только любитъ оглушать себя и другихъ сильными ощущеніями, онъ до того низокъ, до того мизеренъ, до того ничтоженъ, что всю жизнь свою иногда копитъ и собираетъ скаредно всѣ силы, всѣ ухищренія свои для того лишь, чтобы хоть разъ, одинъ разъ гибелью своею превзойти всѣхъ,

всѣхъ поразить, всѣхъ уничтожить, всѣхъ затмить, чтобы хоть въ смертный свой часъ сдѣлать что нибудь необычное, выходящее изъ рукъ вонъ, чтобы хоть въ агоніи своей, въ послѣднемъ своемъ стонѣ, въ послѣдней судорогѣ своей сжечь себя всего, разомъ, до тла, побѣдоносно, величественно, презирая и издѣваясь надъ всѣмъ. Ибо ясно вѣдь, что, если нельзя жить сверхчеловѣчески, безумно, необычно, красиво жить, если человѣку суждено задыхаться въ сѣрой липкой пыли будней и дрязгъ, если его надрываетъ только собственный крикъ: „воздуху дайте, воздуху!“, крикъ всей жизни, крикъ всѣхъ дней,— то пусть хоть въ гибели своей найдетъ онъ красоту и величіе, пусть гибель его поразитъ самое сердце міра, пусть гибель его сожжетъ и его самого, и все вокругъ, и эту тоску, засасывающую, сѣрую, ядовитую тоску!.. Страшную, инквизиторскую казнь нужно устроить, дикую, отчаянную пытку нужно себѣ придумать, и зажмуривъ глаза, задыхаясь въ экстазѣ, изнемогая отъ внутренней дрожи,—всецѣло отдаться безумію, послѣднему безумію всей жизни, послѣднему издѣвательству надъ своей обманутой, опозоренной и несчастной душою, чтобы всѣ видѣли, всѣ знали, всѣ чувствовали, а не только я одинъ, чтобы избавили меня отъ ужаса нести тяжесть за другихъ, за тѣхъ, которые не хотятъ ее нести, чтобы увидѣлъ міръ, какъ горитъ душа, какъ безумна радость жертвы, какъ велика побѣда надъ жизнью, хотя бы на малое время, хотя бы на единый часъ!.. Если душу отвергли люди, если не ужаснула ихъ ея боль, ея страшная, бьющаяся, припадочная судорога, если не обратили вниманія на вопль всей жизни, то пусть будетъ эта казнь для нихъ кровавымъ зрѣлищемъ, вѣдь они такъ любятъ всякія необычныя зрѣлища, пусть все вокругъ запылаетъ, пусть все разрушится въ единый мигъ отъ того ужаса, что рождается въ гибельный часъ, пусть потемнѣютъ скотскія рожи ненасытныхъ звѣрей, выпивающихъ радости и надежды, и пусть умрутъ они, глядя на эту жертву, пусть умрутъ вмѣстѣ со мною въ единомъ

вздохѣ, въ единомъ кровавомъ рыданіи, въ единомъ всеуничтожающемъ, литургійномъ проклятіи моемъ!

„Въ великую пятницу на выносъ плащаницы Женя появилась въ церкви совсѣмъ нагая и только съ бритвою въ рукѣ. И когда понесли плащаницу, она пошла за ней, передъ ней разступались, какъ передъ плащаницей, и она стала передъ плащаницей съ бритвою въ рукѣ: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа!". Кто то отвѣтилъ: „Аминь". Тогда она подняла бритву и стала себя рѣзать, полагая кресты на лбу, на плечахъ, на груди и кровь ея лилась на плащаницу"...

Ремизовъ знаетъ, отлично знаетъ, что и это не спасетъ, что и эти кресты только усилятъ боль, что за крестами начинается великій ужасъ, ужасъ *раскрытія души*! А разъ душа раскрылась, то нѣтъ ей ужъ спасенія и покоя, и не будетъ, не будетъ до тѣхъ поръ, пока не закроется снова!.. Кто знаетъ этотъ ужасъ? Здѣсь нужна сила необычная только для того, чтобы разсказать!

Въ этомъ ужасѣ вся трагедія земли! Но тяжко, невозможно носить свою душу въ себѣ, придетъ часъ, онъ долженъ придти, когда какое-нибудь сильное горе, или великое чувство не откроютъ ее! И тогда погибло все, нельзя охранить себя отъ ранъ, ибо всякое прикосновеніе людское будетъ невыносимою пыткой, нельзя будетъ охранить себя отъ безумія, отъ смерти, потому что позоръ раскрытія и обнаженія души переходитъ границы того, что можно снести. Какъ гордъ человѣкъ, души котораго не видно, онъ можетъ дѣлать все, что захочетъ и никто не обратитъ вниманія, но какъ безмѣрно несчастенъ тотъ, у кого страданье, или любовь, или вѣра пробудили душу, разбередили всѣ больныя мѣста, зажгли губительное пламя. Люди умѣютъ терзать, никакая сила не сравнится съ ними, они замучатъ до ужаса, замучатъ и истерзаютъ душу раскрытую, и тогда ищи спасенья, молись, кричи,— позоръ будетъ невыносимъ. Можетъ ли кто измѣрить ту боль и ту усталость и тоску, которыя живутъ въ каждой глубокой, въ каждой утонченной душѣ?.. Для этого не су-

ществуетъ словъ, но какой ужасъ охватилъ бы того, кто бы понялъ безъ словъ... Глубина души, утонченность души,—отчего ничто не можетъ создать это состояніе, кромѣ чувства страданья? Вѣдь немыслимо питаться этимъ душамъ всю жизнь только однимъ страданьемъ, ибо тогда, какъ любятъ выражаться охранители здравія, весь міръ превратился бы въ лазаретъ. Вѣдь это страданье можетъ довести до состоянія одержимости, до безумія, оно можетъ вознести на такую высоту, гдѣ кончается все возможное, гдѣ вся жизнь—одинъ лишь звукъ пустой, гдѣ появляются такіе горизонты и такія откровенія, о которыхъ лучше помолчать... Важно только одно, что въ конечномъ счетѣ человѣкъ доходитъ до состоянія, находясь въ которомъ уже невозможно жить такъ, какъ живутъ всѣ, и значитъ невозможно вовсе жить. Здѣсь ужъ нужно себя только ограничить, войти въ компромиссъ съ дѣйствительностью, кое-что принять, кое съ чѣмъ примириться, безъ этого ужъ нельзя двинуться ни на шагъ. Здѣсь то приходятъ на помощь всевозможныя идеи, спасительныя и религіозныя теоріи, и человѣкъ спасенъ. А увѣровать ужъ непремѣнно надо, это ужъ такъ, ибо сладкое это состояніе—вѣра, она способствуетъ тому, что все болящее у человѣка, все странное, все непонятное, то есть именно то, что и составляетъ его сущность, мигомъ испаряется... А разъ испаряется, то тутъ ужъ и бодрость, и свѣтлый елейный ликъ, и легкость въ мысляхъ необыкновенная,—довершатъ остальное.

Пусть спасается, кто можетъ, на то онъ и человѣкъ, но Ремизову и такимъ, какъ онъ, спасенье вовсе и не нужно, заявить, что спасся,—это прежде всего значитъ принять на себя непосильную отвѣтственность передъ міромъ и передъ самимъ собой. И тѣ, которыхъ любитъ Ремизовъ и которыхъ создаетъ, презираютъ всякое спасенье и всякую ложь, наоборотъ, они ищутъ тѣхъ состояній, подальше отъ всякаго спасенья, которыя только и помогаютъ извлечь изъ человѣка все, что только есть у него значительнаго и чѣмъ онъ можетъ гордиться, они

помогаютъ ему понять, что онъ безмѣрно, безнадежно несчастенъ. А вѣдь единственное, чѣмъ можетъ человѣкъ гордиться, это—несчастье... Несчастье,—это единственное сокровище у человѣка, которое никто не посмѣетъ у него отнять... Несчастье способно переполнить страхомъ и рыданьемъ всѣ его дни до тѣхъ поръ, пока онъ не поймeтъ, что такъ и надо, и что единственный вѣрный путь на землѣ есть путь самосожженія и самозакланія! Несчастье наконецъ, можетъ обратиться для него въ счастье и, хотя это ужъ будетъ хитрость, направленная противъ самого себя во имя самозащиты, но эта то хитрость и поможетъ человѣку снести и выдержать то, чего никто не въ силахъ снести, и жизнь его можетъ быть удачна и блистать будетъ побѣдами! Но для Маракулина вовсе не это важно, для него важно то обстоятельство, что какъ бы ни надрывалась душа, какъ бы ни умоляла, какія бы жертвы и казни не придумывала, а человѣкъ человѣку будетъ всегда бревно, а тогда все сходитъ на нѣтъ, тогда не зачѣмъ изъ кожи лѣзть, не зачѣмъ съ людьми жить! Крикъ придушенный, жалобный и мяукающій, безотвѣтный Муркинъ крикъ: „воздуху дайте, воздуху!“ вѣчно будетъ царапаться въ обезумѣвшей душѣ и никто не пойметъ, никто не откликнется, никто не пожалѣетъ даже! А все дѣло то въ томъ заключается, что *„еслибы люди вглядывались и замѣчали другъ друга, то лишь одно желѣзное сердце вынесло бы весь ужасъ и загадочность жизни! А, можетъ быть, совсѣмъ и не надо было бы желѣзнаго сердца, еслибы люди замѣчали другъ друга!“*... *). Но никто никого не замѣчаетъ, и живутъ всѣ несчастными и одинокими, и еще сверхъ своего собственнаго несчастья обзаводятся крестами, и покупаютъ ихъ собственною своею кровью! И никто не имѣетъ права жить, всѣ чрезъ свою болѣзнь, чрезъ болѣзнь страданья выброшены за бортъ жизни, и только одна счастлива и только одна имѣетъ право, царское право на жизнь,—генеральша Холмогоро-

*) Курсивъ мой. А. З.

ва—вошь, какъ ее злорадно называетъ Маракулинъ!.. Такія только и владычествуютъ въ этомъ мірѣ, такія ничего не боятся и всѣ предъ ними благоговѣютъ. Вотъ идетъ она „такая сытая и здоровая, довольная и побѣдоносная,— вошь, которой не въ чемъ и каяться, идетъ для моціона, прогуливается со своимъ складнымъ стульчикомъ по Фонтанкѣ или возвращается по Загородному изъ церкви и словно бы паутина за ней тянется задохлая, какая виситъ по углахъ въ темныхъ непровѣтривающихся крысиныхъ чуланахъ или лежитъ между поломъ и дномъ несдвигаемыхъ тяжелыхъ сундуковъ, тянется за ней паутина и прямо въ ротъ тебѣ лѣзетъ и душитъ, хоть въ Фонтанку!“.. Маракулинъ знаетъ, что эта самая сытая и здоровая корова Холмогорова есть идеалъ всего человѣчества, всего прогресса, всѣхъ общественныхъ стремленій! Ее то будутъ брать за образецъ при созданіи великаго человѣка будущаго, ее то будутъ восхвалять и воспѣвать, какъ царицу, ея круглая мордастая рожа все мучитъ, все грезится въ снахъ и не даетъ покоя, потому что ясно стало, что весь міръ и все благоустройство и весь покой зависятъ только отъ нея... И ехидно разсуждаетъ Маракулинъ: „А думаю я такъ, что и безъ всякихъ даже излишнихъ словъ и церемоній, забывъ должное и недолжное и всякое спасеніе, тихонечко, не снимая шляпъ и другихъ соотвѣтствующихъ сану головныхъ уборовъ, спустили бы подштаники съ себя штаны, да, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, на зовъ мужественнаго, свободнаго, гордаго, святого слова юркнули бы въ какую-нибудь гигантскихъ размѣровъ конскимъ волосомъ заросшую голову, состроенную такъ бы и у насъ на томъ же Бельгійскомъ заводѣ, вприглядку и бы въ этотъ кабаковскій нерукотворный Новый Іерусалимъ съ миромъ и милостью, чтобы начать новую вольную жизнь безпечальную, безгрѣшную, безсмертную, а главное —спокойную: питайся, переваривай и закаляйся. Складнымъ складнымъ обзавестись всегда успѣется, да, можетъ, въ такихъ всеобщихъ, а потому и обязательныхъ, добровольно принятыхъ условіяхъ, когда у каждаго на

шеѣ забренчитъ коровій колокольчикъ, чтобы, питаясь, не затеряться, и безъ складного стульчика безопасно будетъ по Фонтанкѣ для моціона прогуливаться и на Загородный въ церковь ходить. И надо думать, такъ поступило бы все разумное и доброе—кто себѣ врагъ!—и поступило бы законно, правильно, мудро и человѣчно: въ самомъ дѣлѣ, ну, кому охота маяться, задыхаться безъ сна, потерявъ и терпѣніе и покой!"..

Маракулинъ въ своемъ отчаяньи до того дошелъ, что ему самому хочется вернуться назадъ, къ стаду, ибо стадо обладаетъ простымъ и вѣрнымъ средствомъ вести спокойную и беззаботную жизнь, онъ дошелъ до того, что по ночамъ отбивалъ поклоны съ ожесточеніемъ до боли: *„Господи!—просилъ онъ,—дай мнѣ всего на одну минуту вошью настоящую жизнь, введи въ славу свою, Господи, дай мнѣ хоть на часокъ передохнуть, а потомъ да будетъ воля Твоя!"*... *). Но не тутъ ужъ было. Никакой перемѣны Маракулину въ своей жизни не удалось достигнуть, боль, тупая, ненасытная боль довела его до самоубійства и вотъ, онъ лежитъ, истекая кровью, на камняхъ, окончивъ свой тяжелый, ненужный и жестокій путь. И этотъ пришелъ къ тому же, къ чему приходятъ другіе, и онъ не разрѣшилъ, а только запуталъ всѣ узлы еще крѣпче, еще сильнѣй! Отчего? Зачѣмъ? Вѣдь наивно утверждать, что смерть есть разрѣшеніе всего и завершеніе всего... Вѣдь можетъ быть, смерть есть такая же ложь и такой же безсмысленный ужасъ, какъ и вся эта жизнь! Еслибы можно было смертью уничтожить ужасъ, тогда бы самоубійство было спасеніемъ, но кто поручится, что и тамъ, за гробомъ не ждутъ насъ ужасы еще хуже настоящихъ, земныхъ? Всякое самоубійство есть именно тотъ компромиссъ, та хитрость, которою спасаются люди отъ жизни... И можетъ ли быть позорнѣе того униженія, которое выказываетъ самоубійца! Вѣдь онъ склоняетъ колѣна свои именно передъ тою пошлостью, передъ тою сытою и жирною ге-

*) Курсивъ мой. А. З.

неральшею Холмогоровой, которую такъ яростно, такъ страшно ненавидитъ! Вѣдь это значитъ сдаться *и признать „вошь“ царицею вселенной*, вѣдь это значитъ уйти отъ того, отъ чего нельзя, отъ чего стыдно уйти, уйти отъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые мучаютъ человѣчество! Впрочемъ, самоубійство самоубійству рознь, на этомъ пошломъ пути самоограниченія и компромиссовъ попадаются явленія, достойныя вниманія, явленія сами по себѣ интересныя, они проливаютъ свѣтъ на психику человѣка, на тайники его души, на его сущность, здѣсь важна и не форма и не фактъ, важна та глубина, которая заставляетъ человѣка придти къ полному самоистребленію и міръ обречь на казнь и себя съ нимъ, и міра лишиться и лишиться себя, и въ одной минутѣ воздвигнуть надъ всѣмъ свою волю... Достоевскій прекрасно зналъ это состояніе, онъ вѣдь былъ приговоренъ къ смертной казни и одна минута отдѣляла его отъ страшной пустыни, именуемой смертью! Самоубійство Кириллова это не только простое самоубійство, это цѣлая метафизика единой воли, требующей уничтоженія того, что не должно существовать, ибо построено на лжи и на обманѣ! Здѣсь человѣкъ не себя обрекаетъ на разрушенье и на смерть, а цѣлый міръ, всѣхъ людей! Ему важно уничтожить весь міръ, прекратить ходъ всей исторіи, ибо она не имѣетъ смысла... Эту мысль Кирилловъ выносилъ въ своей каморкѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ берегъ ее, какъ святыню, и когда пришлось ему ее осуществить, то онъ не успокоился на словахъ, онъ убилъ себя! Достоевскому, конечно, выгоднѣе было предоставить убить себя Кириллову, а самому остаться жить и продолжать выдумывать геніальныя идеи, на то онъ и литераторъ былъ, то же самое не помѣшало Ремизову уморить своего Маракулина... Но каково то было самому Кириллову, кто пойметъ это состояніе, когда человѣкъ *долженъ* убить себя, во что бы то ни стало долженъ, ибо онъ къ этому всю жизнь стремился, ибо въ этомъ заключается его призваніе! Это—тоже жертва и жертва священная, а

кто приноситъ ее, тотъ стоитъ на неизмѣримой высотѣ.

Кто вдумывался въ тотъ фактъ, что Христа распяли на этой землѣ, что осмѣлились низвести до пошлости самое святое святыхъ, тому станетъ понятенъ Кирилловъ и станетъ понятно его самоубійство! Ибо не небытію принесъ себя въ жертву Кирилловъ, нѣтъ, онъ умеръ отъ ужаса за Христа, онъ умеръ за то, чего нельзя осуществить въ этой жизни, онъ умеръ за то новое небо, за ту новую жизнь, которую здѣсь мѣшаютъ воздвигнуть даже Богу!

— Слушай! Слушай большую идею: былъ на землѣ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ, что на ней, безъ этого человѣка—одно сумасшедствіе. Не было ни прежде, ни послѣ Ему такого же, никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *этого*, даже чудо свое-же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы — ложь и діаловоловъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?“. („Бѣсы“). Всю жизнь хотѣлъ перемѣнить Кирилловъ, онъ хотѣлъ заявить своеволіе и убить міръ своею смертью, потому что міръ не можетъ быть безъ Бога, а старый Богъ уже не есть Богъ! Горькая истина таится во всемъ этомъ, да и не надо ея вскрывать! Важно одно: человѣкъ осмѣлился заявить своеволіе и противопоставилъ его всѣмъ богамъ, всѣмъ законамъ и всей жизни, развѣ это не красиво и что можетъ быть прекраснѣе этого подвига? Правда, Кирилловъ убилъ себя и умеръ, какъ умираютъ всѣ люди, послѣ его смерти та же самая жизнь продолжала издѣваться и хохотать надъ

нимъ, по тѣмъ же законамъ природы, которые онъ якобы побѣдилъ, тѣло его сгнило и превратилось въ костякъ, и кто знаетъ, не пройдется ли по этому костяку въ одинъ прекрасный день генеральша Холмогорова—вошь со складнымъ стульчикомъ? Такова жизнь, во всей наготѣ ея! Она рождаетъ безчисленное множество самоубійцъ—и все съ надеждами и идеями, каждый самоубійца это цѣлый ворохъ самыхъ безумныхъ надеждъ и идей, она позволяетъ имъ убивать себя сколько душѣ угодно, а потомъ будетъ хоронить, а потомъ забудетъ, а потомъ—всегда и вѣчно съ этими надеждами и идеями, превращенными въ прахъ, будетъ кружиться земля вокругъ своей оси и вокругъ солнца, а тотъ, кто кружитъ, неутомимо будетъ издѣваться и хохотать надъ всей этой комедіей! Казалось бы, изъ за чего и хлопотать то, но человѣчество не живетъ вѣчностью, оно живетъ интересами дня, оно живетъ узкимъ и преходящимъ и задыхается въ заколдованномъ кругу. Десятки, сотни, тысячи самоубійствъ вокругъ насъ не затихаютъ, а разростаются, это цѣлый пожаръ, цѣлая катастрофа, которую не въ силахъ, что бы ни говорили, остановить никакія палліативы и никакіе компромиссы. Говорятъ: это признакъ вырожденія, признакъ гибели и измельчанія, я же утверждаю наоборотъ. Вѣдь большинство самоубійцъ составляетъ наше юношество, то есть именно то, что зрѣетъ, что живетъ, а не умираетъ. Подумалъ ли кто, почему это такъ? Почему молодая, весенняя, едва расцвѣтающая жизнь сама, по *своей волѣ* останавливаетъ свой ходъ, почему задыхается, почему вянетъ? Да потому только, что слишкомъ велика жажда жизни, велика и сильна жажда идеала, жажда чуда, и міръ не можетъ вмѣстить въ себѣ этой жажды, міръ слишкомъ узокъ, слишкомъ тѣсенъ, слишкомъ пошлъ для этихъ пьяныхъ мечтою своею, дерзаніемъ своимъ, своеволіемъ своимъ душъ! Но вслушайтесь въ то, что безмолвно говорятъ вамъ эти безчисленныя жертвы, прочтите завѣтныя, полныя мольбы и отчаянья письма самоубійцъ, письма, на которыя никогда не послѣдуетъ отвѣ-

та, и вы поймете, вы почувствуете, что здѣсь что то могущественное, какая то стихійная волна, какой то могучій сдвигъ, идущій одной сплошной стѣной, идущій широко, безстрашно, идущій противъ самой жизни, противъ ея законовъ, противъ ея мертвечины! Въ самомъ дѣлѣ, во имя чего и изъ за чего лишаютъ себя жизни эти многіе, что своею кровью обагряютъ безконечно землю? Ясно, что во имя той новой жизни, которую они не въ силахъ были создать, во имя тѣхъ завѣтныхъ идеаловъ и стремленій, которыя были для нихъ священными, во имя того новаго царства, которое помѣшали имъ создать люди здѣсь, на землѣ! Такъ что самоубійство ихъ есть своего рода творчество, и не творчество смерти, а творчество *жизни*, той новой, грядущей жизни, во имя которой они жертвуютъ собой!..

Кириллову было вѣдомо одно рѣдкое и весьма интересное состояніе, состояніе, длящееся всего какихънибудь пять секундъ, о которомъ онъ такъ выражается самъ: „Это не земное. Я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически, или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда! Богъ, когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: „да, это правда, это хорошо!“. Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о!—тутъ выше любви! Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому что стоитъ!“.

Если человѣкъ въ состояніи пережить подобныя минуты, минуты созиданія новыхъ міровъ, минуты пришествія чуда, то зачѣмъ ему убивать себя? Вѣдь онъ на минуту побѣдилъ жизнь, раздвинулъ рамки дѣйствительности, онъ сталъ богомъ и исполнилъ всю свою волю.

Больше ничего не надо и ничего не потребуется. И ясно, что ради этихъ минутъ можно принять жизнь, принять со всей ея трагедіей, со всѣмъ ея отчаяньемъ, со всѣмъ ея страданьемъ, *ибо жизнь есть страданіе и въ страданіи—жизнь!*

17 марта 1911 г.
Кіевъ.

Оглавленіе.

Страница.

Сверхчеловѣкъ надъ бездной 1

Религія подвига (Левъ Толстой). 51

Мистика жизни и смерти (Ж. Роденбахъ и Б. Зайцевъ). 80

Психологія самоубійства 105